

Институт экономической политики
имени Е.Т. Гайдара

Научные труды № 158Р

Т. Интигринова

**Права собственности
на пастбищные угодья:
проблемы, дискуссии, опыт**

Издательство
Института Гайдара
Москва / 2011

УДК [349.41:633.2.033](066)
ББК 67.407.11я54

И73 Интигринова, Татьяна Павловна
Права собственности на пастбищные угодья: проблемы, дискуссии, опыт /
Т. Интигринова – М.: Издательство Ин-та Гайдара, 2011. – 156 с.: ил. –
(Научные труды / Ин-т эконом. политики им. Е.Т. Гайдара; № 158Р). –
ISBN 978-5-93255-331-2.

Агентство СІР РГБ

В настоящей публикации рассматриваются вопросы институциональных основ управления коллективной собственностью, а также представлен обзор теоретических подходов к проблемам влияния частной и коллективной форм собственности на эффективность и рациональность использования ресурсов. Особое внимание уделяется взаимосвязи институциональных решений и природно-климатических условий. Практический опыт управления частной и коллективной собственностью анализируется на примере землепользования в животноводческом секторе.

T. Intigrinova

Property regimes for pastoral resources: discussions, practices and problems

This publication discusses the institutional foundations of governing common property. The author reviews various theoretical approaches considering the relationship between private and common property regimes and land use sustainability. The social and environmental outcomes of changing property regimes are illustrated by analyzing the implementation of land reforms in pastoral sector.

JEL Classification: B41, D70, N50, Q15.

Настоящее издание подготовлено и напечатано по материалам исследовательского проекта Института Гайдара в рамках гранта, предоставленного Агентством США по международному развитию (АМР США). Ответственность за содержание несет Институт Гайдара, и мнение автора, выраженное в данном издании, может не совпадать с мнением АМР США или правительства США.

УДК [349.41:633.2.033](066)
ББК 67.407.11я54

ISBN 978-5-93255-331-2

© Институт Гайдара, 2011

Содержание

Введение	5
Глава 1. Неизбежна ли трагедия общественного выпаса?	10
1.1. Теория Гарретта Хардина	10
1.2. Эволюция и кооперация.....	15
1.3. Индивид: возможность рационального выбора	19
1.4. Свобода выбора или социальные нормы?.....	23
1.5. Понятия общедоступного и коллективного	25
Глава 2. Решения в условиях частной и коллективной собственности	28
2.1. Частный собственник.....	29
2.2. Коллективный собственник.....	34
Глава 3. Влияние природно-климатического фактора	55
3.1. Теория равновесия и неравновесия экосистем	56
3.2. Особенности горного животноводства	70
Глава 4. Опыт и уроки фрагментации пастбищных угодий	84
4.1. Индивидуализация земельных ресурсов в Тибете	84
4.2. Приватизация земель и управление экологическими рисками в регионе Восточного Саяна.....	99
4.3. Результаты приватизации в условиях избытка земельных ресурсов	120
Заключение	122
Список использованной литературы	132
Список использованных законодательных актов	152

Введение

«Влияние системы земельных отношений¹ распространяется далеко за пределы вопросов землепользования. Земельные отношения оказывают непосредственный эффект на численность и расселение населения; наличие у него профессиональных навыков и опыта предпринимательства; на емкость трудового рынка, а значит, и на миграционные процессы; на обеспеченность жильем; социальную структуру общества; на распределение власти и влияния» (*McGregor, 1993*) – подобные перечисления множественных социально-экономических эффектов земельных отношений можно найти в трудах большинства авторов, занимающихся исследованиями землепользования и прав на земельные ресурсы (например, (*Wightman, 1999; McGregor, 1993; Toulmin, Quan, 2000*)). Кроме экономических и социальных аспектов, воздействию земельных отношений подвержены культура и религиозные верования, но в этом случае мы в большей степени говорим о взаимовлиянии (*Toulmin, Quan, 2000*).

Столь широкое воздействие земельных отношений убеждает в необходимости глубоких и всесторонних исследований этой сферы жизни социума, а также крайне осторожной, основывающейся на подробно разработанных обоснованиях, земельной политики. Вопросы о наиболее приемлемых отношениях по поводу собственности, в том числе земельной, волновали еще древних философов. Так, Аристотель задавался вопросом о том, как целесообразно организовать собственность для наилучшего государственного устройства, должна ли она быть общей или индивидуальной (*Аристотель, 1983, книга 2, глава 3*). Если рассуждения Аристотеля

¹ Общественные отношения между населением, органами государственной власти, органами местного самоуправления, юридическими лицами по поводу владения, пользования, распоряжения и управления земельными ресурсами (*сноска Т. Интигриновой*).

не дают однозначного ответа на вопрос, какая форма собственности из двух названных наиболее приемлема, то в последние столетия прошлого тысячелетия ответ казался более очевидным в связи с развитием эволюционной теории и экономических знаний. Уже в XVIII веке Адам Смит демонстрирует, что частная собственность по сравнению с другими институтами собственности позволяет повысить экономическую эффективность. С развитием эволюционной теории в XIX веке все популярнее становится установка о несомненности прогресса развития человеческого общества, частью которого является развитие институтов собственности от первобытного коммунизма через коллективную собственность кланового общества к частной и государственной (*Морган, 1935, стр. 323*).

Выдвинутый Льюисом Морганом тезис, согласно которому частная собственность является собой социальный институт более совершенный по сравнению с коллективной, и сегодня превалирует в общественном сознании. Положение о частной собственности как залого эффективного землепользования движет земельные преобразования на всех континентах. Но опыт земельных реформ в развивающихся странах и исследования последних десятилетий, посвященные вопросам землепользования и земельных отношений, показали, что ответы на вопросы – является ли коллективная собственность атавизмом прошлых эпох? каковы факторы, определяющие наиболее приемлемые формы собственности? влияют ли формы земельной собственности на эффективность производства и рациональность использования природных ресурсов? – далеко не так однозначны, как это казалось еще в середине XX века. Сомнения были посеяны провалами земельной политики прежде всего в сообществах, где превалирующей формой производства является животноводство, основанное на пастбищном содержании скота.

Оказалось, что утверждение Моргана о том, что общинная коллективная собственность на землю, общинные дома, поселение родственных семей по соседству исключают частную собственность (*Морган, 1935, стр. 321*), не всегда соответствует реальности. Изучение земельных отношений в центре Европы, в Швейцарии, наглядно продемонстрировало сосуществование на протяжении многих веков письменно закрепленных институтов частной и коллективной собственности. Африканские исследования доказали экономическую эффективность сложной системы сосуществования различных видов прав на земельные ресурсы, обоснованную экологическими условиями. На границе тысячелетий, в 1999–2000 гг., в Шотландии была инициирована реформа, включающая внедрение прав коллективной собственности сельских сообществ.

Однако на настоящий момент однозначность парадигмы о необходи-

мости обеспечения прав частной собственности по-прежнему является основной характеристикой содержания теоретических подходов к земельному вопросу в нашей стране. Подобная однозначность не может не вызывать сомнений, особенно в связи с наличием на территории России значительных пространств, фактически занятых под выпас скота. Под пастбищные угодья сегодня фактически используются как земли сельскохозяйственного назначения, так и земли других категорий, в частности, лесного фонда. При этом доля пастбищного содержания по отношению к стойловому увеличивается (*Юнусбаев, 2009, стр. 7*). Большая часть пастбищ используется населением сообща. Зачастую это происходит под влиянием исторически сложившихся традиций землепользования, поскольку животноводство, хотя бы частично зависящее от естественных выпасов, в большей степени характерно для коренных народов Севера, Кавказа, Сибири и Поволжья (например, см. данные (*Pallot, Nefedova, 2007*)). В то же время необходимо признать, что юридические права на пастбищные угодья, как правило, оказываются неразграниченными.

В регионах с небольшой плотностью населения юридическая неразграниченность прав компенсируется устным договором; в густонаселенных районах ведет к земельным конфликтам. Но исследования в тех регионах страны, где пастбищные угодья были приватизированы, наглядно демонстрируют, что фрагментация пастбищ в условиях малоземелья также может иметь серьезные негативные последствия. Она снижает возможности населения управлять экологическими рисками животноводческого производства и провоцирует социальную исключенность и обнищание безземельной части населения, усиливая социально-экономическую, а затем и идеологическую стратификацию сельских сообществ (*Intigrinova, 2010*).

Вопросы обеспечения прав граждан на земельные ресурсы требуют незамедлительного решения. Но решение, способствующее снижению напряженности и повышению эффективности землепользования, возможно лишь на основе хорошо разработанной концепции прав, учитывающей специфику пастбищного содержания, которая, в свою очередь, определяется множеством факторов – экологических, экономических, социальных и культурных. На настоящий момент наиболее актуален вопрос о разработке концепции прав собственности на пастбищные угодья на Северном Кавказе. Во-первых, большинство кавказских регионов ввели мораторий на приватизацию земельных ресурсов колхозов и совхозов, в связи с чем неразграниченность прав на земельные ресурсы стала основной характеристикой институционального контекста региона. Во-вторых, Северный Кавказ – одна из наиболее плотно населенных территорий Российской Федерации, а соответственно реализация непродуманной концепции зе-

мельной реформы, не отражающей местную специфику, может привести к нарастанию социальной напряженности в регионе, и без того характеризующемся повышенным уровнем конфликтогенности. В-третьих, горные экосистемы, занимающие значительную часть территории региона, мало подходят для ведения интенсивного стойлового животноводства.

Необходимость институциональных преобразований в области земельных отношений, безусловно, назрела. Неурегулированность земельного вопроса – один из основных факторов, сдерживающих развитие инициативы сельскохозяйственных производителей. Но вопрос о том, какие виды прав на земельные ресурсы должны стать основой для будущих преобразований, на наш взгляд, не имеет однозначного ответа. Международный опыт наглядно демонстрирует, что частная собственность на пастбищные угодья не всегда приемлема с точки зрения экономической эффективности. Мозаичность пастбищных ландшафтов, высокие экологические риски, низкая продуктивность земель, отводимых под естественные выпасы, обосновывают преимущества совместного использования этих ресурсов.

Нобелевский лауреат в области экономики 2009 г. Элинор Остром писала в своей работе «Управление коллективными ресурсами: эволюция институтов коллективного действия», удостоенной внимания Нобелевского комитета: «Если это исследование не будет иметь другого эффекта, кроме того, что расшатает устоявшееся убеждение многих аналитиков, что единственный возможный путь решения проблемы неэффективного пользования ресурсами – это частная собственность или централизованное регулирование, оно уже достигнет одну из своих главных задач» (*Ostrom, 1990, стр. 182*).

Автор настоящей публикации надеется, что предлагаемая вниманию читателей работа сможет послужить толчком к дальнейшему развитию дискуссии о правах собственности на пастбищные угодья в России. Необходимость такой дискуссии, включающей вопросы экономической эффективности, экологической устойчивости и обеспечения социального равноправия населения, не вызывает сомнения. Она пришлась бы к месту и могла бы оказать позитивное влияние на ход земельной реформы еще в 1990-х. Но актуальность вопросов земельной собственности, сохранения плодородия земельных ресурсов и обеспечения прав граждан на землю за период осуществления постсоциалистических реформ не ослабла. Обсуждение перечисленных вопросов все еще способно снижать издержки – социальные, экономические и экологические – земельных преобразований.

Данное исследование содержит краткий обзор теоретических подхо-

дов к вопросам о взаимодействиях форм собственности на пастбищные угодья, анализ практики землепользования и институтов, регулирующих использование пастбищных угодий в регионах традиционного преобладания животноводческого типа производства. Кроме того, особое внимание уделяется опыту преобразований земельных отношений в скотоводческих сообществах, в том числе рассматриваются результаты полевых исследований автора. Обзор теоретических подходов носит междисциплинарный характер и направлен на формирование целостного подхода, в рамках которого было бы возможно использовать для целей обоснования земельной политики достижения всех дисциплин, обращающихся к проблеме собственности. Публикация включает рассмотрение подходов экономики, теории игр, психологии, экологии, антропологии и других дисциплин. Специалисты в этих областях, возможно, найдут привычные для них концепции в несколько непривычных сочетаниях и интерпретациях. Но мы надеемся, что не на этом будет сосредоточено внимание наших читателей. Задача автора – привлечь к дискуссии о наиболее приемлемых формах собственности специалистов различных дисциплин. Список дисциплин, вклад которых мог бы способствовать развитию дискуссии и углублению представлений о взаимодействии землепользования, земельных отношений и экосистемы, может быть существенно расширен, например, за счет таких областей знания, как биология и юриспруденция. Цель этой работы будет достигнута, если нам удастся стимулировать реакцию специалистов в различных областях социальных и естественных наук на нашу попытку обосновать неоднозначность постулатов о частной собственности на пастбищные угодья как залога снижения конфликтности, повышения эффективности животноводческого сектора и экологической безопасности.

Глава 1. Неизбежна ли трагедия общественного выпаса?

1.1. Теория Гарретта Хардина

Как уже упоминалось выше, убеждение, что частная собственность по сравнению с другими институтами собственности позволяет повысить экономическую эффективность, восходит еще к работам основателя политической экономии Адама Смита. Но, чтобы обосновать необходимость приватизации природных ресурсов, в частности земли, чаще всего обращаются к статье Гарретта Хардина «Трагедия общественного»¹ (*Garrett Hardin, The tragedy of the commons, 1968*). Основная проблема, обсуждаемая в этой статье, – перенаселение планеты. Однако, рассуждая об этой проблеме, автор обращается к общедоступному пастбищу как примеру торжества эгоистичного поведения индивидуума, максимизирующего собственную выгоду. По мнению Г. Хардина, пользователи общественных ресурсов преследуют собственные интересы, даже если это ведет к разрушению используемого ресурса.

¹ По нашему мнению, широко распространенный перевод заголовка статьи Г. Хардина как «Трагедия общин» дает неверное представление об ее содержании. Г. Хардин рассматривает нерегулируемое пользование. Дословно выражение автора «pasture open to all» (*Hardin, 1968, стр. 1244*) может быть переведено как «выпас, открытый для всех» т.е. находящийся в свободном доступе. Община же предполагает наличие социальных границ, определяющих ее членов. Право общинного землепользования, в свою очередь, определяется членством в общине и исключает посторонних. Неспособность Г. Хардина выделить общинное пользование как регулируемое наряду с частной и государственной собственностью – фундаментальная ошибка, которую он публично признал через 30 лет после публикации статьи «Трагедия общественного» (см. (*Hardin, 1998*)).

Обратимся к первоисточнику. «Представьте пастбище, доступ к которому открыт для всех, – пишет Г. Хардин. – Очевидно, что каждый будет содержать на этом пастбище столько скота, сколько он сможет. Такой порядок может быть вполне приемлемым в течение длительного времени, поскольку войны, вторжения и болезни сдерживают и население, и поголовье скота ниже порога допустимой нагрузки. Но однажды наступает день расплаты, когда, наконец, долгожданная социальная стабильность становится реальностью. В такой момент внутренняя логика общественного землепользования безжалостна и трагична. Будучи рациональным, каждый индивид максимизирует свою выгоду. Прямо или косвенно, осознанно или нет, каждый задается вопросом: «А какова будет *моя* выгода, если я увеличу свое стадо на одну голову?» (*Hardin, 1968, стр. 1244*). Г. Хардин считает, что увеличение поголовья имеет и позитивный, и негативный эффект. Прирост стада – позитивный результат. Негативный же выражен в дополнительной нагрузке на пастбище. Но поскольку все доходы от продажи дополнительного скота принадлежат его владельцу безраздельно, позитивный результат, с точки зрения этого владельца, перевешивает негативный, в равной степени влияющий на всех пользователей общественного пастбища. Рассуждая таким образом, каждый рационально мыслящий владелец стада добавляет, по мнению Г. Хардина, еще одно животное, затем еще, еще и еще (*Hardin, 1968, стр. 1244*).

Трагедия выпасов общего пользования в рассматриваемой теории представлена как конфликт между свободой выбора каждого актора и ограничениями экосистемы, сохранение которой олицетворяет общественный интерес. Индивидуальная свобода выбора ведет к разрушению общего ресурса. В качестве инструментов, способных решить проблему несоответствия индивидуальных и общественных интересов, автор статьи предлагает частную собственность на природные ресурсы и ограничение права доступа к общественным ресурсам на основе квот, регулирующих извлечение ресурсов во времени и фиксирующих их количество, в рамках государственной собственности.

Институт частной собственности, по мнению приверженцев этого постулата, позволяет исключить рациональную, с точки зрения индивидуума, но губительную для общественного ресурса модель поведения, известную в английском языке под названием «free riding», а в русском языке как «поведение безбилетника». Поведение безбилетника определяется желанием использовать общественные блага или ресурсы без индивидуального вклада в его поддержание. По мнению Г. Хардина, поскольку каждый индивидуум воспринимает «бесплатное» пользование общественным ресурсом как рациональную линию поведения, *никто* не вкла-

дывает усилия в поддержание устойчивости ресурса, но **все** используют ресурс для собственного блага. **Никто** не заинтересован в сохранении ресурса, поскольку ресурс используется многими, т.е. отдача от вложения средств, усилий, и/или времени не может быть присвоена индивидуально. Выгоду от улучшений, полученных в результате своих действий, индивид вынужден делить со всеми пользователями ресурса. Г. Хардин и его сторонники считают, что любые индивидуальные вложения, с точки зрения деятеля, рассматриваются в такой ситуации как нерациональные, что позволяет сделать вывод о высокой вероятности истощения ресурса. Осознание истощаемости ресурса стимулирует индивидуальное поведение, имеющее своей целью скорейшее использование общественного ресурса, предвосхищающее его истощение. В результате такое поведение каждого пользователя ускоряет истощение ресурса в целом.

Желая продемонстрировать эгоистичность рационального выбора индивида по отношению к общественному благу, Г. Хардин, на наш взгляд, использовал наглядный, но далеко не однозначный пример. Через 30 лет после выхода в свет своей революционной статьи он признал, что допустил серьезную ошибку: не употребил определение «нерегулируемые» (unmanaged) по отношению к ресурсам (*Hardin, 1998*). А ведь именно никем не регулируемым ресурсам угрожает предсказанная автором трагедия. Коллективное же пользование пастбищами осталось за рамками рассуждений Г. Хардина, что привело к смешению понятий, а в дальнейшем – к прямой ассоциации между общедоступными и коллективно используемыми ресурсами и, следовательно, к ассоциации коллективной собственности с трагическими последствиями разрушения окружающей среды. Кроме того, пастбище, которое имел в виду Гарретт Хардин, гипотетическое. Оно не «прописано» ни во времени, ни в пространстве, а значит, не определено ни с точки зрения культуры пользователей, ни с точки зрения ландшафта и климата, в которых оно существует. Обращение к общественному выпасу – это, по сути, метафора, демонстрирующая процесс принятия решения, ведущего к перенаселению планеты. Подобная метафора не отражает реальности использования пастбищных ресурсов в скотоводческих сообществах. Детальное изучение этой темы показало, что в абсолютном большинстве таких сообществ действуют социальные институты, регулирующие пользование общественными выпасами. Коллективное пользование пастбищами оказывается предпочтительным в определенных природных условиях (*Peters, 1994; Netting, 1981*) и сообществах определенного размера (*Runge, 1981, 2009*).

Изучение пастбищных экосистем продемонстрировало, что в зависимости от климатических особенностей либо достижение максимально

допустимой нагрузки на пастбища ведет к естественному снижению количества животных за счет падежа, либо в условиях, характеризующихся непредсказуемыми и значительными изменениями, достижение максимальной нагрузки на пастбищные экосистемы практически невозможно¹. В определенных экосистемах климат диктует необходимость стойлового содержания скота в зимний период. В таком случае решающим фактором, определяющим поголовье скота, является обеспеченность домохозяйства на этот период кормами. В этом случае высокая капиталоемкость, трудовые затраты, ограниченность земель, пригодных для сенокосения, как правило, диктуют необходимость содержания значительно более низкого количества скота по сравнению с тем, которое может поддерживаться пастбищными системами в летний период. Более того, превышение пастбищной нагрузки оказалось неэффективно с точки зрения экономической, поскольку животные, получающие недостаточное количество корма на деградированных пастбищах, малопродуктивны, что резко снижает рентабельность хозяйства (Юнусбаев, 2009, стр. 8).

Тем не менее статья Г. Хардина признается одной из самых влиятельных научных работ XX века (Walker, 2009, стр. 283). Именно она привлекла внимание к проблеме общественных ресурсов со стороны общественности, широких научных кругов и политиков. Нужно признать, что так называемая «проблема общественной собственности» (common property problem) рассматривалась еще до появления статьи Г. Хардина. Например, в 50-х годах прошлого столетия были опубликованы статьи Скотта Гордона (Gordon, 1954) и Энтони Скотта (Scott, 1955), предложившие на примере анализа использования рыбных ресурсов выводы, идентичные выводам Г. Хардина. Указанные авторы проводили разграничительную черту между наличием и отсутствием прав собственности как фактором влияния на эффективность и рациональность природопользования, но их работы не имели столь широкого резонанса, как работа Г. Хардина. Ее влияние обеспечено безапелляционностью выводов о приближающемся истощении ресурсов, находящихся в общественной собственности. Несмотря на метафоричность подхода Гарретта Хардина, до 80-х годов XX века его теория определяла видение «проблемы общественных ресурсов» и методов ее решения (Berkes, 2009). «Трагедия общественного» стала не только основным фокусом научной дискуссии о необходимости приватизации земли, но была положена в основание соответствующей земельной политики» (Berkes, 2009). Ее выводы определили на десятилетия вперед

¹ К более подробному обсуждению аргументов подобного порядка мы вернемся в следующих главах нашей публикации.

цели и задачи земельной политики во многих странах мира. Приватизация земли как инструмент противостояния трагедии общественного выпаса была принята и ученым сообществом, и политиками.

В экономике предположение Гарретта Хардина о неизбежности истощения коллективно используемых ресурсов принято объяснять, исходя из так называемой «дилеммы заключенного», в которой каждый из участников, действуя рационально с точки зрения отдельного индивидуума, в результате теряет возможные коллективные выгоды. Классическое объяснение этой дилеммы строится на анализе поведения двух подозреваемых, задержанных полицейскими и допрашиваемых в двух разных помещениях. У каждого из подозреваемых есть выбор: вступить в сотрудничество со следствием, признавшись в содеянном, и получить меньший срок или отрицать причастность к преступлению. Выбор последнего варианта одним из правонарушителей тем не менее оставляет возможность для второго сотрудничать со следствием и, таким образом, уменьшить свой срок заключения.

В рамках данной концепции, как и в целом в теории игр, каждый индивид рассматривается как существо рациональное, т.е. предполагается, что каждый преследует собственную выгоду. Рациональным с точки зрения индивидуума в данном случае представляется максимизация собственного выигрыша, неизбежно ведущая к ущемлению интересов партнера. Единственно возможное в такой ситуации равновесие – это предательство обоих участников событий. Но поведение, рациональное для каждого из подозреваемых в отдельности, в итоге приводит к тому, что оба подозреваемых подвергаются наказанию. Если бы каждый из них выбрал менее рациональный, с точки зрения индивидуума, вариант – не сотрудничать со следствием, оба правонарушителя избежали бы наказания. Таким образом, индивидуально рациональное поведение оказалось нерациональным для правонарушителей, вместе взятых. В этом и заключается «дилемма заключенного». Именно такая модель поведения первоначально проецировалась теоретиками, работающими в рамках теории игр, на поведение пользователей пастбищными угодьями. Предполагалось, что каждый из пользователей предпочитает максимизировать собственную выгоду, т.е. увеличивает поголовье до тех пор, пока пастбище не будет истощено.

Однако коллективное управление и пользование природными ресурсами существенно отличается от сценария, представленного теорией игр для «дилеммы заключенного». Одним из основных отличий между сообществом пользователей и названным сценарием является наличие в первом случае и отсутствие во втором случае возможностей общаться, получать и распространять информацию. Как пишет Кен Бинмо: «Ника-

кого парадокса рационализма не существует. Рациональные игроки не кооперируются в ситуации, представленной «дилеммой заключенного», просто потому, что отсутствуют условия для рациональной кооперации» (*Binmore, 2006, стр.11*). Именно информационное поле представляет одно из необходимых условий кооперации. Отсутствие информации о решении других участников событий и возможности обсуждения для выработки взаимовыгодных сценариев развития событий является стимулом эгоистичного поведения каждого из них (*Olson, 1992*). В представленной игре заключенные лишены возможности общаться. В этом состоит стратегия полицейского, целью которой является раскрытие преступления. Именно отсутствие информации о поведении сообщника делает выбор «предать» выгодным. В случае сообщества пользователей, как правило, местные институты предусматривают механизмы распространения информации, которые, в свою очередь, способствуют развитию доверия и обеспечивают мониторинг поведения каждого из членов сообщества. Заключенные, помещенные в отдельные камеры и лишённые возможности общаться, отмечает Элино́р О́стром, вынуждены действовать независимо. «Независимые действия в этой ситуации – результат принуждения. В модели Хардина владелец скота действует также независимо, как и заключенный. Он сам решает, сколько голов скота выпасать на пастбище, не принимая во внимание, как его действие повлияет на действия других. Но когда несколько пользователей зависят от одного и того же коллективно используемого ресурса, все они находятся под влиянием действий друг друга. Совместное пользование ресурсом неизбежно связывает пользователей в сложном переплетении взаимозависимостей, продолжающемся до тех пор, пока они используют ресурс. Делая собственный выбор, каждый из них должен принимать во внимание выбор других» (*Ostrom, 1990, стр. 38*).

1.2. Эволюция и кооперация

Теории, объясняющие природу взаимодействия в обществе, развивались начиная с XVIII века, но на протяжении длительного времени ни одна из них не имела существенного влияния на представления о процессе принятия решений индивидуумом. «Дэвид Хью́м (David Hume) описал механизм взаимных действий индивидуумов еще в 1739 г. Но едва ли Роберт Оман (Robert Auman) и другие теоретики, описавшие «народные теоремы» (folk theory) в 50-х годах XX века, знали о его подходе. Еще через 20 лет Роберт Триверз (Robert Trivers), предложив идею взаимного альтруизма, также не был осведомлен о предыдущих изысканиях. И

только после публикации книги Роберта Аксельрода (Robert Axelrod) в 1984 г., наконец, идея взаимности стала широко известна» – так описывает современный британский исследователь К. Бинмо перипетии распространения кооперативных теорий в рамках эволюционной парадигмы (Binmore, 2006, сmp. 19). Роберт Аксельрод и Вильям Гамильтон во вступлении к своей первой публикации об эволюции кооперации, опубликованной в 1981 г., также отмечали, что еще в 60-х годах прошлого века теории, основанные на эволюционном представлении о процессах развития человеческого общества, практически полностью игнорировали вопросы кооперации (Axelrod, Hamilton, 1981, сmp. 1390).

Но как бы сложно ни происходило осмысление основ кооперации, к началу 1980-х годов в рамках эволюционной парадигмы были выделены две ее основы. Первый аспект представлен теорией генетического родства, объясняющей поведение с точки зрения необходимости обеспечить выживание и распространение собственного гена индивида. Соответственно поддержка кровных родственников в рамках геноцентричного взгляда на эволюцию рассматривается как основная стратегия индивида, обеспечивающая выживание генотипа. В качестве второй основы кооперации признается взаимность. Эта концепция нашла отражение в теории игр и известна под названием «око за око» (tit for tat). Именно эта концепция была положена в основу объяснения кооперации Робертом Аксельродом и Вильямом Гамильтоном (Axelrod, Hamilton, 1981).

В условиях кооперативной игры «око за око», основанной на «дилемме заключенного», включается новый элемент – повторяемость, т.е. вероятность того, что заключенные встретятся в будущем. Именно этот элемент – залог кооперации участников. В этой игре, в отличие от описанного выше поведения «заключенного», агент готов на совместные действия со вторым агентом в первом раунде, но в последующем его действия будут определяться взаимностью (Axelrod, Hamilton, 1981). Агент, использующий стратегию «око за око», первоначально делает шаг к сотрудничеству, а затем отвечает взаимностью на действия второго агента. Если второй агент также вступает в сотрудничество, первый продолжает делать шаги, направленные на сотрудничество. Если второй агент бойкотирует сотрудничество, первый прекращает действия, направленные на достижение совместных целей.

Как уже отмечалось, исходя из теории «око за око», или, как еще ее часто называют, «ты – мне, я – тебе», кооперация зависит прежде всего от вероятности встречи контрагентов и необходимости взаимодействия в будущем (Axelrod, Hamilton, 1981; Axelrod, 1984). По образному выражению К. Бинмо, «тень будущего» предопределяет поступки настоящего

(*Binmore, 2006, стр. 19*). Если шанс на встречу контрагентов в будущем невысок, игра приобретет все характеристики «дилеммы заключенного», т.е. шансов на то, что агент предпримет действия, направленные на кооперацию, нет. Повторяемость ситуации предопределяет стимул к кооперации в надежде на взаимность. Только взаимность, т.е. отложенный эгоизм или рационализм, рассматривается Р. Аксельродом как основа кооперации.

Наиболее важный аспект в игре «око за око» – это встроенная установка на наказание за отклонение, обеспеченная все тем же элементом – повторением игры в будущем. Оба игрока знают, что противоположная сторона ответит по принципу «око за око», и эта уверенность играет роль антимотиватора для некооперативного поведения (*Binmore, 2006, стр. 19*). Говоря о выборе заключенного в повторяющейся игре, необходимо учитывать вероятность наказания со стороны второго участника событий, существенно корректирующую соотношение выгоды от возможных вариантов. Хотя само наказание также ведет к затратам и соответственно при высоких издержках в группе с количеством участников более двух может возникнуть «дилемма второго порядка» между теми, кто готов нести издержки, и теми, кто предпочитает переложить их на других участников группы, вероятность наказания остается высокой (*Hauert et al., 2007*). Так как отдача от применения санкций выше, нежели от уклонения от них, наказание постепенно становится элементом взаимодействия (*Dawkins, 1976*).

Кроме того, наказания, используемые в местных сообществах, часто характеризуются низкозатратностью. Социальный контракт, пишет К. Бинмо (*Binmore, 2006, стр. 24*), поддерживается сложной сетью взаимных компенсаций и едва уловимых наказаний. Очень немногие из санкций, поддерживающих социальный контракт, – часть государственной системы принуждения. «На самом деле, почти все такие санкции применяют без сознания их применения и со стороны наказанного, и со стороны наказывающего. Кнут используется крайне редко. Что происходит в большинстве случаев? Слегка отодвигается пряник. Приветствия становятся грубоватыми; движения – резкими; взгляды – неприветливыми» (*Binmore, 2006, стр. 24*). Частью механизма, поддерживающего выполнение социального контракта, Кен Бинмо также считает эмоции. Обычно, пишет он, эмоции не учитываются в теоретических рассуждениях, поскольку считаются иррациональными порывами – пережитками развития человечества. Но на самом деле они являются частью системы наказаний. В качестве примера может быть использован гнев как антистимул нарушений (*Binmore, 2006, стр. 25*). В реальной жизни игра может иметь

исход повторяющейся даже в том случае, если на первый взгляд это игра в один раунд, поскольку из предыдущего опыта индивиды могут представить себе реакцию контрагента (*Binmore, 2006, сmp. 25*).

На современном этапе развития теории кооперации, в дополнение к родственным отношениям и взаимности, в качестве основы кооперации, выработанной в процессе эволюции, также широко признается удаленная взаимность (*Nowak, 2006; Binmore, 2006; Camerer, Fehr, 2006* и др.)¹. Удаленная взаимность ассоциируется с зависимостью кооперации от благонадежности участников, зафиксированной в памяти. Поскольку информация о благонадежности передается от бывших партнеров будущим, в надежде на удаленную взаимность индивид вынужден поддерживать свою репутацию надежного партнера. Таким образом, в кооперацию включаются новые партнеры.

Негативная репутация также может быть основанием для «удаленного» наказания. «Это непростительная ошибка думать, что нарушитель может и должен быть наказан только тем, против кого направлено его действие», – отмечает К. Бинмо (*Binmore, 2006*). «В сообществе он может быть наказан третьей стороной. Индивидуум не может себе позволить нарушить договор, поскольку таким образом он создаст себе негативную репутацию. Даже если в будущем он никогда не будет иметь дела с тем, кто пострадал от его действий, договор с ним может быть нарушен другим партнером в силу его репутации» (*Binmore, 2006*). Таким образом, феномен удаленной взаимности представляет реальность как повторяющуюся игру, также значительно снижая возможность возникновения ситуации, эквивалентной «дилемме заключенного». «Вера в то, что среди окружающих есть те, чья реакция будет основана на принципе «ты – мне, я – тебе», является стимулом поведения, направленного на кооперацию (действия в рамках договоренностей) даже для эгоистичных агентов.

¹ Кроме того, отдельные авторы выделяют сетевую взаимность (*network reciprocity*) и групповой отбор (*group selection*). Например, М. Новак (*Nowak, 2006*) предлагает концепцию сетевой взаимности как отдельного механизма, стимулирующего кооперацию. Сетевая взаимность требует от индивида затрат при выгоде, получаемой членами его социальной сети; но, расширяя таким образом свои связи, индивид оказывается членом широкой и устойчивой сети. Отдача от этой сети представляет выгоду индивида. Групповой отбор, по мнению М. Новака, также зависит от способности членов группы кооперироваться. Кооперация, по его мнению, улучшает условия существования группы и, таким образом, создает предпосылки для производства большего количества потомков. При достижении группой определенного размера она делится, в результате чего группы с преимущественно кооперативной моделью поведения преобладают, побеждая в групповом отборе. Неоднозначность обеих теорий, предложенных М. Новаком, вызывает множество научных дискуссий. Это побудило нас не рассматривать их в рамках нашей публикации.

Создание собственной репутации надежного партнера посредством копирования поведения первых – цель таких агентов» (*Camerer, Fehr, 2006*).

Кооперативная теория, по существу, открыла новую парадигму в рамках дарвинистского подхода к развитию. Природа эгоистичного интереса оказалась намного сложнее, чем предполагалось ранее в рамках эволюционной теории. Исходя из логики, предложенной Р. Аксельродом и В. Гамильтоном, альтруизм выгоден индивидууму в длительной перспективе.

1.3. Индивид: возможность рационального выбора

Еще одним элементом теории Г. Хардина, требующим обсуждения в ходе дискуссии о вероятности его прогноза, является рациональность индивида, принимающего решения, безапелляционно признанная этим автором¹. Рациональный выбор предполагает, что «индивиды оценивают возможные варианты развития событий с точки зрения полезности и выбирают тот вариант, который обеспечивает им максимальную ожидаемую полезность» (*Schotter, 1994, стр. 439*, цитируется по: (*Олейник, 2011 [2000], стр. 56*)). Решения рационального индивида принимаются на основе абсолютных знаний об альтернативных вариантах. Но является ли рациональность непрременной составляющей процесса принятия ежедневных решений обычным индивидом? Действительно ли люди гиперрациональны и никогда не делают того, что противоречит их интересам? Какова вероятность, что каждый индивид способен в любой ситуации достоверно оценить все факторы влияния и соответственно наступление того или иного сценария?

В «Моделях моей жизни» Герберт Саймон (*Simon, 1991*) отмечает, что большинство людей рациональны только отчасти и эмоциональны либо иррациональны в остальных ситуациях. По его мнению, индивиды испытывают затруднения при формулировании и решении сложных проблем и при обработке (получении, хранении, использовании, передаче) информации. Принято считать, что именно Г. Саймон предложил широко используемый сегодня термин «ограниченная рациональность» (*bounded rationality*), или, как еще иногда переводят на русский язык, «неполная рациональность» (*Олейник, 2011 [2000], стр. 31*). Концепция ограниченной рациональности утверждает, что в действительности совершенно рациональные решения мало распространены в практической деятельности индивидуумов. В процессе принятия решения рациональность индиви-

¹ Подход Г. Хардина в этом отношении полностью соответствует подходу нормативного экономического анализа.

дуума ограничена, по крайней мере, несколькими факторами. Речь идет о наличии информации, доступной деятелю на момент принятия решения, когнитивных особенностях каждого отдельного индивида, об ограничениях во времени, в рамках которого необходимо принять решения. Г. Саймон предложил альтернативную модель для объяснения решений индивидуума, исходя не из математически точного прогнозирования, а из попытки найти оптимальное решение, полагаясь на имеющуюся информацию и аналитические способности индивидуума. К последнему можно отнести не только когнитивные способности сопоставлять элементы анализа, но и способности принимать во внимание детали (*Simon, 1978*).

Экономические агенты, по мнению Г. Саймона, используют скорее эвристический анализ, чем строгое применение правил оптимизации. Это обусловлено сложностью ситуации, необходимостью для определения оптимума принимать во внимание множество факторов и рассчитывать множество вариантов. Стоимость оценки ситуации может быть очень высока, при том что каждое решение требует проведения оценочных процедур. В таких условиях снижение требований оптимальности или «удовлетворительная аппроксимация» оптимального решения (*tolerable approximation*) – более вероятный сценарий, нежели идеальная рациональность, считает Г. Саймон (*Simon, 1978*).

Информация, собранная индивидуумом, может оказывать влияние на процесс принятия решений, как снижая, так и увеличивая неопределенность, поскольку она может быть частичной или представлять «множественность знаний» (т.е. представлять несовпадающие позиции, факты и пр.) (*Mehta et al., 1999*). Поэтому, принимая решения, индивиды далеко не всегда пытаются максимизировать количество информации (*Cancian, 1980*). Кроме того, «очень часто они вынуждены действовать, прежде чем могут получить информацию», пишет Ф. Кэнсиан (*Cancian, 1980*), анализируя решения крестьянства по поводу внедрения новых сельскохозяйственных технологий и новых видов семян (*Cancian, 1980, стр. 175*). А. Тверски и Д. Канеман (*Tversky, Kahneman, 1982*) также приводят доводы в пользу того, что интуитивные умозаключения, используемые индивидуумами для принятия решений в повседневной жизни, нарушают нормативную теорию (*the normative statistical theory*). Неверный вывод может быть основан, по их мнению, на ложной трактовке концепции случайности и недооценке имеющихся данных. Несоответствие между интуитивными умозаключениями и статистическими вычислениями обосновано тем, что индивиды «используют ограниченное число эвристических процедур».

Субъективность индивидуальных оценок также зависит от индивидуального восприятия, которое может существенно отличаться от действи-

тельности. Рассмотрим теории и факты, подтверждающие этот тезис, на примере оценки риска индивидуумами, поскольку факторы, обуславливающие субъективность оценки риска, могут быть в значительной степени экстраполированы на процесс принятия решений в целом. Не имея возможности и/или способности оценивать реальные риски, люди судят о них интуитивно. Несмотря на то что восприятие рисков может быть иллюзорно и не отражать реальность (*Kelly, 1973; Viklund, 2003*), стратегии снижения риска индивиды выстраивают именно на основе своего восприятия. Объективно существующие риски – это только один из множества факторов, определяющих личностное восприятие (*Sjoberg, 2000*). Другие факторы имеют как психологическое, так и социальное происхождение¹.

Кроме указанных выше трудностей сбора, распространения и анализа информации, субъективность оценки риска обусловлена тем, что индивиды принимают решения на основе не только того, что они думают, но и того, что они чувствуют (*Alhakami, Slovic, 1994*). «Если чувства по отношению к будущему событию положительные, индивид предпочитает предпринять действия, направленные на осуществление события, оценивая риск как низкий, а выгоду как высокую; если чувства отрицательные, индивид, склонен давать противоположные оценки – высокий риск, низкая выгода» (*Slovic et al., 2004, стр. 315*)². Также на оценку риска может оказать влияние доверие индивида. Иногда доверие даже концептуализируют как отношение, которое позволяет индивиду принимать риск (*Viklund, 2003*).

Восприятие риска в том числе формируется под влиянием предыдущего опыта индивида. Например, вероятность наступления того или иного события выше оценивается теми индивидами, кто уже сталкивался с явлением, о котором идет речь. Оптимистичная необъективность (*optimistic bias*) чаще возникает в случае рисков, с которыми индивид еще не сталкивался (*Weinstein, 1987; Dolinski et al., 1987; van der Velde et al., 1992; Slovic, 1992; Helweg-Larsen, 1999; Weinstein et al., 2000; Cohn, 2000; Parry et al., 2004*). С. Пэрри и ее соавторы (*Parry et al., 2004*) сравнили восприятие риска пищевого отравления в двух группах респондентов. Первая группа была представлена теми, кто имел личный опыт инфицирования сальмонеллой либо является членом семьи такого человека. Вторая груп-

¹ Соответственно изучением этих факторов занимаются в основном психология (например, см. (*Kasperson, Renn et al., 1988; Viklund, 2003*) и некоторые социальные науки, например антропология (например, (*Cashdan, 1990; Caplan, 2000*)).

² П. Словик и его соавторы считают, что полагание на эмоции может как вводить в заблуждение, так и ограждать от рискованных действий (*Slovic et al., 2004*).

па состояла из тех, кто никогда не имел подобного опыта. Оптимистичная необъективность оказалась значительно ниже в первой группе. Те, кто когда-либо переболел этим заболеванием либо чьи члены семей были инфицированы, оценивали риск пищевого отравления значительно выше, чем участники исследования из второй группы.

Одно из объяснений снижения оптимистичной необъективности в этом случае состоит в том, что для индивидов, имевших предыдущий опыт, проще представить ситуацию, в которой данное событие может произойти еще раз. «Напротив, если у человека нет опыта, когда данный риск реализовывался, он зачастую не может представить ситуацию, в которой он подвергается такой опасности. Это заставляет человека думать, что в его случае риск ниже среднего» (*Parry et al., 2004*). Те же результаты показало исследование, направленное на оценку рисков финансовых потерь и угроз здоровью во время землетрясений (*Helweg-Larsen, 1999*). Исследования автора этой публикации, посвященные использованию сезонных пастбищ, также продемонстрировали статистически значимую корреляцию между предыдущим опытом потери скота в результате атак хищников или воровства на летних альпийских пастбищах и решением домохозяйств приостановить использование этих пастбищ (*Intigrinova, 2005, стр. 99*). Но чувствительность, основанная на предыдущем опыте, имеет тенденцию снижаться с течением времени. Психологи связывают эту зависимость с особенностями ретенции – т.е. сохранения приобретенной информации, объем которой может снижаться с течением времени (*Bjorkman, 1987, стр. 22–23*).

Вернемся к «дилемме заключенного» и нашему утверждению о том, что пользователи общественными ресурсами находятся в кардинально иных условиях, нежели заключенные в теоретической игре. Выше мы отмечали два фактора, обуславливающих отличие поведения «заключенного» от индивида, действующего в сообществе пользователей пастбищных угодий. Во-первых, абсолютная рациональность агентов, безусловно принимаемая в теории, сдерживается когнитивными способностями, временными и ресурсными ограничениями каждого пользователя, а также субъективностью, обусловленной эмоциями, предыдущим опытом и пр. Во-вторых, что более важно, в сообществе пользователей ситуация приобретает все характеристики повторяющейся игры, а значит, предполагает кооперацию, основанную на взаимности, как рациональную стратегию. Еще одно важнейшее отличие «дилеммы заключенного» от сообщества пользователей, которое необходимо рассмотреть, – это предложенное институциональной экономикой наличие норм, регулирующих

взаимодействие индивидуумов¹. Если предположить, что в игре с двумя заключенными каждый подозреваемый уверен в том, что его сообщник не предаст, оптимальной стратегией становится отрицание вины. Но на чем может быть основана такая уверенность? Следование единой стратегии, направленной на достижение общей цели, возможно, если оба подозреваемых действуют в соответствии с одной и той же нормой поведения, осуждающей предательство. Принимаемые и тем и другим подозреваемым нормы рассматриваются в качестве гаранта их выполнения, которое, в свою очередь, позволяет достичь оптимума.

1.4. Свобода выбора или социальные нормы?

Нормы и правила в современных социальных науках принято относить к институтам, призванным определять, какие действия разрешены или запрещены; какие правила применимы; каким процедурам необходимо следовать; какая информация должна или не должна предоставляться; какое вознаграждение ожидает каждого индивидуума в зависимости от того, как он действует; кто имеет право принимать решения по каким-то вопросам² (*Ostrom, 1986*). Они содержат установки, запрещающие, разрешающие или предписывающие определенные действия. Невозможно говорить о норме до тех пор, пока абсолютное большинство людей, на чьи действия она влияет, не знают о ее существовании и принимают диктуемые ею условия. Работающая норма может быть или не быть сходной с формализованным законом, закрепленным в законодательстве, административных регуляторах или судебных решениях. Формализованный закон – один из источников работающих норм, но в то же время работающие нормы могут существенно отличаться от законодательных, административных регуляторов и судебных решений и даже противоречить им (*Ostrom, 1990, сmp. 51*). Именно фактически работающие нормы являются мотиваторами или антимотиваторами, определяющими поведение индивидуума.

«Нормы влияют на восприятие индивидуумом альтернативных вариантов поведения и его выбор. Если индивид принимает норму поведения, ее нарушение ассоциируется с чувством неловкости, стыдом. Кроме того,

¹ Дэвид Хьюм (*Hume, 1978 [1788]*) первым привлек внимание к нормам и их роли в структуре общественного устройства еще в XVIII веке (*The New Palgrave Dictionary, 2008*), но влияние норм на процесс принятия решений индивидуумом в современных социальных науках прочно ассоциируется с институциональной экономикой.

² Более подробно коллективные институты, регулирующие природопользование, будут рассмотрены в последующих главах нашего анализа, здесь же мы кратко коснемся вопроса влияния норм на решения индивида.

нарушение норм предполагает возможное наказание со стороны сообщества. Соответственно нормы оказывают непосредственное влияние на то, как индивид оценивает возможные альтернативы поведения. В случае абсолютного большинства рутинных решений неприемлемые в определенном сообществе действия даже не включаются индивидом в список возможных стратегий. Если внимание индивида привлекает возможность сделать что-то [вопреки существующим нормам], что принесет очень значительную выгоду, такое действие может быть рассмотрено как одна из возможных стратегий, но обремененная существенными издержками» (*Ostrom, 1990, сmp. 36*). Под издержками здесь могут пониматься и упомянутые выше чувства неловкости, стыда, и высокая вероятность наказания со стороны сообщества, и репутационные издержки.

Как результат, действия, осуждаемые и запрещаемые сообществом, предпринимаются реже (даже если они обещают принести очень значительную выгоду), нежели те же действия в сообществах, в которых они не осуждаются и не запрещаются (*Ostrom, 1990, сmp. 36*). Таким образом, нормы определяют ожидания агентов, действующих в заданных рамках, а значит, снижают транзакционные издержки (*Wärneryd, 1994*). Снижение транзакционных издержек обосновано снижением затрат на мониторинг и наказание (*Ostrom, 1990, сmp. 36*), поскольку этические и моральные принципы в рамках установленных норм определяют поведение основной части сообщества. Теория адаптивной рациональности утверждает, что часто индивидум принимает решение соответствовать нормам, даже если не существует институционального механизма принуждения и контроля. Такое поведение возможно вследствие того, что он или она чувствуют дискомфорт, нарушая нормы поведения, поясняет Роберт Франк (*Frank, 2004*). Нарушение существующих норм сообщества не позволяет индивиду ощущать себя комфортно в обществе. Цена социального дискомфорта часто оказывается выше, нежели выгода от асоциального поведения. Индивидуальные издержки на соответствие социальным нормам также могут быть объяснены чувством необходимого комфорта (*Frank, 2004*). Самым простым примером может быть следование модным тенденциям в одежде. Социальные нормы моды требуют существенных издержек, тем не менее большая часть населения согласна нести эти издержки, выбирая, таким образом, социальный комфорт (*Frank, 2004*)¹.

¹ Также о влиянии внутреннего нормативного контроля индивида см. анализ статьи С. Кроуфорд и Э. Остром «Грамматика институтов» (*Crawford, Ostrom, 1995*) в статье Р.И. Капелюшника «Множественность институциональных миров: Нобелевская премия по экономике-2009» (*Капелюшников, 2010, сmp. 32*).

1.5. Понятия общедоступного и коллективного

Прежде чем перейти к анализу современных концепций, обращающихся к вопросу соотношения прав собственности и устойчивости и эффективности использования ресурсов, необходимо подробно рассмотреть еще один аспект теории Г. Хардина. Как отмечалось выше, он не разграничил в своей статье «Трагедия общественного» понятия общедоступного, или нерегулируемого, пользования и коллективной собственности на пастбищные угодья. Ошибка автора привела к смешению двух понятий и, как результат, стала причиной ошибочного прогноза результатов коллективного управления ресурсами. Зачастую ресурсы, используемые отдельными сообществами, рассматривались как нерегулируемые, а значит, находящиеся под угрозой истощения. Такое мнение стимулировало приватизацию и огосударствление коллективной собственности¹. В то же время ошибка Г. Хардина явилась стимулом для целого ряда исследований, ставящих своей целью дать определение и разграничить понятия общедоступных и коллективных ресурсов. Попробуем очень кратко представить здесь результаты этих исследований.

Основа определения всех режимов собственности, включая коллективную, и в юридических, и в социальных науках – это возможность исключения тех, кто не обладает правом собственности. Таким образом, общедоступное, или нерегулируемое, пользование ресурсами определяет отсутствие собственности, или, как принято говорить, неразграниченность прав. Главной отличительной чертой коллективных ресурсов от общедоступных является наличие четко определенных социальных границ тех, кто наделен правом пользования и управления ресурсом (*Ciriacy-Wantrup, Bishop, 1975*).

«Общедоступные ресурсы» (*open access resources*), по определению Фини и коллектива соавторов (*Feeny et al., 1990*), – это ресурсы, находящиеся в открытом доступе, статус в отношении собственности которых не определен не только юридически, но и фактически и соответственно использование которых никем не регулируется. «Коллективные ресурсы» (*communal property*) – в теории тех же авторов – это ресурсы, используемые определенным сообществом пользователей, которые зависят друг от друга. Эти пользователи исключают возможность потребления

¹ Например, в русскоязычной литературе подобное смешение понятий отражается в обзоре англоязычных публикаций по проблемам экономической теории прав собственности Р.И. Капелюшниковой (1990). Кроме частной собственности, автор выделяет государственную (коллективную) и общую (коммунальную), при этом отмечает в качестве основной характеристики последней – «доступ, открытый всем без исключения» (*Капелюшников, 1990, стр. 37–38*).

ресурса посторонними и регулируют его использование членами сообщества. Внутри сообщества права на пользование ресурсами, как правило, не могут быть переуступлены (необоротоспособны) и неисключительны (доступны всем членам сообщества). Чаще всего это права равного доступа и пользования для всех членов сообщества. Право сообщества на пользование ресурсом может быть как письменно закрепленным, так и фактическим, т.е. основанным на устном договоре.

Группа ученых из Университета Индианы (University of Indiana, Bloomington) под руководством Элинор Остром предложила концептуально разграничить характеристики ресурсов и права собственности на ресурсы (*Ostrom et al., 1999*). Термин «общественные ресурсы» (common-pool resources (CPR)) предлагается использовать для определения ресурсов, исключение из числа пользователей которых за счет институциональных и физических средств воздействия высокозатратно, в то время как потребление ресурса одним пользователем снижает количество или качество ресурса для других пользователей. Употреблять термин предлагается как в отношении природных ресурсов, например атмосферы или пастбищ, так и в отношении антропогенных ресурсов, например ирригационных систем. Итак, две основные характеристики таких ресурсов – это сложность исключения из числа их пользователей и вычитаемость или отчуждаемость части самого ресурса в процессе использования (*Ostrom et al., 1999*). По мнению Остром и ее соавторов, именно эти характеристики общественных ресурсов создают возможность дилеммы общественных ресурсов (CPR dilemma), согласно которой человек действует исходя из своих сиюминутных интересов, не соответствующих долгосрочным интересам общества. Решить проблему авторы считают возможным через ограничение доступа к ресурсу и создание стимулов для сохранения ресурса, закрепив права частной или долевого/коллективной собственности (*Ostrom et al., 1999*).

Остром критикует попытку объединить проблему коллективного использования общественных ресурсов и пользования общественными благами (public goods). Автор отмечает основное отличие общественных ресурсов (CPR – common-pool resources) от общественных благ. Как отмечалось выше, количество первых при потреблении снижается. Коллективное пастбище – классический пример. Выпас скота, принадлежащего одному владельцу, снижает количество потребляемой зеленой массы для скота, принадлежащего другим владельцам. Общественное благо не обладает свойством вычитаемости. Пример общественного блага – общественная безопасность (*Ostrom, 1990, сmp. 32*). Потребление общественного блага одним человеком не уменьшает его доступности для другого.

Таким образом, проблема истощения, по мнению Э. Остром, общественному благу не грозит, но однозначно заложена в самой природе общественных ресурсов и может быть реализована при определенных условиях. А значит, предложения по управлению коллективными ресурсами не могут быть основаны на теории общественного выбора¹ и требуют разработки специального подхода (*Ostrom, 1990, сmp. 32*).

В то же время авторы выделяют четыре типа прав собственности по отношению к общественным ресурсам: собственность группы (коллективная собственность), частная собственность, государственная собственность и общедоступные ресурсы (*Ostrom et al., 1999*). Э. Остром и ее соавторы считают, что именно ресурсам, находящимся в свободном доступе, угрожает трагедия, предсказанная Г. Хардином. Деградация и истощение – неминуемый результат открытого доступа. Соответственно четкое определение и обеспечение прав собственников, по их мнению, – один из важнейших аспектов, обеспечивающих успех пользования, в том числе коллективного. Ни один из трех других институтов собственности, по мнению авторов, не является залогом рационального природопользования.

Для того чтобы избежать смешения понятий в нашей публикации, далее в отношении совместно используемых ресурсов и прав собственности или пользования на них будут применяться следующие *термины*:

- *общественными ресурсами* мы будем называть ресурсы, независимо от форм собственности имеющие характеристики вычитаемости, а также исключение из круга пользователей которых связано со значительными издержками (см. (*Ostrom et al., 1999*)), речь пойдет прежде всего о выпасах;
- *коллективными ресурсами* мы будем называть ресурсы, находящиеся в коллективной собственности или совместном пользовании сельских сообществ, закреплённом юридически или фактически;
- в качестве *общедоступных ресурсов* будут рассматриваться ресурсы, собственность на которые не разграничена ни фактически, ни юридически, а права пользования никем не регулируются.

¹ Экономическая теория, фокусом которой является вопрос, насколько решения правительства отражают потребности граждан.

Глава 2. Решения в условиях частной и коллективной собственности

Содержание предыдущей главы свидетельствует о наличии двух противоположных точек зрения. Одна из них выделяет частную собственность как ключевой фактор, способный обеспечить эффективность и рациональность использования земельных ресурсов. Другая утверждает, что ни одна из форм собственности не является залогом рационального и эффективного пользования природными ресурсами. Множество иных факторов – экономических, экологических, социальных, культурных и пр. – оказывают влияние на характеристики природопользования.

В рамках классической экономической теории, на которую опирается первая точка зрения, частный собственник рассматривается как лицо, заинтересованное в сохранении и улучшении ресурса, в нашем случае – земельного участка. Заинтересованность частного собственника объясняется его уверенностью в том, что он является единственным получателем всех материальных благ, приобретаемых в результате использования ресурса. Такая заинтересованность, в свою очередь, поощряет инвестиции в поддержание плодородия земельного участка. Частная собственность также обеспечивает экономическую эффективность за счет свободы выбора наиболее оптимального варианта. Например, стимулируемый желанием максимизировать прибыль, собственник земельного участка сельскохозяйственного назначения имеет возможность не только самостоятельно производить сельскохозяйственную продукцию, но также передавать землю в пользование другому производителю на условиях аренды или издоля, может продать землю, если это наиболее выгодный для него вариант. Кроме того, сторонники института частной собственности обосновывают положение о том, что частная собственность способствует

более эффективному использованию капитала и снижению транзакционных издержек.

Пользователи коллективного ресурса, исходя из той же теории, не готовы вкладывать в его поддержание и улучшение, поскольку результаты их вложений используются многими. Коллективные пользователи не имеют такого широкого спектра решений, как частные собственники, их единственная возможность – получить как можно больше дохода как можно быстрее, потребляя, таким образом, ресурс до момента его окончательного истощения.

Эта точка зрения широко распространена, в том числе в русскоязычной литературе, и едва ли нуждается в дальнейшем описании в рамках нашего обзора (например, см. (*Капелюшников, 1990, стр. 37–42; Олейник, 2011 [2000], стр. 105–107*)). Мы же попытаемся обратиться к вопросу о редко освещаемых на русском языке факторах, способных положительно или отрицательно влиять на эффективность и рациональность использования земельных ресурсов, находящихся в частной или коллективной собственности. Вопрос, на который мы постараемся ответить в этой главе: возможна ли коррекция стратегии коллективного и частного собственников в зависимости от условий, в которых они осуществляют свою хозяйственную деятельность?

2.1. Частный собственник

Теоретические исследования и анализ эмпирического опыта землепользования в различных странах мира позволил выделить некоторые факторы, влияющие на поведение частных землевладельцев. М. Гаффни (*Gaffney, 1965*) пришел к выводу о влиянии ставки дисконтирования на стратегии собственника земельных ресурсов. Кратко мы можем изложить вывод М. Гаффни следующим образом: чем выше ставка дисконтирования, тем выше стимул максимально интенсивно использовать земельный ресурс в короткий срок, не заботясь о сохранении плодородия. Пример подобной ситуации описывает Джеймс Ачесон (*Acheson, 2006*). Если процент по банковскому кредиту, пишет автор, превышает доходность от инвестирования кредитных средств в повышение плодородия почв, экономически оправданным поведением собственника может быть истощающее использование участка в течение короткого периода времени, максимизирующее прибыль, а затем инвестирование в более доходную отрасль. Такая стратегия особенно вероятна при прочих негативных для землевладельца переменных (*Acheson, 2006*).

Экономическое давление также может стимулировать собственника

заботиться не о долгосрочной устойчивости ресурса, а об удовлетворении сиюминутных потребностей. Для человека, находящегося в сложной экономической ситуации, самое важное – найти из нее выход. «Для того, кто находится за чертой бедности, важно обеспечить себя и свою семью минимальным набором вещей и продуктов первой необходимости», – пишут Жан-Мари Баланд и Жан-Филипп Плато (*Baland, Platteau, 1996, стр. 46*). Подобная модель поведения в нестабильной экономической ситуации, скорее всего, будет выглядеть оптимальной и для сельскохозяйственного производителя. Если нерациональное пользование позволит увеличить прибыль в ближайшей перспективе, то такой вариант наиболее вероятен, считает Дж. Ачесон (*Acheson, 2006*). Таким образом, максимизация прибыли и рациональное использование ресурса – не всегда положительно коррелирующие факторы. А значит, институт частной собственности на землю не всегда способен обеспечить решения, наиболее приемлемые с точки зрения сохранения и рационального использования земельных ресурсов.

Экономическая эффективность сохранения ресурса за счет рационального землепользования, требующего дополнительных инвестиций, отмечает Дж. Ачесон, также ограничена фактором времени. Инвестиции, результаты которых отложены во времени более чем на 3–4 десятилетия (т.е., вероятно, будут потребляться другими пользователями), маловероятны. Лишь владельцы небольших семейных бизнесов с большей вероятностью могут быть склонны к таким инвестициям, проявляя заботу о собственных детях и внуках (*Baskerville, 1995; Acheson, 2006*).

Безусловность экономически эффективного использования ресурса частным собственником также подвергается сомнению. Брайан МакГрегор (*McGregor, 1993*) отмечает, что понятие о землевладельце как максимизаторе прибыли зачастую не подтверждается. Исходя из теории ограниченной рациональности, рассмотренной в первой главе нашего исследования, Герберт Саймон (*Simon, 1957*) объясняет подобное положение вещей тем, что владельцы не всегда обладают объективными знаниями и в связи с этим согласны принять посредственный, но удовлетворительный результат. Ф. Кэнсиан (*Cancian, 1980*), чей анализ процесса принятия решений крестьянами в отношении внедрения новых технологий и семян также упоминался в предыдущей главе, считает, что, поскольку индивид, принимающий решение, – существо социальное, все его решения находятся под влиянием его социального статуса в сообществе и его социальных отношений. Статус и отношения, в свою очередь, во многом определяются его материальным благосостоянием (*Cancian, 1980, стр. 173*). Руф Гассон (*Gasson, 1973*) также доказала важность неэкономических факторов

при принятии бизнес-решений фермерами. Согласно результатам ее исследований, мотивы, определяющие, как использовать земельные ресурсы, включают доходы, рост капитала, личный комфорт, социальную ответственность, социальный статус, управленческие способности, вопросы, связанные с наследованием. Доминирующее влияние того или иного фактора зависит от личных обстоятельств и ценностей владельца.

Частная собственность нередко представляется как необходимая основа земельного рынка, который способствует перераспределению земельных ресурсов и их концентрации в руках наиболее эффективных производителей. Однако опыт показывает, что свободный оборот земель на рынке также способствует использованию земли как финансового инструмента. Так, 4/5 сельскохозяйственных земель Бразилии находятся в собственности крупных латифундистов; примерно половина из этих земель используются лишь как финансовый инструмент, т.е. на них ничего не производится (*Andelson, 1991*). Рыночные спекулянты, как правило, не используют приобретенные земли либо сдают их в краткосрочную аренду, без дополнительных инвестиций в поддержание плодородия (см. *Toulmin, 2008*).

Землепользование в рамках крупных землевладений Шотландии, где 0,8% населения владеют 80% земель (*McGregor, 1993*), часто характеризуют как неэффективное (*Bryden, Geisler, 2007; Cramb, 1996; McGregor, 1993; Wightman et al., 2004*). Крупные землевладельцы подвергаются критике за широко распространенную практику использования своих поместий (некоторые из них включают более 200 тыс. акров¹) только для собственных развлечений, например, для спортивной охоты на лис (*Gray, 1981; Cramb, 1996*). Еще одна причина критики больших латифундий – незначительные возможности для трудоустройства населения, проживающего на этих территориях². Как правило, наемные рабочие в поместьях землевладельцев ограничиваются домашней прислугой, обеспечивающей комфортное посещение поместья землевладельцем и его ближайшим окружением в летние месяцы. Даже менеджеры, управляющие поместьями, зачастую делают это дистанционно из крупных урбанизированных центров (*McGregor, 1993*). Поместья, используемые для коммерческой спортивной охоты, также обслуживаются небольшим количеством местных жителей, получающих самую низкую заработную плату в Великобритании (*Cramb, 1996, сmp. 15*).

¹ 1 акр = 0,405 га.

² Особенностью земельных отношений Шотландии являются крупные поместья, на землях которых расположены сельские сообщества. Такая система землепользования является наследием феодального землевладения.

Ограничения, установленные землевладельцами в отношении разрешенных видов землепользования для проживающего на его территории населения, зачастую снижают возможности диверсифицировать свои доходы для местных домохозяйств, препятствуют улучшению условий быта, а также развитию территорий в целом. Брайан МакГрегор, профессор Абердинского университета, исследующий вопросы экономики землепользования в Шотландии, отмечает: «Во многих сельских районах Шотландии крупные землевладельцы играют решающую роль в местном развитии – роль планирующей инстанции» (*Wightman, 1999, сmp. 43*).

Приведем пример одного из поместий, описанных Осланом Крамбом (*Cramb, 1996*). Владельцы этого поместья ежегодно проводят в нем один каникулярный месяц. Свои взгляды на социально-экономическое развитие земель, входящих в поместье, землевладелец выразил одной фразой: «Все должно оставаться, как было». Столь консервативный подход вступает в противоречие с потребностями населения, проживающего на его землях. Например, когда местное сообщество обратилось к землевладельцу с просьбой разрешить строительство плавательного бассейна, обращение было отвергнуто. Бассейн местные жители предполагали построить на собственные средства, разместив в гавани, где для его нужд можно было использовать тепло, вырабатываемое холодильными установками. Также были отклонены просьбы позволить строительство информационного центра для туристов и новых помещений, необходимых для дальнейшего развития самой гавани. На территории землевладения площадью 100 тыс. акров нет ни одной фермы. В поместье работают 12 человек на условиях полной занятости и еще несколько частично занятых сотрудников (*Cramb, 1996*). Одним из результатов таких ограничений является старение сельского населения Шотландии за счет выезда молодого поколения из сельских сообществ и притока пожилого населения (*Committee inquiry on crafting, 2008*).

В ходе общественной полемики в Шотландии также широко обсуждалось нежелание отдельных землевладельцев предоставить туристам возможность пересекать свои владения на пути следования. Туризм – один из основных секторов экономики Шотландии, в котором занято более 25% работающих жителей страны (*Committee of inquiry on crafting, 2008, сmp. 25*). Горные районы Шотландии привлекают значительное число туристов, но большие пространства до последнего времени оставались недоступными, поскольку крупные землевладельцы закрывали проход через свои земли. Горные тропы, упирающиеся в знаки «Частная собственность. Нет прохода» на границах крупных землевладений, создавали негативный имидж территории среди туристов. Деградация флоры и

фауны, населяющих естественные ландшафты крупных землевладений, – еще один аспект критики (Cramb, 1996)¹.

Все перечисленные доводы, демонстрирующие случаи неэффективного или нерационального использования земель частными собственниками, однако, не отрицают возможного положительного влияния закрепления прав частной собственности при определенных условиях, но позволяют предположить, что вид права собственности не является определяющим фактором. Множество иных факторов, как отмечалось выше, могут влиять на результаты землепользования. Так, владельцы земельных участков различных размеров и качества имеют разную мотивацию и инвестируют разное количество капитала и труда. Как результат, земля используется с разной интенсивностью, и экологический эффект в таких случаях тоже разный (McGregor, 1993). Например, для развивающихся стран характерна более высокая производительность мелких производителей. Обратная корреляция между площадью обрабатываемого участка и урожайностью была продемонстрирована на примере многих развивающихся стран. Так, Р. Хелтберг (Heltberg, 1998) отмечал подобное соотношение на примере Пакистана; А. Берри и В. Клайн (Berry, Cline, 1979) – на примере Бразилии, Колумбии, Филиппин и нескольких других

¹ Перечисленные факторы стали основанием для подготовки и реализации шотландской земельной реформы. В рамках реформы в марте 2000 г. шотландский парламент принял законодательный акт, которым была отменена феодальная система земельных отношений и введено прямое право собственности (*Abolition of Feudal Tenure etc. (Scotland) Bill, 2000*). Новое законодательство отменило право землевладельца собирать фео́д, предусматривая компенсацию связанных с этим потерь, и ограничило право землевладельца вменять условия использования земли. В то же время был ограничен срок аренды земли 175 годами (www.caledonia.org.uk). Дело в том, что в существовавшем до реформы правовом поле аренда земли подпадала под регулирование традиционных отношений сюзерена и вассала, т.е. права арендаторов на пользование земельными наделами не имели временных ограничений. Соответственно многие землевладельцы предпочитали не сдавать землю в аренду, таким образом, препятствуя появлению новых фермерских хозяйств и расширению угодий, уже существующих (Stockdale et al., 1996). Подобная стратегия землевладельцев вполне объяснима условиями, сложившимися на земельном рынке, поскольку цена на землю с арендаторами в среднем в 2 раза ниже цены на свободные земли (Stockdale et al., 1996, сmp. 447). В 2003 г. был принят «Закон о земельной реформе в Шотландии» (*Land Reform (Scotland) Act, 2003*), согласно которому юридические лица, представляющие сельские сообщества, получили первоочередное право приобретать земельные участки и строения, расположенные в границах крупных землевладений. В том же году был принят еще один законодательный акт, направленный на реформирование земельных отношений в Шотландии, – «Билль о сельскохозяйственных угодьях Шотландии» (*Agricultural Holdings (Scotland) Bill, 2003*). Этот документ призван стимулировать более активное использование земельного фонда данной части Соединенного Королевства через создание более комфортных для землевладельцев условий аренды (дополнительную информацию о ходе земельной реформы в Шотландии см. (Интигринова, 2011)).

стран; Дж. Корния (*Cornia, 1985*) – на примере пятнадцати развивающихся стран; А. Сен (*Sen, 1981*) – на примере Индии; Г. Катчер и П. Скандизо (*Kutcher, Scandizzo, 1981*) – на примере северо-восточной Бразилии; Д. Бенжамин (*Benjamin, 1995*) – на примере острова Ява; Ф. Унал (*Unal, 2007*) – на примере Турции.

2.2. Коллективный собственник

В рамках теории кооперации, институциональной экономики, теории коллективных действий и др. теоретических концепций организация совместных действий пользователей коллективного ресурса, направленных на регулирование его использования, признается рациональной. Так, Э. Остром пишет: «Когда пользователи действуют независимо друг от друга по отношению к коллективному ресурсу, имеющему ограниченный потенциал использования, полученная ими выгода обычно ниже, чем могла бы быть, если бы они скоординировали свои действия» (*Ostrom, 1990, стр. 38*). Расчетливый, долгосрочный собственный интерес укрепляет следование нормам надлежащего поведения, отмечает автор (*Ostrom, 1990, стр. 89*). То же утверждение мы находим в статье Р. Аксельрода и В. Гамильтона, которые считают, что «многие желаемые живущими блага доступны в большей мере группам, действующим совместно» (*Axelrod, Hamilton, 1981, стр. 1391*).

Но авторы обеих публикаций указывают на проблему «безбилетника» как на фактор, препятствующий эффективной организации коллективных действий. Поскольку выгодоприобретателями организации коллективного действия становятся все пользователи ресурса, независимо от того, вкладывались ли они в осуществление необходимых преобразований, пишет Э. Остром, возрождение сообщества, создание и изменение институтов коллективного действия – процесс длительный, сложный и поэтапный (*Ostrom, 1990, стр. 39–40, 141*). «Переход от независимых действий к координированным или коллективным – задача не тривиальная» (*Ostrom, 1990, стр. 39*), поскольку затраты, необходимые для осуществления подобного перехода, могут быть высоки. На самом общем уровне проблема, с которой сталкиваются пользователи коллективного ресурса, является организационной. Сложность состоит в том, как от независимых действий каждого пользователя перейти к координированным стратегиям для получения большей выгоды и снижения нагрузки на ресурс (*Ostrom, 1990, стр. 39–40*).

Тем не менее сообщества обладают потенциалом для выработки механизма, обеспечивающего устойчивое совместное использование кол-

лективной собственности, и часто его реализуют, отмечает Э. Остром (*Ostrom, 1990, 1996*). Каковы же факторы, определяющие условия, при которых успех коллективного управления ресурсами наиболее вероятен? Попытаемся представить краткий анализ предложений, исходящих из теории коллективного действия, институциональной экономики, а также современного междисциплинарного подхода, ориентированного на формирование эффективной государственной политики в области природопользования. Постулаты, предложенные в рамках разных теоретических направлений и дисциплин, не всегда совпадают, тем не менее весомый вклад каждого из них заслуживает внимания.

2.2.1. Условия, предложенные теорией коллективного действия

В рамках работы над дилеммой коллективных действий было выделено несколько факторов, имеющих непосредственное отношение к тому, может ли сообщество организовать для решения задач совместного природопользования. Среди этих факторов следующие:

- количество членов, принимающих решения, и количество участников, минимально необходимое для достижения коллективной выгоды;
- дисконтирование выгод и издержек, отложенных во времени;
- сходство интересов членов сообщества;
- наличие участников со значимыми задатками лидерства (*Ostrom, 1990*).

В теории коллективного действия наиболее полно разработано объяснение влияния первых двух аспектов. Рассмотрим их.

Размер сообщества

Размер группы, принимающей и осуществляющей решение, по мнению многих исследователей, имеет значительное влияние на активность населения (например, (*Rydin, Pennington, 2000; Olson, 1965; Fischel, 1985; Weale, 1992; Dwyer, Hodge, 1996; Binmore, 2006; Runge, 2009*)). Проблеме демократичного принятия решений и участия населения в процессе управления можно признать одним из наиболее сложных вопросов коллективного пользования ресурсами. Зачастую члены сообществ, которым передаются в управление или в собственность ресурсы, предпочитают не участвовать в принятии решений. Далеко не каждый из них готов уделять время обсуждению коллективных проблем, предпочитая потратить его на хозяйственную деятельность, отдых и другие вопросы, касающиеся лично его и его семьи.

Наиболее известным примером нежелания участвовать в демократическом управлении обществом является низкая явка избирателей на избирательные участки. Индивидуум, принимающий решение о необходимости участия в выборах, соотносит потенциальную возможность влияния его голоса на решения всего пула избирателей и делает вывод о минимальном значении своего голоса. Когда сообщество (группа) состоит из большого количества членов, каждый из них осознает, что его личный вклад не имеет значительного влияния на результат деятельности группы в целом (*Olson, 1965, сmp. 55*). В небольших группах активность возрастает, поскольку все участники хорошо знают друг друга, могут контролировать исполнение принятого решения каждым из участников, имеют более высокий шанс того, что их точка зрения может быть принята во внимание. Также более активное участие жителей в небольших сообществах может стимулироваться за счет уже существующих социальных связей и желания поддерживать отношения с соседями (*Fischel, 1985; Weale, 1992; Dwyer, Hodge, 1996*).

Таким образом, за счет социальных связей и возможности наблюдать за поведением других в процессе деятельности в небольших сообществах снижаются транзакционные издержки каждого члена на организацию коллективного действия. Ведь исчерпывающая информация не всегда доступна, часто ограничена, небеспристрастна, и доступ к ней, как и большинство транзакций, требует определенных издержек (*Ostrom, 1990, сmp. 191*). При высоких затратах на доступ и анализ информации вероятно осознанное снижение уровня информированности самими индивидами, принимающими решения, т.е. «рациональное невежество» (*Tullock, 1993*). В небольших же сообществах инструментами снижения транзакционных издержек на осуществление доступа, распространения, хранения информации и осуществление мониторинга выступают доверие, социальные сети, родственные отношения.

Сравнительно небольшой размер сообщества позволяет его членам взаимодействовать друг с другом. В ходе общения они понимают, кому можно доверять, какой эффект их действия оказывают на других и коллективный ресурс, как нужно организовать коллективное пользование, чтобы избежать отрицательных последствий деятельности, но получить выгоду. Э. Остром показывает, как в небольших сообществах индивид постоянно общается с другими членами сообщества, выстраивая социальную сеть. Через социальные сети распространяется информация, формируются межличностные отношения и доверие. «Постоянное общение членов небольших сообществ и возможность наблюдать поведение друг друга позволяет им хорошо узнать друг друга, понять, кому можно дове-

рять, кого необходимо контролировать», – отмечает автор. «Таким образом, затраты на создание институтов управления ресурсами в небольших сообществах снижаются за счет уже существующего социального капитала, включающего социальные сети» (*Ostrom, 1990*).

Э. Остром отмечает, что все сообщества, выделенные в ходе ее анализа как обладающие эффективно работающими институтами по управлению ресурсами, имеют сравнительно небольшой размер¹. Чем больше ресурс, используемый коллективно (пастбище, водный объект и пр.), и количество пользователей, тем менее предсказуемы качество и количество его запасов, имеющихся в распоряжении (сравливаемой животными травы или вылавливаемой рыбы), и тем сложнее и дороже может обходиться получение достоверной информации о состоянии самого ресурса и ценности его использования (*Ostrom, 1990, стр. 196*).

По мнению К. Рунжа (*Runge, 2009*), в сообществах относительно небольшого размера контроль за выпасом скота успешно осуществляется за счет того, что весь скот находится на виду, и каждый местный житель знает скот, принадлежащий односельчанам, а значит, «каждый может контролировать всех». Поскольку взаимовыгодные отношения односельчан во многом основаны на репутации каждого индивида, угроза утратить выгоду, получаемую за счет социальных связей, играет роль инструмента, сдерживающего массовые нарушения правил выпаса скота (*Runge, 2009, стр. 279*). Помощь односельчанину зачастую предполагает ожидание отложенной взаимности в случае возникновения такой необходимости с его стороны. Отложенность во времени ответного шага, в свою очередь, предполагает определенную степень доверия. Репутация человека, который никому никогда не помогает и нарушает общие договоренности, лишает такого члена сообщества помощи со стороны односельчан.

Временное дисконтирование выгоды и издержек

Дисконтирование выгоды и издержек, отложенных во времени, индивидом, принимающим решения, – еще один аспект, оказывающий непосредственное влияние на возможность сообщества организовать эффективное управление коллективным ресурсом. За счет того что ценность благ, отсроченных во времени, для индивида ниже, нежели ценность благ, получаемых немедленно, возникает стимул использования имеющихся ресурсов сегодня. Этот стимул играет против коллективной договоренности о сохранении ресурса за счет наложения временного или

¹ В ходе анализа эмпирических исследований коллективного пользования ресурсами группой исследователей из Университета штата Индианы в Блумингтоне было проанализировано около 5000 сообществ (*Ostrom, 1990, стр. xv*).

количественного квотирования на пользование. В то же время даже незначительные вложения в поддержание ресурса в настоящем в расчете на будущее повышение плодородия выглядят непривлекательно, если временное дисконтирование существенно. Но значимость снижения ценности отсроченного использования ресурса зависит от норм сообщества, их устойчивости, а также от восприятия устойчивости норм членами сообществ. Уверенность агентов в том, что существующие нормы способны обеспечить устойчивость ресурса и доступ каждого члена сообщества в рамках выработанных правил, а значит, его отсроченное пользование, снижает значимость дисконта (*Ostrom, 1990, сmp. 34*).

2.2.2. Влияние стратификации сообщества на устойчивость коллективного ресурса

Еще один фактор, отмеченный выше как влияющий на эффективность коллективных действий, – «близость интересов» членов коллектива. Мы расширим рассмотрение этого аспекта до более широкой концепции гомоили гетерогенности сообщества, включающей социально-экономическую однородность или стратификацию, религиозные, этнические и культурные характеристики.

Недостаток доверия, в том числе обоснованный отличием культурных ценностей и восприятия норм, затрудняет процесс совместного управления ресурсами. Общая идентичность, например этническая, в разнородных сообществах часто является основанием для формирования неких общностей, в рамках которых индивиды испытывают взаимные предпочтения по отношению друг к другу (*Choi, Bowles, 2007*)¹. Но, несмотря на то что социально-экономическая, этническая, культурная и иная стратификация может осложнять процесс принятия решений, установления и применения норм, гетерогенность сообщества не должна быть использована как фактор прогнозирования будущего успеха местных институтов, направленных на эффективное и рациональное природопользование. Различия могут быть преодолены при условии наличия общих целей (*Varughese, Ostrom, 2001*). Восприятие распределения ресурсов как справедливого – наиболее важный фактор, способный обеспечить кооперацию членов сельских сообществ. Кристофер Гиббз и Дэниел Бромлей отмечают, что в сообществах, характеризующихся существенным расслоением по одному или нескольким признакам, если члены сообщества воспринимают существующие механизмы регулирования доступа к ре-

¹ Феномен поддержки по признаку этнического или национального (странового) происхождения можно определить как «ограниченный альтруизм» (*Choi, Bowles, 2007*).

сурсам как справедливые, их участие в поддержании ресурса и соблюдении установленных правил более вероятно (*Gibbs, Bromley, 1989*).

Наличие альтруизма по отношению к членам группы, объединенной по признаку идентичности, действительно, часто определяет границы конфликтующих сторон. Но причина конфликтов между такими группами зачастую кроется не в их идентичности, а в асимметрии доступа к ресурсам. Анализируя основные источники вооруженных конфликтов в развивающихся странах, Франс Стюарт (*Stewart, 2002*) выделяет горизонтальное неравенство, т.е. асимметричное социальное, политическое и/или экономическое положение групп, как одно из основных. Автор отмечает, что группы могут разделяться по культурным, религиозным, географическим границам, но эти отличия становятся основой вооруженных конфликтов, только если существуют иные отличия между группами, в частности отличия в распределении политического и экономического влияния. В такой ситуации обделенные группы, часто втянутые в противостояние своими лидерами, пытаются изменить распределение власти и/или ресурсов. Привилегированные группы также имеют мотив вступить в вооруженный конфликт, чтобы предотвратить передел.

Даже в том случае, когда асимметрия в распределении ресурсов не имеет прямой корреляции с групповыми границами, конфликты могут возникнуть именно по ним. Пример такой ассоциации между этнической идентичностью и доступом к ресурсам, не имеющим под собой реальных оснований, приводят Кэфрин Хоумвуд и ее соавторы (*Homewood, Coast, Thompson, 2004*), исследовавшие животноводческие сообщества в Масаиленде¹ Кении. Несмотря на то что асимметрия доступа к ресурсам в Масаиленде характеризуется привилегированным положением элит и ограничениями для большинства, элиты находят возможности для манипуляции вопросами этнической идентичности, разжигая межэтнические конфликты на почве асимметричного доступа к ресурсам. Такие конфликты являются инструментом достижения политической цели – поддержания контроля и влияния.

Таким образом, одна из наиболее актуальных задач земельной политики в регионах и сообществах, характеризующихся разнообразием культурных, этнических, религиозных и пр. идентичностей, – обеспечить максимально возможное равенство доступа к ресурсам всех групп населения. Если потребности отдельных групп, составляющих сообщества, не учитываются, создается конфликт интересов (*Hobley, 1992; Sarin, 1995*), закладывающий потенциал социальной напряженности, а в неко-

¹ Центральная и юго-восточная часть Кении и северная часть Танзании.

торых случаях и вооруженного противостояния. Важным фактором, негативно влияющим на достижение равного доступа к ресурсам, является злоупотребление властью и влиянием со стороны местных элит, которые преследуют собственные интересы. Подобные злоупотребления имеют место как при проведении преобразований, направленных на индивидуализацию прав собственности или пользования ресурсами (*Zhaoli et al., 2005; Allina-Pisano, 2008; Intigrinova, 2009, 2010*), так и при организации коллективного управления ресурсами (*Wells et al., 1992, сmp. 43; Homewood et al., 1997, сmp. 21; Lebert, Rohde, 2007; Intigrinova, 2009*). В результате манипуляций на местном уровне ресурсы могут оказаться под контролем наиболее влиятельных членов сообщества. Контроль над ресурсами местных элит более вероятен при условии слабости или отсутствия демократических институтов.

2.2.3. Условия устойчивости коллективных ресурсов, предложенные Э. Остром

При рассмотрении вопроса коллективного управления общественными ресурсами Элино́р Остро́м выделяет три основные проблемы, которые необходимо решить: появления институтов, устойчивости обязательств и взаимного мониторинга. Эти три пункта определяют сходство организации управления коллективными ресурсами и основ корпорации и государства. Но в случае сообществ пользователей существует существенное отличие. Если государство и корпорация всегда иницируются конкретным актором, то в качестве механизма решения проблемы появления новых институтов коллективного управления Остром вслед за Р. Бейцем (*Bates, 1988*) выделяет установление доверия и чувства сообщества (*Ostrom, 1990, сmp. 43*). Публикации других исследователей также демонстрируют, что в сообществах, где отсутствуют солидарность, доверие, сплоченность, вероятен более низкий уровень жизни по сравнению с сообществами, имеющими все эти характеристики (*Pretty, 1999*).

Все сообщества, успешно управляющие коллективными ресурсами, по мнению Э. Остро́м, – сообщества устоявшиеся, с постоянным населением. Члены сообщества «имеют общее прошлое и ожидают общее будущее». Поэтому для них важно сохранить свою репутацию надежных, добропорядочных членов. Кроме того, они надеются, что их дети, внуки и правнуки будут использовать те же ресурсы, что сегодня используют они, а значит, выгодоприобретателями от их усилий по организации управления ресурсами, мониторинга пользования и пр. будут не только они сами, но и будущие поколения их семей.

Ответ на вопрос, способны ли сами пользователи ресурса принять на

себя затраты по созданию института управления ресурсом, зависит, по мнению Э. Остром, от ожидаемой выгоды и размера необходимых затрат. «Чтобы объяснить институциональные изменения, необходимо исследовать, как участвующие в тех сферах жизни, где намечены изменения, будут воспринимать соотношение выгоды от возможных изменений и их отсутствия», – пишет автор (*Ostrom, 1990, стр. 142*). Ожидаемые результаты воспринимаются как достаточно значительные тогда, когда зависимость от ресурса высока (*Ostrom et al., 1999*). Понимание пользователями того, как функционирует природная система и каковы возможные последствия их действий друг для друга и для состояния используемого ресурса, также повышает успех совместного управления.

Анализ успешного опыта управления коллективными ресурсами позволил Э. Остром выделить дополнительные характеристики сообществ, совокупность большинства которых определяет, по ее мнению, устойчивое совместное использование ресурсов. В список обязательных условий успешного коллективного природопользования вошли следующие факторы:

- четкое определение границ;
- соответствие правил, регулирующих коллективное использование ресурсов, местным условиям;
- изменение условий по общему решению правообладателей;
- мониторинг выполнения коллективных условий природопользования;
- градуированная система санкций;
- низкозатратный механизм разрешения конфликтов;
- минимальное признание права самоорганизации внешними игроками, в частности государством;
- уровневая организация институтов, управляющих коллективной собственностью.

Рассмотрим предложенные условия более подробно.

Четкое определение границ

Согласно теории Э. Остром, определение границ коллективной собственности и круга тех, кому разрешено ею пользоваться, может рассматриваться как первый шаг на пути основания коллективного действия (*Ostrom, 1990, стр. 91*). В то же время четко определенные границы являются непременным условием устойчивого использования ресурса. Э. Остром предлагает определить границы коллективной собственности и круга частных лиц и домохозяйств, имеющих права коллективной собственности. «Без четкого определения границ используемого ресурса

и правообладателей, – пишет она, – слишком высок риск, что выгодоприобретателями совместных усилий членов местного сообщества могут стать посторонние. Таким образом, снижается отдача от вложенных усилий для правообладателей. Кроме того, действия «посторонних», не заинтересованных в сохранении ресурса, могут привести к его истощению» (*Ostrom, 1990, стр. 90*).

Нужно отметить, что утверждение Остром о необходимости закрепления четко определенных границ является одним из самых противоречивых из всех выделенных ею условий успешности коллективного менеджмента ресурсов. Описанные в следующей главе результаты исследований экологических факторов, которые влияют на использование пастбищных систем, поставили под сомнение целесообразность закрепления четких границ ресурса в определенных природно-климатических условиях (см. (*Behnke et al., 1993*)). Кроме того, определение границ домохозяйств сегодня признается одной из сложнейших методологических проблем в социальных науках. Сложности определения границ домохозяйств обоснованы отличиями образов жизни представителей разных культур, процессами миграции, процессами деления домохозяйств на определенном этапе развития, методологическими сложностями разграничения между отношениями в рамках социальных сетей и домохозяйств. Часто границы домохозяйств могут выходить за пределы сельских сообществ – пользователей ресурсов.

Классическое определение домохозяйства, приемлемое, например, для российского крестьянства XIX – начала XX века, оказывается неприемлемым для определения домохозяйства кочевых скотоводов. Такие характеристики крестьянского домохозяйства, как общий котел (*Chayanov, 1986*), общее место жительства, общий кошелек, совместный ежедневный труд (*Shanin, 1987 [1971], стр. 30–31*), в кочевой культуре теряют свое значение. Место жительства членов кочевого домохозяйства определяется потребностями производства, меняется в зависимости от сезона и состава стада; члены нескольких домохозяйств могут длительное время проживать совместно, выпасая скот на отдаленных пастбищах; отдельные животные в стаде или часть стада могут принадлежать конкретным членам домохозяйства и т.д. Так, Каролина Хамффри, исследовавшая баргузинских и селенгинских бурят (*Humphrey, 1998*), считает необходимым концептуально разделить домохозяйство бурят и объект исследования, характеризующийся совместным проживанием (*Humphrey, 1998, стр. 269*), поскольку, как она пишет, «производство и потребление выходит далеко за пределы единого места жительства» (*Humphrey, 1998, стр. 271*). В таких сообществах методологическая задача определения домохозяйства

осложняется традиционно развитыми социальными сетями, в рамках которых члены кровнородственных домохозяйств оказывают друг другу поддержку.

Определение границ сообществ, как показала практика, также задача нетривиальная. Например, в рамках земельной реформы в Шотландии была предпринята попытка определить границы сообществ, приобретающих в собственность земельные участки и иную недвижимость. Законодательство, принятое в Шотландии, определяет границы местных сообществ, основываясь на географическом принципе, требуя постоянного проживания членов сообщества на его территории. Так, например, в случае сообществ крофтеров, имеющих особый юридический статус и отличную культурную идентичность¹, предусматривается право коллективной собственности сообщества для населения, проживающего в радиусе 16 км от земель, имеющих статус крофтов (индивидуально используемых крофтерами земельных наделов). Таким образом, права коллективной собственности зачастую получают не только члены исторически сложившихся сообществ крофтеров, но их ближайшие соседи.

В связи с таким определением границ сообществ были выявлены два блока противоречий. Во-первых, противоречия между географически определенным сообществом и сообществом, определяемым его ценностными ориентациями. Крофтеры имеют свои традиции землепользования, являющиеся основой культурной идентичности этой категории населения. Например, овцеводство, практикуемое в течение нескольких столетий, было единственным видом совместного землепользования крофтеров. Новые члены сообществ часто предлагают иные формы использования коллективных земель, например, лесоводство, которое считается более эффективным по сравнению с овцеводством. Решение вопроса о предпочтительном виде землепользования в таких сообществах осложняется, поскольку культурная составляющая овцеводства и специфичного овцеводческого ландшафта имеет значение только для части населения.

¹ Крофтеры – категория населения феодальных землевладений, обладающая особым правовым статусом, в том числе включающим бессрочное право наследования арендуемых земель. Землепользование крофтеров регулировалось отдельными законодательными актами (*The 1886 Crofting Act* и *1891 Crofters Common Grazing Regulations*) с момента их принятия в результате политической борьбы партии крофтеров в конце XIX века. В результате сложились уникальные земельные отношения, при которых права собственности на землю принадлежат землевладельцу, но крофтеры являются постоянными арендаторами индивидуальных земельных наделов – крофтов – с правом наследования. Права сообщества крофтеров также включают коллективное пользование пастбищными угодьями. Использование пастбищ регулируется местными пастбищными комитетами (*Grazing Committees*), выбираемыми членами сообщества.

Второй блок противоречий, возникающий в связи с географической концепцией определения границ сообществ, представлен вопросами о праве на коллективную собственность для членов семей, живущих за пределами сообщества, и правами наследования (*Bryden, Geisler, 2007; Brown, 2007*).

Соответствие правил местным условиям

По мнению Э. Остром, соответствие правил, регулирующих коллективное использование ресурсов, в том числе время извлечения ресурса, место, технологии извлечения ресурса, его качество в момент использования и пр., местным условиям также является одним из основных факторов, способствующих решению дилеммы коллективного действия (*Ostrom, 1990, сmp. 90*). На наш взгляд, вопрос соответствия институтов местным условиям нуждается в более широкой постановке. Обратимся к исследованию Роберта Неттина (*Netting, 1981*), фокусом которого является землепользование в швейцарском сообществе Тёрбел, сохранившем коллективную собственность и пользование высокогорными пастбищами со Средних веков. Поразительная устойчивость описанных Р. Неттином институтов¹, по его мнению, обеспечивается не только их соответствием экологическим условиям Альп, но и экономической обоснованностью. Исследователи использования пастбищных ресурсов на африканском континенте, которое описывается в следующей главе, также приходят к аналогичным выводам (см. (*Scoones, 1995, 1999; Niamir-Fuller, 1999*)) и

¹ Совместное использование природных ресурсов в Тёрбел началось примерно в IX веке, когда была заселена эта территория. Некоторые дополнительные земли были приобретены позже, в том числе в коллективную собственность. Например, одно из наиболее отдаленных альпийских пастбищ (350 га), используемых сегодня жителями Тёрбел для выпаса немолодого скота, овец, лошадей, ослов и их гибридов, было приобретено в 1514 г. Вместе с приобретением пастбища сообщество приобрело право бесплатного перегона скота, охоты и сбора хвороста (*Netting, 1981, сmp. 51*). Сегодня коллективное имущество сообщества включает пастбища, леса, пустоши, ирригационную систему, сыроварню и виноградники. Первый письменный документ, закрепляющий виды собственности в отношении тех или иных ресурсов, появился в Тёрбел еще в 1224 г. В 1483 г. члены сельского сообщества подписали местный закон о создании ассоциации, регулирующей пользование общинными ресурсами. Члены сельского сообщества и в настоящее время могут выпасать на альпийских лугах не больше скота, чем могут прокормить в зимний период, таким образом, исключается опосредованное использование лугов нечленами сообщества. Также регулируются и обязанности членов сообщества по поддержанию ирригационной системы и инфраструктуры, необходимой для выпаса скота на альпийских лугах. Трудовой вклад каждого домохозяйства определяется пропорционально количеству скота, выпасаемого на альпийских пастбищах (*Netting, 1981, сmp. 58–69*). Гражданство местного сообщества передается по мужской линии и дает право пользования коллективными ресурсами. (Подробнее об институтах, регулирующих использование коллективных пастбищ сообщества Тёрбел, см. (*Интигринова, 2011а, сmp. 176–184*)).

др.).

Изменение условий по общему решению правообладателей

Э. Остром считает, что третьим неперенным условием эффективно коллективного пользования ресурсами является обеспечение права абсолютного большинства пользователей участвовать в процессе их модификации (*Ostrom, 1990, стр. 90*). На практике выполнение этого условия представляет определенную сложность, связанную с гетерогенностью сообществ. В процессе принятия решений и при индивидуализации доступа к ресурсам, и при управлении коллективной собственностью позиция бедных и малообразованных зачастую не представлена или представлена недостаточно четко. В силу психологических особенностей, низкого уровня образования, отсутствия знаний об обсуждаемом предмете и других факторов не все члены сообщества могут активно участвовать в процессе выработки решений. Далеко не каждый член сельского сообщества может публично говорить (*Peters, 2004, p. 279*), еще меньшее число может отстаивать свою позицию. Эти способности часто прямо коррелируют с уровнем образования и социально-экономическим положением. Наши исследования сельских сообществ юга Сибири (*Интигринова, 2011б*) демонстрируют чрезвычайно низкий, коррелирующий с образованием, уровень информированности населения о правах и обязанностях, возникающих в связи с земельными преобразованиями, в России. Отсутствие доступной для сельского жителя информации, определяемое сложностью изложения официальных документов, ее искажение в силу низкой квалификации специалистов местного и районного уровня, намеренное манипулирование информационными потоками местными административными элитами – факторы, негативно влияющие на ситуацию.

Мониторинг и санкции

В сообществах, осуществляющих эффективное коллективное пользование ресурсом, мониторинг состояния используемого ресурса и поведения правообладателей осуществляют те, кто подотчетен правообладателям, либо это делают сами правообладатели, отмечает Э. Остром (*Ostrom, 1990, стр. 90*). В таких сообществах также существует градуированная система санкций к тем, кто не соблюдает правила коллективного пользования. Градация санкций зависит от тяжести нарушений (*Ostrom, 1990, стр. 90*). Наглядный пример градации санкций дает Кен Бинмо (*Binmore, 2006*), описывая сообщества охотников и собирателей: «В случае ненормативного поведения индивида в ход идут насмешки; следующая ступень – бойкот, когда никто не разговаривает с нарушителем; максимальным наказанием, если человек не меняет своей модели поведения, становится

изгнание из сообщества» (*Binmore, 2006, стр. 24*). Важно подчеркнуть, что применение санкций в сообществах, создавших эффективные модели управления коллективными ресурсами, осуществляется самими членами сообщества, а не внешними силами (*Ostrom, 1990, стр. 90*). В этом отношении Р.И. Капелюшников (*Капелюшников, 2010, стр. 30*) отмечает, что санкции, конструируемые и контролируемые извне, могут вытеснять социальные нормы и снижать уровень кооперативности.

Наличие низкотратного механизма разрешения конфликтов

Также в таких сообществах существует механизм разрешения конфликтов, характеризующийся низкой затратностью и свободным доступом к нему правообладателей и их представителей (*Ostrom, 1990, стр. 90*). Такие механизмы могут быть неформальными, часто конфликты разрешают выборные лидеры, но в некоторых сообществах в течение многих веков существуют развитые судебные институты. Последние, по мнению Остром, создаются там, где риск возникновения конфликтов по поводу пользования ресурсом чрезвычайно высок ввиду ограниченности его запасов (*Ostrom, 1990, стр. 101*).

Минимальное признание права самоорганизации внешними игроками

Минимальное признание права самоорганизации сообщества Э. Остром считает обязательным условием коллективного действия и устойчивости коллективных ресурсов (*Ostrom, 1990, стр. 90*). Внешние игроки (включая государственную власть), уважая право членов сообщества выработать собственные правила природопользования, по мнению автора, создают условия для развития местных институтов и способствуют их устойчивости. «Решения местного значения должны приниматься на местном уровне», – пишет Э. Остром. Она характеризует роль государства, оказывающего содействие местным сообществам, как предпочтительную, в отличие от роли «государства-контролера» (*Ostrom, 1990*). Государство, содействующее управлению ресурсами на местном уровне, предоставляет значительную автономию пользователям ресурсов, создает при этом механизмы поддержки, включающие обеспечение специализированной информацией, площадку для разрешения конфликтов и пр. В этих условиях сообщества сами создают и развивают институты, обеспечивающие эффективное землепользование.

«Государство-контролер», в отличие от государства, оказывающего содействие, принимает на себя функцию менеджера природных ресурсов. Если государство определяет для себя эту роль, по мнению Остром (*Ostrom, 1990*), сообщества бездействуют, ожидая, когда государство разрешит местные проблемы. В таких условиях члены сообщества не имеют

стимулов развивать собственные институты. И. Рыдин и М. Пеннингтон (*Rydin, Pennington, 2000*) подчеркивают: для того чтобы местные демократические институты развивались и увеличивался социальный капитал, государство не должно насаждать собственные институты, за исключением тех случаев, когда проблема коллективного действия стоит очень серьезно, а шансы развития собственных институтов сообщества крайне низки.

Э. Остром (*Ostrom, 1990, 1996; Agrawal, Ostrom, 2001*) считает, что основной причиной неудач политики, регулирующей природопользование, является создание регулирующих институтов на слишком высоком уровне. Вместо того чтобы начать с решения локальных проблем на местном уровне, что способствовало бы развитию местных институтов, которые впоследствии могли бы стать основой для институтов, регулирующих природопользование на более высоком – например, региональном – уровне, зачастую предпринимаются попытки внедрения управления теми или иными ресурсами сверху, что препятствует возникновению местных институтов. В таких случаях навязанные институты не имеют характеристик, присущих институтам, построенным снизу. Речь идет о вышеупомянутых основах местных институтов – таких, как взаимное доверие членов сообществ, необходимость члена сообщества поддерживать свою репутацию внутри него. Отсутствие подобных характеристик создает условия для бюрократизации процесса и стимулирует рентоориентированное поведение, препятствующее эффективному управлению ресурсами. Влияние внешних интересов на цели, задачи или процесс управления местными ресурсами также создает для местного населения антистимулы как для участия в управлении ресурсом, так и для его сохранения и рационального использования.

Точка зрения, согласно которой внешнее принуждение является основным способом устойчивости исполнения обязательств, преобладала длительное время в социальных науках (например, (*Schelling, 1984*)). Э. Остром, напротив, считает, что необходимо полагаться на внутренние резервы сообщества. Импорт моделей, не учитывающих взаимодействия в рамках конкретного сообщества, по ее мнению, может навредить, поскольку, рассматривая деятеля как неспособного к самоорганизации и навязывая ему нормы поведения извне, можно разрушить институциональный капитал, накопленный в течение длительного времени в результате совместного использования ресурсов (*Ostrom, 1990, стр. 182–184*).

Кроме того, необходимо учитывать, что внедрение институтов, сформированных в других культурных, социальных, природных и/или экономических условиях, может привести к результатам, существенно отлича-

ющимся от достижений «общества-донора». Рассуждая о проблеме «импорта» институтов из одного общества в другое, Дуглас Норт приходит к выводу о том, что «те же самые правила» могут иметь различные результаты в различной среде, поскольку их отличают «механизмы и практика контроля за соблюдением этих правил, нормы поведения и субъективные модели игроков», и, как следствие, «другими становятся и реальная система стимулов, и субъективная оценка игроками последствий принимаемых решений» (*Норт, 1990, стр. 131*). Кроме социально-ценностной составляющей, определяющей различные результаты привнесенного институционального регулирования, необходимо отметить также различия природно-климатических условий, непосредственно влияющих на условия функционирования институтов.

Уровневая организация управления крупными коллективными объектами собственности

Еще один фактор, обеспечивающий эффективность управления коллективными ресурсами, выявленный цитируемым автором на основе анализа успешного опыта, но характерный только для коллективных собственников, которые являют собой составные части более крупных систем, – это уровневая организация. В таких системах, например, испанских и филиппинских федерациях ирригационных систем, присвоение ресурсов, мониторинг, принуждение, разрешение конфликтов и другие управленческие действия организованы на нескольких уровнях. Институты более высокого порядка строятся за счет объединения институтов более низкого порядка (*Ostrom, 1990, стр. 90, 101–102*). Вероятно, это можно объяснить необходимостью использования воды из рек значительной протяженности жителями целых регионов. Например, река Турия в Валенсии протяженностью более 200 км позволяет орошать 16 тыс. га сельскохозяйственных угодий, а воды реки Сегура на юго-востоке Испании используют более 50 тыс. фермеров.

Сельские сообщества играют ведущую роль в организации пользования местной ирригационной системой. В течение многих веков они поддерживают инфраструктуру системы и правила пользования. Однако эффективное регулирование пользования водными ресурсами в этом случае невозможно без взаимодействия институтов местных сообществ и выработки совместных правил ирригации на более высоком уровне. Например, если в засушливый период не установить квоты на использование воды по всей протяженности реки, пользователи в нижнем течении не смогут орошать свои участки. Подобные условия стимулируют объединение сообществ в федерации пользователей ирригационными

системами. Такие федерации в Испании объединяют несколько десятков сообществ. Так, на территории автономной области Мурсия федерация объединяет 30 сообществ, представляющих 13 тыс. пользователей. Решения на уровне федераций принимаются советами управляющих, которые выбираются от каждого сообщества (*Ostrom, 1990*).

2.2.4. Дискуссии о природе институтов коллективного действия

Рассуждая об институциональных основах управления коллективной собственностью, нельзя обойти вниманием вопрос о природе самих институтов и соответственно о методологических основах институционального анализа. В этом разделе мы попытаемся кратко изложить суть современного научного дискурса по данной теме. Как уже отмечалось выше, тема институциональных основ управления коллективными ресурсами – это предмет исследований самых разных дисциплин; ее актуальность обусловлена центральной ролью институтов в обеспечении эффективного и рационального природопользования. Но подходы к объяснению природы институтов в различных дисциплинах существенно различаются. В рамках институциональной экономики институты¹ рассматриваются как «правила игры, принятые в том или ином сообществе». При этом разграничиваются понятия института и организации. Э. Остром отмечает, что создание местных институтов не обязательно означает создание новой организации. «Организационный процесс и организация, являющаяся его результатом, – не одно и то же» (*Ostrom, 1990, стр. 39*). Под институтами в данном случае понимаются нормы и правила, как формализованные, так и неформальные. Под организациями – «игроки» или группы деятелей, связанные общими целями (*Норм, 1997, стр. 19–20*). Подобное разграничение понятий института и организации, как и включение в анализ вопросов о доступности информации и трансакционных издержках, на современном этапе развития теоретических представлений о механизмах, регулирующих коллективное использование ресурсов, воспринимается как однозначное достижение институциональной экономики. Однако выводы институциональной экономики о природе и роли норм и правил подвергаются критике.

Так, сторонники междисциплинарного подхода, которые стремятся объединить достижения различных дисциплин и теоретических направлений для формирования эффективной политики в области природопользования, обращаются к вопросу отношений между категориями нормы/

¹ Или, как иногда переводят на русский язык, институции.

правила и практики. Напомним, что, по мнению институционалистов, наличие четких правил является определяющим условием их соблюдения пользователями, а значит, жизнеспособности коллективных режимов собственности (*Ostrom, 1990*). Э. Остром подчеркивает, что «все повторяющиеся ситуации задаются рядом правил» (*Ostrom, 1990, сmp. 139*). Институциональные правила – это установки, запрещающие, требующие или разрешающие какие-либо действия или их последствия. Одно из трех условий – запрет, разрешение или долженствование – непременная составная часть правила. Именно наличие такого условия делает правило правилом (*Ostrom, 1990, сmp. 139*). Исследователи, работающие в рамках междисциплинарного подхода (*Leach et al., 1997*), предложили разделить понятия нормы и практики. В этом контексте Робин Мёнз предлагает рассматривать институты как «упорядоченные модели поведения индивидумов и их групп» (*Mearns, 1995, p. 103*). «Правила и нормы, – пишут М. Лич, Р. Мёнз и И. Скунз (*Leach et al., 1997*), – возникают как результат практических действий (преднамеренно и непреднамеренно)». Впоследствии эти нормы формируют поведение, т.е. практические действия, но не дают готовых решений, которые индивид должен исполнять, они лишь задают ориентиры, определяющие рамки дозволенного и недозволенного (*Leach et al., 1999*). С. Мур (*Moore, 1975, сmp. 3–6*) также утверждает, что формальные и неформальные правила определяют не поведение, а рамки или контекст стратегии действий и взаимодействия различных индивидумов.

Вместе с тем повторяющиеся действия могут не только поддерживать правила и нормы, но и изменять систему и со временем создавать новые нормы (*Giddens, 1984; Bryant, Jary, 1991*). Поскольку существующий порядок вещей – объект постоянной трансформации, ей также подвержены правила и нормы. Протестное поведение, или, иными словами, поведение, не укладывающееся в рамки существующих норм, является инструментом таких изменений (*Gore, 1993*). Нормы и правила также могут быть преобразованы в результате согласованных решений, но такой

инструмент, скорее, имеет отношение к формальным институтам¹. Неформальные же, прежде всего традиционные правила и нормы, не могут быть подвергнуты плановой модификации. Они наиболее устойчивы по сравнению с формальными регуляторами – законодательными и административными актами, поскольку имеют довольно узкий коридор возможностей для изменений, заданный уже существующими традициями.

В соответствии с подобными взглядами на природу институтов сторонники междисциплинарного подхода считают необходимым включить в институциональный анализ и рассмотрение структуры сложных нормативных систем, и исследование процедур, и тщательное изучение действий. В фокусе должен быть актор, находящийся в процессе принятия решений. Он независим, а иногда и непоследователен. Понимая отношения собственности прежде всего как практики, а не нормы, П. Вандергист (*Vandergeest, 1997*) замечает: «Исследование нормы – очень ограниченный подход к пониманию собственности. Значительно больше о природе собственности можно узнать, следуя за индивидуумом, наблюдая, что он делает, и расспрашивая об его действиях, а не о правилах. Если мы начнем рассматривать собственность как ежедневную практику, выявится ограниченность идеи коллективной собственности как четко сформулированного комплекса правил, берущей свое начало от концепции государственной и частной собственности» (*Vandergeest, 1997, сmp. 6*). Сдвиг фокуса анализа с правил и норм на практику, социальные процессы, социальную включенность также очевиден в работах исследователей, констатировавших в изучаемых ими сообществах изменчивость и обратимость в качестве основных характеристик собственности, превалирующих на африканском континенте (*Berry, 1993; Peters, 1994, 1998; Niamir-Fuller, 1999*). Эти исследователи отмечают, что, несмотря на попытки во многих частях

¹ В рамках междисциплинарного подхода уточняются и понятия формальных и неформальных институтов. Д. Норт в своей книге «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» отмечает, что «содержание неформальных правил не поддается точному описанию, и однозначно определить ту роль, которую они играют, невозможно» (*Норт, 1997, сmp. 56*). А Э. Остром, хотя и подчеркивает, что в центре внимания ее публикации (*Ostrom, 1990*) – фактические правила, сравнивает иерархию правил и норм с языком программирования и, таким образом, рассматривает фактические правила и нормы, т.е. в том числе неформальные, как стройные многоуровневые системы, в которых возможности одного уровня заданы рамками, определенными для более высокого уровня (*Ostrom, 1990, сmp. 54*). В рамках же междисциплинарного подхода формальные и неформальные институты четко разграничиваются. Практика, складывающаяся в зависимости от таких факторов, как социальный капитал, доверие, социальные связи, социальное расслоение, влияние различных игроков в сообществе, положена в основу понимания неформальных институтов. Формальные институты понимаются как правила и нормы, исполнение которых обеспечивается извне.

Африки четко сформулировать права населения на землю и впоследствии регулировать процесс наделения землей, наследования и передачи прав собственности, права собственности на практике обеспечиваются не в рамках законодательства и административного регулирования, а через постоянный процесс переговоров, признаний и политических маневров (Berry, 1993, *стр.* 35).

Игнорирование фактора распределения власти и влияния в сообществе зачастую отмечается как еще один из основных недостатков институциональной теории (Leach et al., 1999, *стр.* 238). «Существует безусловная необходимость положить в основание институционального анализа теорию о властных отношениях» (a theory of power), – пишет Р. Бейц (Bates, 1995). Доступ к ресурсам и контроль над ними могут являться предметом соперничества. Расстановка сил, обеспечивающая доступ одним за счет других, – еще один важный аспект. Современный междисциплинарный подход рассматривает возможности, обеспечивающие доступ к ресурсам, как результат не четко закрепленной статичной моральной нормы, а взаимодействия и согласования условий между различными социальными акторами. На этот процесс согласования не могут не влиять расстановка сил между членами сообщества и намерения каждой стороны (Gore, 1993).

Если исследования в рамках институциональной экономики фокусируются на вопросе о том, «как институты развиваются в ответ на индивидуальные стимулы, стратегии и решения и как институты влияют на функционирование и результаты политической и экономической систем» (*предисловие редактора Ostrom, 1990, стр.* xi), то междисциплинарный подход пытается ответить на вопрос, как поведение различных акторов зависит от существующих институциональных форм и влияет на них. Для того чтобы ответить на последний из этих вопросов, необходимо сконцентрировать внимание на деятеле как члене сообщества, обремененном пакетом социальных характеристик: статусом, связями, властью, гендерными характеристиками, предполагающими особенности прав на ресурсы, возрастными особенностями, его возможностями и потребностями использовать те или иные ресурсы и пр. Сара Берри отмечает, что возможности населения демонстрировать притязания на определенные ресурсы тесно связаны с их членством в определенных социальных группах и участием в формальных и неформальных процессах (Berry, 1993, *стр.* 104).

Несмотря на то что безусловное влияние местных условий признается институционалистами так же, как и представителями междисциплинарного подхода, необходимость принимать во внимание местные условия нередко противоречит другим постулатам, выработанным в рамках ин-

ституциональной парадигмы. Так, под влиянием климатических условий в Африке институты сельских сообществ чаще действуют в режиме постоянного напряжения и поиска компромиссов, нежели представляют собой сплоченные корпорации, аккумулирующие ресурсы и управляющие ими (Berry, 1993, *сmp.* 21). Результатом являются неопределенные правила, гибкие подходы к членству и пересекающиеся территории пользования (Scoones, 1999, *сmp.* 220). Социальный и политический поиск компромиссов по поводу прав на земельные ресурсы африканских стран, пишет И. Скунз (Scoones, 1999, *сmp.* 219), означает, что индивидуумы не действуют вне контекста, они – социальные акторы. Соответственно виды земельных отношений (прав на земельные ресурсы) и институтов в сельских сообществах, по его мнению, не могут отражать результаты повторяющихся формул поведения, основанных на выборе индивидуальных игроков, максимизирующих свою выгоду, они являются результатом сложных социальных процессов.

Еще один аспект критики представлений об институтах в рамках институциональной экономики – это изолированность институтов управления коллективными ресурсами от других сфер жизни. Представление о том, что различные институты в рамках сообщества существуют, не пересекаясь, в корне неверно. В междисциплинарной парадигме социальные изменения представлены как результат взаимодействия множественных внутренних и внешних действий и событий, в которых важную роль играют и случайности, и пути, предписанные нормами (Leach et al., 1999, *сmp.* 230). Междисциплинарная концепция предлагает в контексте конкретного сообщества уделять внимание динамике ситуаций, интересов, целей и взаимоотношений различных страт сообщества. Также, по аналогии с концепцией Амартии Сена (Sen, 1981), концентрирующей внимание на социальной дифференциации возможностей доступа к продовольствию, акцентируется исследование динамики возможностей доступа представителями различных страт сообщества к тем или иным ресурсам и контроля над ними. Этот доступ не всегда обеспечивается институтами, напрямую направленными на управление и использование ресурсов. Очень часто доступ обеспечивается институтами, не имеющими на первый взгляд отношения к природопользованию, – такими, как брак, кровнородственные связи и др. Понимание всех механизмов, доступных членам сообщества для обеспечения пользования ресурсами, – необходимый элемент успешного прогнозирования результатов коллективного природопользования.

Таким образом, основное отличие современного междисциплинарного подхода к вопросу институтов состоит в широком признании необходимости рассмотрения сообществ, институтов, природно-климатических

условий в их динамике и сложности взаимоотношений. Этот аспект существенно отличает методологические принципы, сложившиеся начиная с 1990-х годов в контексте междисциплинарного подхода, направленного на разработку стратегий эффективного и рационального природопользования, от теории институционализма. Именно неспособность оценить значимость динамических изменений теоретиками институционализма, а также структурного функционализма, развивавшегося в рамках социологии и антропологии, легла в основу их критики.

Однако, несмотря на острые дискуссии теоретиков о методах организации управления природными ресурсами сообществами, а также о процессах и явлениях, лежащих в его основе, сама идея коллективной собственности не подвергается сомнению ни в одном из описанных подходов. Коллективная собственность не противопоставляется частной, как более эффективной, скорее, дискуссии представляют собой попытку найти адекватные инструменты управления коллективной собственностью в современных условиях. Критические замечания возникают вокруг упрощения понятий и несовершенных представлений, которые ведут к неверным ориентирам и подбору неподходящего инструментария практических программ.

Глава 3. Влияние природно-климатического фактора

В предыдущих главах не раз говорилось о том, что успешное прогнозирование результатов государственной политики в области землепользования предполагает учет природно-климатических условий. Это утверждение базируется прежде всего на выводах практических исследований, основанных на длительных полевых изысканиях. Многие из этих исследований были спровоцированы провалом земельной политики, поддерживаемой международными агентствами в африканских государствах в 70-х и 80-х годах прошлого столетия.

Многочисленные проекты, финансируемые зарубежными спонсорами и направленные на снижение бедности и рациональное использование пастбищных ресурсов, не только не имели успеха, но в некоторых случаях даже усугубляли ситуацию. В 1980 г. «Международный центр животноводства для Африки» признал провал политики в области развития животноводства на континенте и обнаружил объем средств международных организаций, выделенных на эти цели. За предыдущие 15 лет [пред. – с 1965 г.] совокупные затраты международных агентств составили 650 млн долл. США (*J.L.C.A. 1980, стр. 5*). Большая часть оценок результатов собственных проектов международными организациями, включая Всемирный банк, Агентство по международному развитию США, Продовольственную и сельскохозяйственную организацию Объединенных Наций, также были критическими (*Behnke, 1983*)¹. В 1981 г. один из

¹ О проектах Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций см. (*Oxby, 1981*); о проектах Агентства по международному развитию США см. (*Horowitz, 1979; USAID, 1980; Teitebaum, 1980*).

основателей прикладной антропологии в Соединенных Штатах Уолтер Голдшмид восклицал: «Кажется, что ничего не работает, количество скотоводов, чья жизнь улучшилась, ничтожно; нет никаких оснований говорить об увеличении производства молока или мяса, процесс деградации почвенного покрова продолжается, но при этом потрачены миллионы долларов. В чем же ошибка?» (*Goldschmidt, 1981, сmp. 116*).

3.1. Теория равновесия и неравновесия экосистем

Слабая изученность экологических условий реализации программ и игнорирование механизмов адаптации местного населения к этим условиям стали причиной методологически неверного подхода к земельной политике на африканском континенте. В основе международных программ развития лежало определение пастбищных экосистем Африки как стабильных или *равновесных* (*equilibrial*), т.е. имеющих точку равновесия. Максимально допустимая нагрузка, т.е. максимальная популяция, при которой она находится в равновесии со всеми совместно обитающими биотами¹, является основной характеристикой такой системы. В основе теории о допустимой нагрузке лежит утверждение, что популяция травоядных сдерживается наличием кормовых растений, пригодных для потребления; в то время как наличие корма сдерживается популяцией этих животных, стравливающих часть зеленой массы, а также оказывающих давление на почву и пр., в результате чего и достигается равновесие. Но такая модель взаимоотношений предполагает сравнительно постоянные условия для роста растений (*Behnke, Scoones, 1993, сmp. 8*).

В основу проектной деятельности также был положен тезис о том, что скотоводческие культуры африканского континента плохо адаптированы к условиям окружающей среды (*Brown, 1971; Lamprey, 1983; Ellis, Swift, 1988*), в результате чего хозяйственная деятельность скотоводов ведет к истощению ресурсов, а сами скотоводы вынуждены постоянно бороться за свое существование. Предполагалось, что именно перевыпас скота² является причиной деградации пастбищных экосистем и процесса опустынивания. Считалось, что содержание большого поголовья скота приводит к уничтожению большей части зеленой массы растений, что повышает отражательную способность поверхности почвы, что, в свою очередь, ведет к снижению осадков и опустыниванию. Поэтому все усилия были

¹ Биота – живое население экосистемы (населяющие ее растения, животные, грибы, бактерии).

² Перевыпас – выпас скота в количествах, превышающих способности пастбищ к восстановлению.

направлены на восстановление равновесия экосистем и увеличение их продуктивности. Основными методами были избраны снижение поголовья скота и в соответствии с выводами о «трагедии общественного» изменение земельных отношений. Последний пункт реализовывался за счет закрепления пастбищ с четко определенными границами за конкретными пользователями – ранчо, кооперативами, скотоводческими ассоциациями. На разрешенных для использования землях проводились технические интервенции, направленные на повышение продуктивности почв, улучшение доступа к воде и ветеринарным услугам и регулирование выпаса. Концепция ранчо обязательно включала ограждение по его границам, внутри которых и должно было осуществляться землепользование (Behnke, 1983). Успех подобной системы землепользования в отдельных штатах США явился аргументом для импорта модели на африканский континент.

Отдельные экологи и биологи, работавшие в Африке, опровергали теорию равновесия наиболее засушливых экосистем, используемых скотоводами. Например, Уэйнз (Weins, 1977) пришел к выводу, что роль естественного отбора в регуляции популяции птиц в засушливых экосистемах минимальна. Основные факторы, влияющие на популяцию птиц, – это абиотические факторы¹, в случае засушливых регионов Африки – климатический. Системы, в которых основным регулятором выступают абиотические факторы, были названы *неравновесными* (non-equilibrial или disequilibrial).

Выводом о том, что экосистемы могут быть как равновесными (equilibrial), так и неравновесными (non-equilibrial/disequilibrial), был применен к пастбищным системам Джеймсом Эллисом и Дэвидом Свифтом (Ellis, Swift, 1988). Дж. Эллис и Д. Свифт исследовали землепользование животноводческих сообществ на северо-западе Кении в течение девяти лет. Их вычисления показали, что в обычный (не засушливый) год скот в этой области Кении поедает не более 10–12% имеющейся зеленой массы, в то время как количество скота не достигает даже четверти от допустимой нагрузки (Ellis et al., 1987). Таким образом, исследования Дж. Эллиса и Д. Свифта опровергли предположение о том, что перевыпас скота является основной причиной снижения зеленой массы растений. Наиболее важным фактором, влияющим на биомассу, оказались межгодовые колебания количества осадков. Другими словами, экосистемы засушливых районов Африки являются неравновесными, их динамику определяют

¹ Условия неорганической среды, влияющие на живые организмы.

непредсказуемые и крупномасштабные вариации уровня осадков¹. При этом ученые отмечали, что концентрация поголовья тем не менее имеет значение при определении влияния на биомассу, и в случае засухи скотоводы снижают нагрузку на пастбища за счет увеличения пастбищных площадей. В случае исследованных скотоводческих сообществ только часть имеющихся площадей использовалась в обычные, т.е. незасушливые, годы (*Ellis, Swift, 1988*).

Таким образом, закрепление постоянной территории, осуществляемое правительством и финансируемое международными фондами, лишало скотоводов возможности воспользоваться их обычной стратегией снижения риска. Хотя падеж скота и снижение в результате этого поголовья во время засухи – обычное явление, невозможность расширить пастбищные площади в рамках организованных ранчо и ассоциаций увеличивала потери и, как следствие, оказывала негативное влияние на экономическое положение местных домохозяйств. Снижение поголовья как инструмент, используемый правительством для снижения нагрузки на экосистему, в условиях неравновесных экосистем также негативно сказывалось на положении скотоводов (*Ellis, Swift, 1988*). Дело в том, что животноводы, населяющие неравновесные экосистемы, содержат большее, чем требуется для обеспечения домохозяйства, стадо в незасушливый период в качестве своеобразного «страхового фонда». В период засухи, когда цены на мясо на местных рынках, как правило, снижаются за счет роста предложения, а на зерновые, напротив, – растут, дополнительное количество скота позволяет животноводам соблюсти баланс при обмене продуктов животноводства на продукты земледелия, обеспечивая, таким образом, необходимый уровень потребления.

Объем знаний в отношении особенностей динамики неравновесных систем быстро возрастал, и уже в 1993 г. Институт развития зарубежных территорий (*Overseas Development Institute, ODI*), Международный институт охраны природы и развития (*International Institute for Environment and Development, IED*) и Секретариат по делам содружества Великобритании выпустили сборник статей под редакцией Роя Бенке, Иана Скунза и Кэрел Кёвин (*Behnke et al., 1993*), посвященный этой тематике. Целевой аудиторией авторы проекта определили сотрудников правительственных и неправительственных организаций, формулирующих направления программ социально-экономического развития скотоводческих сообществ в Африке.

¹ Коэффициент 0,33 теоретически признан как минимальный уровень колебаний, определяющих неравновесные экосистемы (*Ellis et al., 1993*).

Авторы работы объясняли основные отличия между двумя видами природных систем и их значение для природоохранной и земельной политики. При значительных колебаниях абиотических факторов, таких как количество осадков или температура, влияние этих факторов на рост растений превышает влияние выпасающегося скота. Кроме того, недостаток корма в засушливые годы ведет к такому значительному снижению поголовья, что влияние скота на пастбища остается несущественным, пишут Бенке и Скунз. Таким образом, климат является основным ограничивающим фактором (*Behnke, Scoones, 1993, сmp. 8*). Иными словами, во время многолетней засухи количество скота снижается из-за недостатка растительной массы, которая, в свою очередь, сокращается под влиянием засухи, а не перевыпаса скота. Например, в результате продолжительной засухи в 1970-х годах в Сахель¹ количество скота снизилось на 44% в результате падежа и отгона скота на более южные территории (*de Leeuw et al., 1993*). При этом засухи происходят настолько часто, что поголовье никогда не достигает максимально допустимой нагрузки, т.е. популяция растений и популяция травоядных ограничиваются одним и тем же фактором.

Основной механизм эффективного управления экологическими рисками в плохо предсказуемых условиях неравновесной системы – это адаптация к изменяющимся условиям, а не изменение условий. Одним из наиболее распространенных методов такой адаптации является мобильность хозяйства, позволяющая рассредоточить скот на большей территории или использовать наиболее благоприятные экологические ниши. Р. Бенке и И. Скунз считают, что именно экологическая составляющая определяет кочевой способ производства в засушливом климате. По утверждению авторов, экономические потери от ограничения мобильности скота в условиях неравновесной экосистемы более значительны по сравнению с равновесной. Если стадо содержится на одном пастбище, то количество скота должно быть ограничено на уровне обеспеченности кормовыми ресурсами в данном месте в самый неблагоприятный период. Поскольку колебания продуктивности равновесной экосистемы сравнительно небольшие, то и снижение поголовья не столь значительно, как в неравновесной системе. В условиях последней постоянное содержание скота на одном выгоне не позволит эффективно использовать ресурсы, имеющиеся в изобилии в благоприятный период. Расчеты авторов показывают, что в случае неравновесной системы в одних и тех же условиях

¹ Сахель – переходная ландшафтная зона между пустынями Северной Африки и саванной.

использование трех сезонных пастбищ позволяет увеличить количество скота как минимум вдвое.

В условиях засушливых пастбищных экосистем с высоким уровнем колебания осадков возможность быстро реагировать на природные изменения и гибкость подходов – основа успешной стратегии землепользования (*Sandford, 1982*). Мобильность скота и населения в таких условиях – основной механизм снижения экологических рисков, позволяющая:

- оппортунистическое использование экосистемы, продуктивность которой непредсказуема и резко изменяется;
- использование пастбищ, удаленных от населенных пунктов, которые при иных формах землепользования, как правило, недоиспользуются;
- использование сезонных ресурсов;
- обеспечение скота кормами с минимальными затратами труда и капитала (*Niamir-Fuller, Turner, 1999, сmp. 21*).

Как результат особой динамики экосистемы и мобильности населения, традиционное отношение пространственной и институциональной организации землепользования в засушливых районах Африки существенно отличается от привычной для нас западной модели, обоснованной нуждами земледельческой культуры. Она представляет собой сложную и гибкую систему прав различных пользователей, совмещает различные степени фиксации и определенности границ, а также виды прав (*Niamir-Fuller, 1999*). Рой Бенке отмечает, что в эконишах, характеризующихся резкими изменениями, а также мозаичностью, т.е. разнообразием почв, рельефа и других условий, права на земельные ресурсы, как правило, не представлены универсальными типами (*Behnke, 1994*). В публикациях Иона Скунза (*Scoones, 1999*) мы находим одно из объяснений гибкости границ и институтов, регулирующих пользование ресурсами, и отсутствия универсальности прав. «Там, где необходимо преодолевать проблему распределения участков, имеющих различную ценность, присвоение становится проблемой», – пишет И. Скунз.

Как отмечалось в предыдущей главе, возможности населения демонстрировать свои притязания на определенные ресурсы тесно связаны с их членством в определенных социальных группах и участием в формальных и неформальных процессах, находящихся в постоянном поиске компромиссов (*Berry, 1993, сmp. 21, 104*). Как следствие, складывается разнообразие условий прав землепользования и/или землевладения. Такие условия могут включать отдельные участки эксклюзивного пользования; отдельные участки, пользование которыми может быть эксклюзивным только в конкретные временные периоды, определяемые сезонностью

или непредсказуемыми явлениями природы, например засухой. Формы земельных отношений (прав на землю) могут пересекаться как во времени, так и в пространстве, регулироваться несколькими институтами, действующими на различных уровнях (*Scoones, 1999, стр. 220*).

Мэриам Ниамир-Фулле (*Niamir-Fuller, 1999*) описывает систему земельных отношений в засушливых зонах Африки следующим образом. Обычно племя или иная социальная группа обладает первичным правом на свою, так называемую «домашнюю территорию» (*home base*), используемую в качестве пастбищ. Границы этой территории относительно фиксированы и определяются объектами ландшафта. Между такими территориями различных групп, как правило, расположены буферные зоны или зоны сосуществования прав. Зоны сосуществования прав соседних племен используются на основе согласований и переуступок, одновременного совместного пользования, а иногда являются предметом споров. Поскольку ни одно из соседствующих племен не имеет неограниченных прав на буферную зону, эта территория, как правило, используется только в случае возникновения нестандартной ситуации, такой как засуха, эпидемия и пр. (*Niamir-Fuller, 1999, стр. 276–277*). Территории сосуществования прав и буферные зоны находятся в управлении нескольких племен и предназначены для расширения их домашней территории в случае возникновения подобной необходимости. Отличие буферных зон от зон сосуществования прав состоит в том, что в каждом отдельном случае пользование ресурсами буферной зоны каждой из групп предполагает согласие соседей и, как следствие, обсуждение условий пользования (*Niamir-Fuller, 1994*).

В свою очередь, подгруппы племен также ассоциируются с определенной территорией, включающей пастбища всех сезонов, которая обычно выходит за границы домашней территории племени. Границы этих территорий постоянно изменяются в зависимости от фактического уровня осадков. Использование ресурсов традиционно основывается на иерархии приоритетов прав, включающих первичные, вторичные, третичные и пр. Пользователи, имеющие первичные, или основные, права пользования, имеют самый высокий приоритет. Обладатели вторичных прав, как правило, имеют сезонный доступ. Третичные права обеспечивают доступ к ресурсам в периоды, характеризующиеся экстраординарными обстоятельствами, например, во время засухи. Эта иерархия прав относится к домашним территориям племен и их подгрупп – родов, фракций и пр. Право вторичного доступа для социальных подгрупп определяется решением племенных институтов управления либо путем переговоров на местном уровне. Абсолютное большинство животноводческих сооб-

щества также резервируют отдельные участки своей домашней территории, на которых устанавливается особый режим пользования. Примером таких участков могут служить священные места, выпас скота на которых разрешается только в особых случаях, например, во время засухи.

В границах домашних территорий выделяются особенно важные ресурсы с точки зрения обеспечения кормами поголовья домашних животных. М. Ниамир-Фулле называет такие ресурсы ключевыми. При высокой ценности эти ресурсы пространственно, а значит, и количественно, ограничены. К таковым относятся естественные источники воды – озера, ключи; солевые лизунцы, т.е. участки выхода минеральных солей; пастбищные ресурсы особой ценности, например, болота, являющиеся единственными источниками зеленой биомассы в периоды засухи в засушливых экзонах. Как правило, права на ключевые ресурсы и их границы определены четче, нежели в случае менее ценных и географически протяженных ресурсов. Кроме того, земли, отведенные под растениеводство, и искусственные источники воды могут находиться в собственности отдельных домохозяйств или небольших групп домохозяйств. Границы этих ресурсов определяются очень четко.

Взаимопроникновение различных видов прав и регулирующих их институтов отмечается и другими исследователями, описывающими опыт животноводческих сообществ африканского континента. Например, Полин Питерс (*Peters, 1987*) отразила подобную характеристику земельных отношений в Ботсване. М. Ниамир-Фулле называет столь необычную систему земельных отношений гнездовой, или конгруэнтной. Она попыталась схематично представить пространственно-институциональные отношения в системе землепользования засушливых зон в виде таблицы (*Niamir-Fuller, 1999, p. 277, см. табл. 1*).

Иан Скунз (*Scoones, 1999, стр. 226–229*) утверждает, что институты, регулирующие использование различных ресурсов в исследуемых им сообществах Зимбабве, также характеризуются большей или меньшей определенностью. Основным фактором, влияющим на степень фиксации границ, по его мнению, является ценность самих ресурсов¹. Чем более ценен ресурс для местного населения, тем четче, по мнению автора, правила его использования, где оговариваются контингент пользователей, их права, сезонность пользования и границы ресурса (см. *табл. 2*). И. Скунз отмечает, что, поскольку относительная ценность ресурса может изменяться со временем, в частности, может зависеть от сезона, климатиче-

¹ Формулировка «ценность единицы площади пастбищного угодья», на наш взгляд, более точно отражает суть явления.

ских условий, например от наступления засухи, то и институты, регулирующие земельные отношения, и сами отношения могут меняться в зависимости от изменения относительной ценности ресурса.

Таблица 1

**Типология прав на земельные ресурсы и режимов управления
в засушливых экосистемах**

Правовой режим	Тип границы	Режим управления
Территории сосуществования прав	Относительно фиксированные	Орган самоуправления племени
Буферные зоны	Относительно фиксированные	Орган самоуправления племени
Домашние территории племен	Относительно фиксированные	Орган самоуправления племени
Домашние территории подгрупп	Чрезвычайно непостоянные	Род, подгруппы племен (смесь первичных и вторичных прав)
Резервные пастбища	Фиксированные	Род, подгруппы племен, племя
Ключевые ресурсы	Фиксированные	Род, подгруппы племен
Площади, отведенные для растениеводства	Относительно фиксированные	Небольшая группа соседних домохозяйств
Площади, отведенные для растениеводства	Фиксированные	Индивидуальное домохозяйство

Источник: Niamir-Fuller, M. 1999, Managing mobility in African rangelands: The legitimization of transhumance, London: FAO, IT Publications, p. 277.

На примере животноводческих групп бедуинов Ливии Р. Бенке также иллюстрирует, что степень индивидуализации пользования и то, насколько четко определены границы, зависят от ценности ресурса (*Behnke, 1994*). И. Скунз объясняет подобную зависимость: институты с высокими транзакционными издержками могут эффективно поддерживаться лишь в случае особо ценных пастбищ, поскольку затраты собственника (коллективного или индивидуального) на то, чтобы исключить не обеспеченное правом собственности или иными приемлемыми для него условиями пользование, могут быть оправданы только при высокой ценности самого ресурса (*Scoones, 1995*).

**Зависимость земельных отношений
от характеристик используемых
ресурсов**

Характеристики ресурса	Ресурс высокого качества, обладающий высокой ценностью, расположенный на небольшой территории, имеющий стабильно высокую продуктивность	Ресурс низкого качества, имеющий низкую ценность, занимающий относительно большую территорию, имеющий высокую и/или низкую продуктивность
Земельные отношения	Эксклюзивные: частная собственность или собственность (пользование) относительно небольшой группы	Коллективная или доступная для всех территория
Институциональные решения	Четкие правила и нормы, высокие индивидуальные трансакционные издержки	Нечеткие правила и нормы, низкие трансакционные издержки
Уровень инвестиций^a	Высокий	Низкий

Примечание. ^a Несмотря на то что уровень инвестиций совпадает с представлениями нормативной экономической теории, предполагающей значительные инвестиции со стороны обладателя эксклюзивных прав и незначительные – со стороны коллективных собственников, уровень инвестиций в данном случае определяется не формой собственности, а ценностью ресурса, т.е. его характеристиками. При низкой ценности ресурса, занимающего значительные площади, инвестиции экономически не обоснованы.

Источник: Scoones, I. 1999, Ecological dynamics and grazing-resource tenure: a case study from Zimbabwe, in Niamir-Fuller, M. (ed.) Managing mobility in African rangelands: The legitimation of transhumance, London: FAO, IT Publications, p. 221.

Столь значительные отличия земельных отношений в скотоводческих обществах от эксклюзивных прав, юридически признаваемых в западных странах, представляют сложнейшую проблему для анализа этих отношений и планирования стратегий развития. В странах, где на практике осуществляется общее пользование пастбищами, как правило, права общего пользования не имеют отражения в законодательстве, отмечает М. Ниамир-Фулле. Реформы земельных отношений в животноводческих обществах исторически представлены либо попытками национализации земельных ресурсов, либо их приватизацией. Эти попытки встречают сопротивление местного населения, оказываются экономически и экологически неприемлемыми, при этом приводят к ослаблению существующих на протяжении длительного периода институтов, регулирующих пользование пастбищными системами (*Niamir-Fuller, 1999, сmp. 276*).

Сегодня широко признается необходимость разработки новых подходов к закреплению прав кочевых скотоводов на землю. Дж. Эллис и

Д. Свифт еще в 1988 г. призвали внимательнее отнестись к вопросу соответствия стратегий развития, предлагаемых внешними игроками, различным видам экосистем и разработать адресные стратегии, учитывающие их динамику (*Ellis, Swift, 1988, стр. 458*). Для выработки приемлемого подхода, по их мнению, необходимо тщательно исследовать существующую систему землепользования и земельных отношений, как правило, адаптированных к местным условиям и включающих механизмы снижения экологических рисков. Вполне очевидно, что новые подходы должны учитывать значение для социально-экономического развития скотоводческих сообществ пастбищных ресурсов, используемых сезонно или в случае необходимости, обоснованной влиянием погодных условий (*Behnke, Scoones, 1993*). Под влиянием теории о неравновесных экосистемах, определившей особенности землепользования в условиях экосистем, характеризующихся резкими, непредсказуемыми и масштабными изменениями, формируется единое междисциплинарное обоснование мобильности скота в аридных и полуаридных системах¹, которое объединяет ее экономические и экологические предпосылки. Все чаще такого рода обоснование называют «парадигмой мобильности» (*mobility paradigm*) (*Niamir-Fuller, 1999*).

Соответственно возникает потребность в концепции институтов собственности, которая отличается от привычной западной формализованной модели. Там, где необходимо искать компромисс в ответ на резкое изменение локальных условий, пишет И. Скунз (*Scoones, 1999*), вероятно, наиболее эффективными регуляторами пользования природными ресурсами являются институты, производные от сложных взаимодействий индивидуумов и групп, основанных на договоренностях (*negotiation*) внутри и между различными социальными сетями. Формализованные правила в этом случае могут оказаться слишком ригидными для того, чтобы своевременно отреагировать на изменившиеся условия, а связанные с ними транзакционные издержки могут быть слишком высокими. Бен Козинз (*Cousins, 2000, стр. 156–157*) для решения задачи формального закрепления гибких институтов предлагает рассматривать земельные отношения как пакет прав и обязанностей, отличающихся для конкретных пользователей, по следующим категориям:

- тип ресурса (растительный покров, естественные и искусственные источники воды, дикие животные и пр.);
- вид пользования (выпас скота, сенокос, сбор растений для строитель-

¹ Экосистемы климатических зон, характеризующихся среднегодовым уровнем осадков менее 250 и 500 мм соответственно.

- ства, медицинских целей, использования в пищу и пр., использование воды для ирригации, водопоя животных и пр., охота);
- пользователи (индивидуум, домохозяйства, группы, подгруппы, обладатели первичных прав, обладатели вторичных или третичных прав);
 - сезон пользования (зима, лето, дождливый сезон, засушливый сезон, климатические обстоятельства в пределах нормы, стрессовые обстоятельства – засуха и пр.);
 - сущность и интенсивность прав и обязанностей (исключительные права, совместные права, перманентные, временные, географические границы распространения прав).

В рамках земельных реформ в скотоводческих обществах Б. Козинз (*Cousins, 2000, стр. 174*) предлагает создавать меню организационных и институциональных возможностей, учитывающих вышеперечисленные критерии, для обеспечения разнообразия подходов, приемлемых в конкретных местных условиях. Использование подобного меню возможностей должно, по мнению этого автора, обеспечиваться признанием на национальном уровне права коллективной собственности на сельскохозяйственные земли, передачей управления земельными ресурсами на местный уровень и созданием механизмов урегулирования конфликтов.

Мэриам Ниамир-Фулле также считает, что создание гибкой системы земельных отношений возможно при условии законодательного признания в странах африканского континента конгруэнтной системы прав, феномена непостоянности границ, концепции приоритетных и вторичных прав. Например, она предлагает использовать в качестве модели описанную выше традиционную территориальную организацию выпаса скота, предполагающую гибкость границ (*Niamir-Fuller, 1999*).

Но гибкость условий землепользования таит определенные опасности. Например, незакрепленность границ оставляет возможности для внешних игроков претендовать на ресурсы (*Scoones, 1999*). Примером утраты прав пользования скотоводческими племенами может послужить Судан. Здесь в конце XIX века Британская колониальная администрация признала пастбища государственной собственностью, предоставив скотоводческим племенам право пользования. С развитием крупного растениеводческого агробизнеса в XX веке было принято решение компенсировать возможный ущерб скотоводам через предоставление им вторичного права пользования, а точнее – выпаса скота на жнивье. Но с укреплением политического веса крупных предприятий агробизнеса они перешли на предоставление подобной услуги на платной основе. Таким образом, скотоводческие племена утратили сначала первичное право пользования, а

затем и вторичные права (*Cousins, 2000, сmp. 154*). Необходимость надежного обеспечения прав скотоводческих сообществ соответственно стимулирует предложения закрепления прав коллективной собственности и ее признания на тех же условиях, что и частной собственности.

Кроме того, изменчивость и обратимость земельных прав, позволяющие успешно адаптироваться к сложным климатическим условиям, представляют угрозу повышенной конфликтности (*Cousins, 2000, сmp. 171*). Например, традиционно потребность кочевых скотоводов реагировать на высокую вариативность экосистемы удовлетворяется при использовании правил и соглашений, которые достигаются с помощью переговоров различных групп пользователей, прибегающих к помощи посредников, иногда цепочки посредников (*Niamir-Fuller, Turner, 1999, сmp. 22*). Но в качестве крайней меры увеличения территории, если переговоры не приносят результатов, в традиционных сообществах Африки могут использоваться захваты (*Niamir-Fuller, Turner, 1999, сmp. 22*). Такой механизм доступа к ресурсам, очевидно, противоречит задачам обеспечения прав, но при этом может являться основанием для конфликта.

Еще одна проблема, требующая решения для того, чтобы вписать традиционные системы обеспечения экологической безопасности в современный юридический контекст, – совмещение традиционных и современных институтов. Например, отношения между традиционными и современными органами управления могут создавать нормативные «ножницы», противореча друг другу. На функцию управления коллективными ресурсами могут претендовать как традиционные лидеры, так и местные администрации (*Cousins, 2000, сmp. 174*). Для предупреждения развития подобных ситуаций Б. Козинз считает необходимым четко разграничить права собственности на ресурсы и функции территориального управления; позволить держателям прав выбирать органы управления их имуществом по собственному решению; ограничить роль государства в соуправлении собственностью только оказанием необходимой поддержки и содействия (*Cousins, 2000, сmp. 174*) и функцией посредника в разрешении конфликтов (*Swift, 1995*). М. Ниамир-Фулле также призывает четко разграничивать территориальное управление, права собственности и узурфрукт¹ (*Niamir-Fuller, 1999, сmp. 276*).

Таким образом, вопрос о том, как вписать «гибкие», или «плавающие», границы в современное законодательство и при этом обеспечить устойчивость прав на землю, остается открытым. В отличие от инсти-

¹ Право пользования чужим имуществом, в данном случае относящееся к праву соседних сообществ использовать пастбищные ресурсы.

туциональной теории, предлагающей, как описано выше, определение границ коллективной собственности и собственника в качестве первого шага на пути основания коллективного действия (*Ostrom, 1990, стр. 91*), современная теория управления пастбищными ресурсами предлагает всерьез отнестись к необходимости сохранения «плавающих» границ используемых ресурсов и границ социальных. Чем более непредсказуемы экологические условия существования конкретного сообщества, тем более значима для него возможность маневрировать, приспособляясь к ухудшающимся условиям. Но в то же время феномен «плавающих» границ создает определенные сложности для управления ресурсами в современных условиях. Поиск путей, которые могли бы позволить эффективное сочетание гибкости подходов и надежности обеспечения прав, продолжается. Сегодня очевидно лишь одно: игнорирование необходимости скотоводов перекочевывать на значительные расстояния в ответ на изменения климатических условий влечет за собой множественные негативные последствия для скотоводческих сообществ, а значит, обеспечение мобильности стад – основная задача программ, направленных на развитие территорий засушливых зон.

Конечно, необходимо признать, что потери от ограничения мобильности скота могут снижаться за счет интенсификации производства, т.е. капиталоемких технологий. Такие технологии, вероятно, будут иметь больший успех в более предсказуемых природно-климатических условиях, характеризующихся менее продолжительными экологическими стрессами, нежели в засушливых зонах африканского континента. Рассмотрим пример перехода от содержания скота на общих пастбищах к огораживанию территорий ранчо юга и среднего запада Соединенных Штатов Америки, таких как Техас, Оклахома, Канзас и Колорадо, имевшего место в XIX веке. Этот пример интересен и с точки зрения демонстрации факторов, стимулирующих индивидуализацию земельных ресурсов.

Пастбища прерий были основой успеха животноводства на юге США, но именно этот успех, отмечает Рой Бенке, привлекал на них все больше желающих заниматься скотоводством (*Behnke, 1983*). Рост дефицита пастбищ был причиной, по которой возникла необходимость огораживания. Изгородь была инструментом установления индивидуального контроля земельных ресурсов, а не выпаса скота, как это часто предполагается. Франк Доби (*Dobie, 1980 [1941]*) так описывал причины перехода к индивидуальному огораживанию ранчо: «Скотоводы никогда добровольно не огораживали себя», они «были вынуждены отгораживать других»; «рост населения и экономическая привлекательность скотоводства, основанного на пастбищном содержании скота, принуждали каждого, кто

хотел сохранить свое хозяйство, ставить изгороди, чтобы индивидуально использовать землю, отгородившись от конкурентов» ((Dobie, 1980, стр. 341) цитируется по (Behnke, 1983, стр. 9)).

Первоначально огороженные ранчо были значительно менее продуктивными по сравнению с ранчо, использовавшими открытые пространства прерий (Behnke, 1983, стр. 9–10). Осгуд (Osgood, 1929 [1970]) в 1929 г., на начальной стадии развития индивидуализации пастбищных ресурсов, писал:

«Растянувшиеся на сотни миль изгороди представляли собой значительно большую опасность для собственности самих скотоводов, нежели для прав местных жителей. Во-первых, ограничив свободу передвижения стада, они препятствовали равномерному распределению скота на пастбищах, во-вторых, увеличивали потери скота в зимний период. Обычно скот начинает движение до начала шторма, и, только если он продолжает движение в направлении ветра, у него есть шанс на выживание. Как только случается остановка перед непреодолимой преградой, шансов на выживание у стада не остается, разве только если утихнет шторм. Комментируя бум огораживания в Техасе в 1883 г., один редактор предсказывал: «При старом устройстве (когда пастбища не были разгорожены. – Пояснение Т. Интигриновой) существовала относительная свобода границ ранчо, сейчас там изгородь, не принимающая аргументов. Как только шторм займет место судьбы, ранчо, содержащие большое количество скота, начнут истекать кровью». Так и случилось. Ценой, которую животноводы заплатили за огораживание пастбищ, уже через два года стали трупы тысяч животных вдоль изгородей Канзаса, Колорадо и Техаса. Изгороди на традиционно открытых пастбищах были не только нелегальными, но и непрактичными» ((Osgood, 1929 [1970]), стр. 193, цитируется по (Behnke, 1983, стр. 9)).

Огораживание пастбищ тем не менее продолжалось. По мнению Р. Бенке, процесс не был остановлен только потому, что огораживание было одним из основных инструментов в борьбе за контроль земельных ресурсов. Индивидуализация земельных ресурсов, в свою очередь, привела к существенным изменениям источников капитализации животноводческого производства. Если первоначально капитализация обеспечивалась только наличием стада, то с огораживанием не менее важной составляющей стала земля. Это позволило начать процесс интенсификации производства (Behnke, 1983).

При ограниченной площади стратегия, направленная на повышение продуктивности на одно животное или единицу площади в условиях фиксированного участка, была наиболее оправданна. Ранчо были поделены на зоны для ротации выпаса, начался процесс активного инвестирования в скважины для водопоя скота, водопроводы, производство кормов, ирри-

гацию, окультуривание пастбищ, механизацию, оказание ветеринарной помощи, приобретение кормовых добавок и пр. Таким образом, одними из основных характеристик ранчо с фиксированными границами в США на современном этапе являются высокая капиталоемкость производства и низкие затраты труда (*Behnke, 1983*). Производство искусственных кормов, использование кормовых добавок, зонирование пастбищ, обеспеченность водой за счет искусственных источников позволяют их владельцам управлять экологическими рисками.

Именно такая модель животноводства, исторически сложившаяся в США, вдохновляла стратегии развития, осуществляемые международными агентствами на африканском континенте. Но игнорирование природно-климатического фактора привело к провалу финансируемых программ. Существенное снижение влияния продолжительных засух африканского континента с помощью интенсификации скотоводства оказалось невыполнимой задачей.

3.2. Особенности горного животноводства

Горы занимают более пятой части суши на нашей планете (*Montero et al., 2009, стр. 2*). Особенности землепользования в горных районах, как и в засушливых экосистемах, определяются природно-климатическими условиями. Один из основных факторов, обуславливающих особенности землепользования в горных районах, – вертикальная стратификация ресурсов и условий, зависящая от высоты над уровнем моря, или высотная поясность. Кроме того, возможности землепользования определяются такими характеристиками, как крутизна и освещенность склонов, уровень осадков, ширина долин и ущелий, господствующие ветра и пр., совокупность которых формирует основную характеристику горного ландшафта – мозаичность расположения ресурсов.

Описание мозаичности условий горного ландшафта мы находим у Роберта Неттина (*Netting, 1981*), исследовавшего сообщество Тёрбел, расположенное на юге Швейцарии. Тот факт, что описываемое Неттином сообщество расположено на южном склоне в месте соединения нескольких горных долин, предопределяет хорошую освещенность. Даже зимой этот склон подвержен воздействию прямых солнечных лучей как минимум 7 часов в день. Одно из расположенных по соседству сообществ – Сталденх – в этот период года получает прямой солнечный свет только в течение получаса в сутки. На территории сообществ, расположенных на северном склоне на той же высоте, что и Тёрбел, снежный покров в весенние месяцы держится на один месяц дольше. Такие условия предо-

пределяют преимущества первого сообщества в отношении сельскохозяйственных возможностей, в частности, садоводства и виноградарства. Хозяйственная деятельность, в том числе земледелие, возможна в Тёрбеле на более значительных высотах, нежели во многих других сообществах региона, например, здесь отмечается максимальная в Европе высота, используемая для выращивания винограда (*Netting, 1981, сmp. 7*).

В зависимости от местных условий на всех континентах планеты в 1966 г. было выделено 25 типов ведения хозяйства в условиях высокогорья (*Montero et al., 2009, сmp. 5*). Абсолютное большинство из них вертикально интегрированы, т.е. используют экологические ниши на различных высотах. Только в двух сообществах, землепользование которых рассматривалось в ходе исследования, не отмечалось вертикальной интеграции производства. Хозяйство этих сообществ было основано на использовании охотничьих ресурсов (*Montero et al., 2009, сmp. 5*). В тех горных районах, где природные условия позволяют, население сочетает животноводство и земледелие. Такое сочетание – один из основных методов снижения рисков и увеличения продуктивности (*Galaty, Johnson, 1990, сmp. 299*). Так, в Швейцарских Альпах население адаптируется к местным климатическим условиям посредством так называемого «mountain grain – grazing adaptation», т.е. сочетания выращивания зерновых и использования пастбищных ресурсов (*Netting, 1981, сmp. 10*).

Приведем пример вертикальной интеграции, обусловленной природными характеристиками, в швейцарском сообществе Тёрбел. Короткое лето и ранние снегопады определяют здесь предельную высоту над уровнем моря, на которой возможно земледелие. Зерновые, в основном рожь и пшеница, вызревают на высоте до 1600 м только на солнечных склонах, как правило, на небольших участках, где слой плодородной земли достаточно глубокий для вспашки (*Netting, 1981, сmp. 10*). Фруктовые деревья, виноградники и овощи также выращиваются только на отдельных участках, при этом урожайность значительно варьируется от года к году в зависимости от погодных условий. Относительно низкий среднегодовой уровень осадков (менее 500 мм) предопределяет необходимость орошения. Но ирригация здесь возможна на высоте до 2000 м. Несмотря на то что земли, лежащие между 1600 и 2000 м над уровнем моря, орошаются, они непригодны для выращивания продукции растениеводства. Эти условия обосновывают использование данных земель под поливные сенокосные угодья. Учитывая, что естественный травостой в местной экосистеме низкорослый, т.е. не подходящий для скашивания, выше уровня 2000 м земли отведены под пастбища (*Netting, 1981, сmp. 12*). Таким образом, вертикальная интеграция хозяйства позволяет максимально использовать

имеющиеся земельные ресурсы и обеспечивает устойчивость хозяйств населения в сложных природно-климатических условиях. Неттин отмечает, что ни один из видов производства, практикуемых в Тёрбеле, не демонстрирует высокой продуктивности, но все вместе – виноградарство, садоводство, производство зерновых, животноводство и др. – обеспечивает высокую степень безопасности системы жизнеобеспечения и управления экологическими рисками (*Netting, 1981, сmp. 15*).

Вертикальная стратификация ресурсов в зависимости от их расположения над уровнем моря в горных ландшафтах также определяет основную особенность отгонного животноводства – вертикальность сезонных перекочевок. Сезонные перекочевки между низменностями и высокогорными пастбищами позволяют оптимизировать режим содержания скота. За счет перекочевок удается избежать выпаса животных при экстремальных температурах, отрицательно влияющих как на продуктивность стада, так и на его сохранность. Так, высокогорье, характеризующееся относительно низкими температурами, предоставляет более приемлемые условия для содержания животных в жаркие сезоны. Например, исследования Б. Жамбажамца (*Jambaajamts, 1984*) в Монголии позволяют утверждать, что наибольший привес разводимых здесь пород крупного рогатого скота возможен при температуре до 16°C. При повышении температуры до 24°C способность крупного рогатого скота набирать вес снижается примерно на 25%, при температуре 35°C процесс полностью прекращается. Привес в летние месяцы животных пастбищного содержания важен не только с точки зрения повышения продуктивности стада, но набранный за теплые месяцы вес является залогом выживания животных в холодный период, когда количество кормов ограничено, а температурный режим внешней среды наименее благоприятен.

Глубина и сезонность снежного покрова – еще один важнейший фактор, влияющий на схему сезонных перекочевок в горах. Альпийские пастбища, например, расположенные в Швейцарских Альпах на высоте от 2000 м, в зимнее время покрыты глубоким слоем снега, не позволяющим выпас скота, поэтому скот сюда отгоняют только летом (*Netting, 1981*). В регионе Восточного Саяна (в Южной части Сибири) под зимние пастбища яков используются крутые склоны, на которых снег задерживается лишь в небольших количествах. Кроме того, в горах, как и в засушливом климате пустынь и полупустынь, отгон животных используется для снижения влияния непредсказуемых погодных условий на стадо. Например, в горах северо-запада Китая в случае снегопада домохозяйства, выпасающие скот на средних высотах в зимний период, временно спускаются в предгорья (*Banks et al., 2003, сmp. 136*). В горах Восточного Саяна в по-

добных случаях стада яков перегоняются в наименее снежные урочища (Intigrinova, 2009).

Высота над уровнем моря также является определяющим фактором сезонности вегетативного периода травянистых растений, что также стимулирует вертикальное передвижение стад. Для иллюстрации этого пункта приведем пример перекочевок скотоводов алтайского горного массива в Монголии, описанный Б. Батбуяном (Batbuyan, 1996, стр. 200–203). Используемые местным населением пастбища лежат на высоте от 1000 до 3400 м. Зимние месяцы стада и население в этом регионе проводят примерно на высоте около 2500 м. Поскольку весеннее потепление наступает значительно раньше на более низких высотах, и, как результат, здесь раньше начинается вегетативный период, уже в первые весенние месяцы местное население перегоняет скот на пастбища, расположенные на высоте 1600–2000 м. Первая свежая зелень, пригодная для выпаса скота, появляется на солнечных, защищенных от ветра склонах; такие склоны обычно используются примерно на месяц раньше тенистых склонов, расположенных на той же высоте. В летние месяцы скот выпасается в экзонах, характеризующихся наиболее низкими температурами на высоте от 2700 м. В августе, когда вследствие снижения температуры травянистый покров высокогорных пастбищ начинает увядать, стада спускаются на высоту около 1000 м над уровнем моря, где кормовые ресурсы в этот период все еще обладают значительным запасом протеина. Таким образом, наживка скота продолжается и в осенний период до середины октября, когда животноводы и их стада возвращаются на зимние пастбища, расположенные на высотах, обеспечивающих наиболее мягкий температурный режим в зимние месяцы.

Температурный режим, увлажненность почв и господствующие ветра также влияют на распространение насекомых. Например, подкожный овод (*hypoderma bovis*) – теплолюбивое и сухолюбивое насекомое (Калмыков, 1937; Павловский, 1935; Грунин, 1962), поэтому в летнее время в высокогорье, где сохраняются низкие температуры, вероятность его распространения значительно ниже, чем в низинных районах. Так, А.С. Мустафаев отмечает, что лет оводов в горной зоне Азербайджана значительно менее интенсивен по сравнению с низменной зоной (Мустафаев, 1954)¹. Направление и скорость ветра – еще один фактор, который также учитывается скотоводами при выборе летних пастбищ. Хорошо продуваемые места в этот период времени являются наиболее благоприятными. Выпас

¹ Расположение над уровнем моря экологических ниш, наименее благоприятных для распространения овода, вероятно, имеет свою специфику в различных климатических зонах.

на таких пастбищах позволяет снизить зависимость самочувствия животных и их продуктивности от распространения кровососущих насекомых и паразитов.

Таким образом, вертикальная интеграция пастбищных ресурсов в горных условиях позволяет повысить экономическую эффективность хозяйства за счет использования угодий, расположенных в разных экологических зонах, в наиболее благоприятных для животных условиях. Вертикальные сезонные перекочевки также позволяют максимально увеличить период содержания скота на зеленой массе, обладающей существенно более высоким содержанием протеина по сравнению с сухой, как следствие, увеличить продуктивность и избежать или существенно снизить вероятность падежа в зимний период.

Вертикальную интеграцию землепользования часто называют своеобразным методом интенсификации землепользования (*Montero et al., 2009, стр. 5*), который по многим параметрам более приемлем в горных условиях, нежели интенсификация по типу перехода на стойловое содержание. Горный ландшафт обуславливает высокие транспортные расходы. В таких условиях отгон скота к месту выпаса требует значительно меньше затрат, нежели перевозка фуража (*Collantes, 2009, стр. 125*). Несмотря на то что по сравнению со стойловым содержанием кочевое животноводство затратно в отношении земельных ресурсов, эта характеристика не является барьером для его развития в горных регионах. Поскольку особенности горного ландшафта накладывают значительные ограничения на землепользование, существует крайне мало альтернативных выпасу методов использования высокогорных склонов. Кроме того, отгонное животноводство позволяет обходиться небольшими затратами труда, в то время как переход на стойловое содержание, в том числе сезонное, требует увеличения либо затрат труда, либо капитала для механизации производства, либо того и другого.

Рассмотрим пример Испании, где современное животноводство сочетает интенсивное производство в равнинных районах и экстенсивное отгонное в горах (*Collantes, 2009*). Территория Испании включает равнинные районы, климат которых характеризуется низким уровнем осадков и высокими температурами, и горные районы, например Пиренеи и Кантабрийские горы¹, с влажным и умеренным в отношении температурного режима климатом. В течение многих веков горные районы специализировались на производстве продуктов животноводства, в то время как рав-

¹ Горный хребет на севере Пиренейского полуострова, простирающийся вдоль Бискайского залива на 500 км от западного края Пиренеев до границы Галисии.

нинные районы – преимущественно на производстве зерновых и других продуктов растениеводства. Животноводство базировалось на сезонном использовании естественных пастбищ, расположенных в различных экологических зонах. Влажный горный климат обеспечивал высокое плодородие пастбищ. Схемы перекочетов отличались от региона к региону, но вертикальная ротация пастбищ оставалась неизменной. Высокогорные территории использовались в летний период, в зимний период стада спускались в предгорья или на равнины.

Начиная с 1960-х годов в стране появляются крупные хозяйства, основанные на капиталоемком интенсивном производстве. Такие комплексы занимают относительно небольшие участки под помещения, в которых содержатся животные или птица. Корма, изготовленные промышленным методом, зачастую поставляются из других регионов и стран. Сегодня комплексы интенсивного типа располагаются вблизи основных потребителей – крупных городов, таких, как Мадрид и Барселона, т.е. в равнинных регионах Испании, для которых характерны высокие цены на землю. Исключительно стойловое содержание животных в горных районах – редчайшие случаи. Здесь сохраняется преобладание пастбищного содержания (*Collantes, 2009*). Если стойловое содержание внедряется, то только в зимний период. Такие изменения обусловлены сокращением пастбищных территорий за счет равнинных угодий. Повышение плотности населения на равнинах, где ранее располагались зимние пастбища, – основа этого процесса. Горные регионы, где пастбища продолжают играть ключевую роль в производстве, по-прежнему специализируются на производстве баранины и говядины, в некоторых случаях – молочных продуктов. Интенсивное производство равнинных районов заняло нишу производства свинины и птицы (*Collantes, 2009, стр. 135–138*).

3.2.1. Земельные отношения в «вертикальной экономике»

Роберт Неттин (*Netting, 1981*) считает, что «вертикальная экономика» (*Montero et al., 2009*) – основной фактор, определяющий формы прав собственности, сложившиеся в горных сообществах. Исследовав небольшое сообщество Тёрбел, расположенное в Швейцарских Альпах, Неттин обосновал мнение о том, что сосуществование коллективной собственности на альпийские пастбища, используемые для летнего выпаса скота, леса, пустоши и ирригационную систему и частной собственности на пашни,

сенокосы, огороды и сады экономически обосновано¹. Анализ земельных отношений в Тёрбеле указывает на то, что на протяжении нескольких веков члены местного сообщества могли соотносить положительные и отрицательные стороны института частной собственности и института общей собственности на землю. Тот факт, что оба института осознанно поддерживались и развивались, дает основание полагать, что именно такое соотношение различных видов землепользования и земельных отношений соответствовало экономическим интересам большинства населения.

Р. Неттин отмечает, что коллективное пользование высокогорными пастбищами позволяло снизить затраты труда и капитала на выпас скота, огораживание, поддержание инфраструктуры (*Netting, 1981*). Объединение скота всех домохозяйств для летнего выпаса на находящихся в коллективной собственности альпийских лугах позволяет наиболее эффективно использовать трудовые ресурсы сельских домохозяйств. В то время, когда стадо находится на отгонном пастбище под присмотром пастухов, члены домохозяйства занимаются заготовкой сена для зимнего кормления скота и производством продукции растениеводства на орошаемых полях, в садах и виноградниках. Кроме того, это позволяет большинству населения заниматься сельским хозяйством, совмещая этот род деятельности с работой по найму (*Netting, 1981, стр. 49*), в частности, в туристическом секторе (*Netting, 1981, стр. 51*). Такую диверсификацию хозяйства Роберт Неттин считает необходимым условием его рентабельности (*Netting, 1981, стр. 56*). Отчасти диверсификация стала возможной за счет механизации труда, осуществляемой в рамках кооперации хозяйств коллективных собственников. Например, механизация доения коров на альпийских пастбищах и транспортировка молока по трубопроводу на коллективную сыроварню, расположенную в селе, позволяют нескольким пастухам, нанятым сообществом, доить все деревенское стадо в летнее время (*Netting, 1981, стр. 49*).

Распределение пастбищ в частную собственность привело бы к значительному увеличению затрат труда каждого домохозяйства и к снижению рентабельности этих хозяйств (*Netting, 1981, стр. 66*). Необходимость огораживания частных наделов для контроля несанкционированного выпаса и строительство пастбищной инфраструктуры также привели бы к повышению затрат на выпас скота на альпийских пастбищах. При этом важно учитывать, что климатические условия ограничивают возмож-

¹ Виноградники в описываемом сообществе находятся как в частной собственности отдельных домохозяйств, так и в коллективной собственности сообщества (*Netting, 1981, стр. 13*).

ность выпаса скота на этих пастбищах коротким летним сезоном, крутые горные склоны не позволяют осуществлять орошение, вследствие чего пастбища имеют низкую урожайность. Выпас большого количества скота в таких условиях обеспечивается за счет большой территории, занятой под пастбища. Коллективные альпийские пастбища Тёрбела включают более 1000 га земли. Как отмечалось выше, использование этих пастбищ для других целей также ограничивается описанными природно-климатическими условиями и особенностями ландшафта. Производство продукции растениеводства и сенокошение здесь невозможны в силу короткого летнего сезона и отсутствия условий для ирригации. Ввиду отсутствия ирригации урожайность трав на альпийских пастбищах также характеризуется значительно более высокой вариативностью по сравнению с расположенными ниже над уровнем моря сенюками, садами и огородами, находящимися в частной собственности¹.

На основе анализа взаимосвязей между землепользованием, земельными отношениями, ландшафтом и климатическими условиями Р. Неттин (*Netting, 1981*) предположил, что характеристики землепользования в Тёрбеле определяют формы собственности на земельные ресурсы. Такие характеристики, как стоимость произведенной продукции на гектар, частота использования ресурса, возможность интенсификации и улучшений, размер земельного участка, требуемого для эффективного производства, затраты труда и капитала на поддержание ресурса, по мнению автора, определяют наиболее оптимальный вид прав собственности на данный участок (см. *табл. 3*). Если ресурс используется сезонно, имеет низкий потенциал для повышения плодородия за счет ирригации и иных технологичных методов, занимает большую территорию при низкой стоимости произведенной продукции на гектар, совместное использование ресурса мелкими и средними производителями более экономически оправданно по сравнению с индивидуальным. Хотя Неттин акцентирует характеристики ресурса и землепользования как факторы, определяющие формы собственности, его аргументы вполне укладываются в упомянутый выше подход Иана Скунза, обращаясь к вопросу о соотношении выгоды и транзакционных издержек (*Scoones, 1995*). В рамках транзакционного подхода в качестве предпосылок коллективной формы собственности² рассматривается ситуация, когда «издержки по спецификации и защите

¹ Подробнее об институтах, регулирующих использование пастбищных ресурсов в Тёрбеле, см. (*Интигринова, 2011а*).

² В оригинале – «система общей собственности» (*Капелюшников, 1990, стр. 38*).

индивидуальных прав собственности запретительно высоки», а выгоды не превышают необходимые затраты (*Капелюшников, 1990, стр. 38*).

Таблица 3

Соотношение характеристик ресурса и форм собственности

Характеристики землепользования	Коллективная собственность	Частная собственность
Стоимость произведенной продукции на гектар	Низкая	Высокая
Частота использования ресурса	Низкая	Высокая
Возможность интенсификации и улучшений	Низкая	Высокая
Территория, требуемая для эффективного производства	Большая	Небольшая
Заграты труда и капитала, требуемые для поддержания ресурса	Высокие	Низкие

Источник: Netting R. 1981, *Balancing on an Alp: ecological change and continuity in a Swiss mountain*, Cambridge: Cambridge University Press, p. 69.

Взаимосвязь природных условий, особенностей производства и земельных отношений мы также можем продемонстрировать на примере Испании. Как упоминалось выше, схемы сезонных перекочевок в Испании существенно отличались от региона к региону. Иконой испанского отгонного животноводства второй половины прошлого тысячелетия была сезонная миграция овец из Кастилии. Овцы, в основном мериносы, принадлежавшие жителям горных сел, в летнее время выпасались на высокогорных пастбищах, после сбора урожая на осенний период перегонялись ближе к селам и выпасались в основном на жнивье. Эта часть года не требовала существенных затрат труда и капитала от владельцев овец. Как представители сообществ горных сел, они имели свободный доступ к пастбищам. В зимний период овцы перегонялись на равнину на расстоянии до 600 км, вплоть до границы с Португалией. В этот период времени владельцы овец должны были не только оплачивать аренду пастбищ по пути миграции и в местах зимнего выпаса, но и нанимать пастухов. Но эти расходы окупались после продажи шерсти на мануфактуры Нидерландов, Франции и Италии.

Возможности осуществления столь длительных перекочевок были обусловлены земельными отношениями, исторически сложившимися в результате длительного противостояния мусульман, контролировавших Иберийский полуостров в течение почти 800 лет (711–1492 гг.), и христиан (*Van Sertima, 2009*). Между территориями испанских и мусульманских государств простиралась зона, которая длительное время не имела устой-

чивой принадлежности. Земледельцы рассматривали эту территорию как слишком рискованную для расселения (*Behnke, 1983*). Только после присоединения территории Иберийского полуострова к Испании в период правления Изабеллы Кастильской и Фердинанда II Арагонского, т.е. в XV веке, эта территория постепенно начала заселяться земледельческим населением. В результате эти районы длительное время имели сравнительно низкую плотность населения, что позволяло выделять пути для прогона овец, пастбища для выпаса овец на пути их следования и пр.

Право сезонного прогона скота гарантировалось Местой – влиятельной организацией гильдии владельцев овец, созданной в XIII веке Кастильской короной. Места создавалась с целью совершенствования условий для развития сезонных миграций овец. Поскольку перекочевки животных облагались налогом, улучшение условий и, как результат, рост количества перегоняемых овец должны были привести к увеличению налоговой базы (*Collantes, 2009, сmp. 129*). Места выступала против освоения пастбищ и земель вдоль путей сезонных перекочевок земледельческим населением и гарантировала своим членам права пользования земельными ресурсами вне собственных сообществ. Например, у собственников овец было право бессрочного «владения» арендуемыми пастбищами вне собственных сообществ в зимние месяцы. Такое право запрещало сообществам – коллективным собственникам этого ресурса осваивать эти земли под иные формы землепользования (*Collantes, 2009, сmp. 129*). Но особенностью прав, гарантируемых Местой, являлось то, что они не были обязательными для исполнения, а, скорее, рассматривались как исходная позиция в переговорах позиции равнинных и горных жителей, обсуждавших условия использования пастбищ для выпаса овец в зимнее время (*Garcia Sanz, 1998*). Эта система земельных отношений имеет много общего с описываемой М. Ниамир-Фулле концепцией земельных прав животноводов в Африке, характеризующейся наличием первичных и вторичных прав.

Однако уже в первой половине XIX века из-за возросшей плотности населения на равнинах ежегодные перекочевки овец вызывают определенные неудобства у местного населения. Назрела необходимость земельных преобразований, в результате которых были упразднены остатки феодальной системы землевладения, в частности, отменены наслоения земельных прав, а также установлено индивидуальное частное землевладение. В этот период значительные территории коллективных земель на равнинах были приватизированы. Началось развитие свободного земельного рынка, которое способствовало упадку Месты, прекратившей свое существование в 1836 г. (*Collantes, 2009, сmp. 131*). Многие из при-

вилегий, дарованных ее членам королями Кастилии, начиная со Средних веков, были утрачены¹ (*Collantes, 2009*). С течением времени количество овец в стадах кастильцев и соответственно расстояния сезонных перекочевков существенно сократились. Кроме роста населения в равнинных регионах, повлекшего за собой изменения земельных отношений, стоимости земли и ставок аренды, этот процесс также стимулировался изменениями на европейском рынке шерсти. В этот период, с одной стороны, наблюдается спад спроса на шерсть, а с другой – на рынке появляется значимый конкурент, поставляющий высококачественную шерсть, – Саксония (*Collantes, 2009, сmp. 131*). В результате влияния совокупности этих факторов норма прибыли кастильских овцеводов существенно снизилась. Уже в XIX веке многие из них предпочли продать свои стада и инвестировать в более доходные сферы производства в равнинных районах (*Moreno, 2001*).

В отличие от равнинных мест страны, в горных регионах Кастилии земельные ресурсы почти не подверглись приватизации. Основной причиной такого отличия историк экономики сельского хозяйства Коллантес (*Collantes, 2009, сmp. 132*) называет непривлекательность местных земель для земледелия, обусловленную прежде всего природно-климатическими условиями, не подходящими для растениеводства. В регионе сложился консенсус мнений местного населения о большем соответствии коллективной собственности нуждам овцеводства, по-прежнему составляющего основу экономики этого горного региона (*Collantes, 2009, сmp. 132*). В целом государство не противостояло мнению населения, но в отдельных местностях, где внешнее давление имело место, сельские жители объединялись и выкупали пастбища в коллективную собственность (*Collantes, 2009, сmp. 132*). Отдельные жители горных сел участвовали и в земельных аукционах в ближайших равнинных районах, приобретая участки в частную собственность и, таким образом, обеспечивая себе возможность продолжить сезонные перекочевки между двумя экологическими нишами. Другая часть населения в основном перешла на стойловое содержание овец в зимний период, продолжив сезонный отгон овец на летние естественные пастбища и их выпас на жнивье на более низких высотах осенью.

¹ Тем не менее некоторые из них действуют до сих пор. Например, право пользования путями сезонной миграции овец юридически обеспечивалось еще в первой половине XX века. Такие пути запрещено заселять и загораживать. Право пути сезонной миграции овец, например, распространяется на некоторые улицы Мадрида (*Klein, 1920*), а также на перевозку железнодорожным и автомобильным транспортом (*Collantes, 2009*).

Но не во всех горных районах Испании идея приватизации была встречена протестными настроениями. Так, частные пастбища нашли широкое распространение в географическом районе Пас (Pas upland) на территории Кантабрии (*Collantes, 2009, стр. 132–133*). Животноводство Кантабрии исторически специализировалось на разведении крупного рогатого скота. Сезонные перекочевки характеризовались здесь значительно более короткими расстояниями по сравнению с миграциями овец из Кастилии. Выпас скота летом осуществлялся в высокогорье на естественных пастбищах, в другие сезоны – на более низких высотах. Годовой цикл содержания скота также включал непродолжительный стойловый период, в течение которого сено, а позже кукуруза составляли основной рацион животных. Население нагорья Пас примерно с XIX века начинает разводить особую породу крупного рогатого скота, выведенную на основе местного и голландского молочного скота, отличающегося высокой продуктивностью.

В период земельных преобразований в этом регионе преобладающие позиции заняла частная собственность на пастбища. Местные домохозяйства приватизировали сезонные пастбища, расположенные в каждой из экологических зон. Разведение высокопродуктивного скота позволило жителям Паса уже в XIX веке занять нишу поставки молока и молочных продуктов на рынки Мадрида. Приход в регион в XX веке крупных компаний, таких как Nestlé, явился дальнейшим стимулом для развития молочного направления животноводства в местных хозяйствах (*Collantes, 2009*).

Хотя Коллантес в своей статье не касается причин, способствовавших оппозиции частной собственности на пастбищные угодья в Кастилии и ее широкому распространению в Кантабрии, довольно подробное описание условий развития животноводства в том и другом регионах позволяет нам предположить, что основное отличие состоит в специализации производства в одном случае на производстве мяса и шерсти, в другом – молока. Эта специализация предопределяет количество животных, принадлежащих каждому домохозяйству. Молочное стадо, состоящее в основном из дойных коров высокой продуктивности, включает ограниченное количество животных. Основным ограничителем в этом случае является фактор труда, необходимого для дойки коров. Сравнительно небольшое количество скота, в свою очередь, предопределяет размеры частных земельных владений, достаточные для его содержания. Кроме того, высокий уровень осадков в Кантабрии обуславливает высокую продуктивность пастбищ, а значит, также позволяет содержать значительное количество скота на от-

носителем небольших участках. Мониторинг границ таких участков не требует существенных затрат.

Таким образом, условия нагорья Пас существенно отличаются от условий, в которых развивалась коллективная собственность в Кастилии. В Кастилии производство мяса и шерсти не предполагает существенных затрат труда, кроме стрижки овец, осуществляемой один раз в год. Соответственно каждое домохозяйство рассчитывает на значительное количество овец, требующих существенных пастбищных площадей. Приватизация угодий в этом случае приведет к повышению затрат на огораживание, мониторинг и сезонные перекочевки. Если сравнить хозяйства нагорья Пас и швейцарского сообщества Тёрбел, отличия, скорее, будут определяться продуктивностью пастбищ. Напомним: коллективные пастбища в Тёрбеле характеризуются низкой продуктивностью, а соответственно требуются существенные площади для выпаса скота. Вследствие этого дополнительные вложения, необходимые для индивидуализации пользования, представляются малоэффективными.

Итак, данные, изложенные в этой главе, позволяют однозначно говорить о влиянии природно-климатических условий на землепользование и земельные отношения. Пространственная и институциональная организация землепользования в каждом регионе складывается в процессе адаптации к конкретным природно-климатическим условиям. Подобная адаптация – неперенный элемент, лежащий в основе экономической эффективности и природосообразности использования ресурсов, в том числе земельных. Соответственно импорт институтов, сложившихся в иных климатических условиях, без тщательного исследования их адаптационного потенциала к конкретным условиям региона-«получателя» угрожает безопасности систем жизнеобеспечения населения, устойчивости местных институтов и экосистем. Механизм адаптации к природно-климатическим условиям, выработанный местными культурами, не всегда укладывается в системные параметры, разработанные в рамках европейской цивилизации. Тем не менее учет особенностей земельных отношений и поиск путей обеспечения их интеграции в современные системы обеспечения прав на землю – это, вероятно, наиболее приемлемый вариант институционального развития в регионах, где преобладает животноводческое производство.

У читателя может возникнуть вопрос о том, насколько теоретические разработки, изложенные в настоящей главе, актуальны для условий Российской Федерации. С одной стороны, нужно признать, что подходы использования теории неравновесной системы подробно разработаны для территорий с высоким коэффициентом колебаний среднегодовых осад-

ков, несвойственным большей части территории нашей страны. В то же время многие выводы теории неравновесных экосистем применимы и к условиям, в которых колебания определены влиянием других климатических факторов, например, снегопадами или образованием ледяной корки, препятствующих доступу животных к кормам, и т.д. Такие условия довольно распространены в регионах России. Особенности горного животноводства, требующие специального подхода к обеспечению прав на земельные ресурсы, в полной мере относятся к горным регионам нашей страны, в частности к Северному Кавказу, Алтаю, Саянам и пр.

Глава 4. Опыт и уроки фрагментации пастбищных угодий

Несмотря на отсутствие теоретических знаний, обосновывающих необходимость приватизации и иных форм индивидуализации пастбищных угодий, этот процесс продолжается во многих странах мира. В частности, многие постсоциалистические страны, например Россия, Казахстан, Таджикистан, осуществляют земельную политику, направленную на обеспечение частной собственности на пастбища. Китайская Народная Республика активно внедряет индивидуализацию пользования посредством долгосрочной аренды. Для того чтобы продемонстрировать возможные последствия фрагментации ландшафта в различных условиях, в этой главе мы рассмотрим примеры осуществления такой политики.

4.1. Индивидуализация земельных ресурсов в Тибете¹

В настоящем разделе мы представим анализ земельной политики, осуществляемой китайским правительством на территории Тибетского автономного района и прилегающих провинций в составе КНР. Тибетское нагорье является самой протяженной на нашей планете пастбищной экосистемой (*Miehe et al., 2009, сmp. 130*). Только на территории Китайской Народной Республики экосистема нагорья поддерживает 10 млн голов яков и 30 млн коз и овец (*Miller, 1998*).

Послереволюционный период истории Китая, начиная с 1949 г., отмечен коллективизацией сельскохозяйственных производителей, в том числе населения, занимающегося кочевым и отгонным животноводством.

¹ В данном тексте географическое название «Тибет» используется для обозначения части Тибетского нагорья, входящего в состав КНР.

После присоединения к КНР отдельных территорий Тибетского нагорья эта политика постепенно начала распространяться и на местное население. Первыми в состав КНР вошли в 1949 г. территории Амдо (*Amdo*) и восточная часть Хам (*Kham*). Эти регионы были включены в приграничные провинции Китая¹ сразу после оккупации (*Goldstein, 1994*), и, как следствие, политика правительства КНР, в том числе аграрные преобразования, начала реализовываться здесь незамедлительно. Контроль китайского правительства на территории современного Тибетского автономного района был установлен в 1951 г.² Но благодаря подписанию договора (состоящего из 17 пунктов) о мирной либерализации Тибета на этой территории еще в течение 8 лет, т.е. до 1959 г. включительно, сохранялись исторически сложившиеся земельные отношения и землепользование.

В этот период, как и ранее, пастбища формально принадлежали Панчен-ламе, население владело правом коллективно использовать пастбища для выпаса скота, находившегося в их частной собственности, и выплачивало землевладельцу налог (*Goldstein, 1994, сmp. 92*). Границы коллективно используемой территории кровнородственных объединений проходили по значимым объектам ландшафта – таким как горные перевалы, реки и пр. (*Bauer, 2006, сmp. 34*). Такой способ определения границ позволял снизить затраты на мониторинг территории. Тем не менее на государственном уровне границы фиксировались документально, были четко определены арбитражные функции государственных институтов, в том числе разрешение территориальных споров между коллективными пользователями (*Bauer, 2006, сmp. 41*). Юридическое фиксирование границ, однако, сочеталось с их относительной фактической прозрачностью, способствовавшей снижению экологических рисков. При необходимости, в том числе обусловленной природно-климатическими катаклизмами, использование территорий вне определенных государством границ предполагало применение механизма взаимобмена между социальными группами (*Bauer, 2006, сmp. 42*).

История Тибетского автономного района в период между 1959 и 1980-ми годами изучена слабо. Однако американскому исследователю Тибета Мелвину Голстейну (*Golstein, 1994*), интервьюируя местное население, удалось восстановить историю коллективизации небольшой территории Пала. События в Пале, безусловно, имеют свои особенности, но можно предположить, что в целом они отражают процесс, охвативший автоном-

¹ Эти территории вошли в состав нескольких провинций Китая, в частности Ганьсу, Цинхай, Сычуань, Юньнань.

² Подробнее историю оккупированных территорий см. в (*Barnett, 1994*).

ный район. Для Палы период с 1959 по 1969 г. характеризовался сравнительно мягким внедрением политики китайского правительства. Для бедняков и середняков организовывались так называемые «бригады взаимопомощи», осуществлявшие совместный выпас скота, но не объединявшие имущества скотоводов. Имущество богатых владельцев скота также пока не подвергалось конфискации, но была введена дифференцированная система налогообложения (*Golstein, 1994, сmp. 92–96*).

Период поголовной коллективизации начался в 1969 г., когда имущество скотоводов было объединено. Скот, принадлежавший коммунам, выпасался пастухами, работавшими за трудодни под руководством партийных кадров. Работа была организована на основе бригад. Однако в целом сохранялись исторически сложившиеся технологии землепользования, включающие сезонную вертикальную миграцию. В Пале было реализовано несколько программ по внедрению ирригации и огораживания¹, но ни одна из них не имела успеха, поскольку животноводы саботировали эти нововведения (*Golstein, 1994, сmp. 95*).

В 1980-х годах программа, именуемая в Китае «Гайгэ кайфан», т.е. политика реформ и открытости, принесла с собой деколлективизацию и внедрение «системы ответственности домохозяйств» в животноводческие регионы². Основными сельскими производителями вновь стали отдельные домохозяйства. Реформы предусматривали процесс приватизации скота, принадлежавшего коммунам (*Gruschke, 2008; Banks, 2001; Zhaoli et al., 2005; Bauer, 2005*). Официально скот должен был распределяться в соответствии с количеством членов каждого домохозяйства и с учетом наличия рабочей силы (*Banks, 2001*). Но, например, в Пале коллективное стадо было разделено на равные доли, приватизированные каждым жителем, включая младенцев и пожилых людей. В среднем в этой местности каждое домохозяйство получило около 200 голов, 20 из которых – яки; основу стада составили овцы и козы (*Goldstein, 1994, сmp. 100*). Каждое домохозяйство, содержащее этот скот, должно было выполнять определенные квоты по поставке продукции государству. Поставка продукции предусматривала денежные компенсации, но по ценам ниже рыночных (*Goldstein, 1994*).

По сравнению с периодом коммун квоты на государственные поставки были значительно снижены, также были либерализованы каналы поставки продукции на рынок. Домохозяйства получили право исполь-

¹ Под огораживанием в данном случае подразумевается возведение изгородей, отделяющих пастбища разных сезонов.

² Система ответственности домохозяйств в сельскохозяйственных регионах начала действовать еще в конце 1970-х годов (*Banks, 2001, сmp. 717*).

зовать доходы, полученные от производства продукции и оставшиеся после уплаты налогов и сборов (*Banks, 2001, стр. 717*). В регионах, где животноводство претерпело изменения в коммунистическую эпоху, приватизация скота привела к возрождению кочевого скотоводства по традиционному типу (*Manderscheid, 2000*). В этот период отмечается рост доходов домохозяйств животноводов (*Banks, 2001, стр. 717; Banks et al., 2003, стр. 133*). Например, в Пале восстановилась существовавшая до коллективизации сезонная миграция населения из сельскохозяйственных районов, нанимаемого животноводами для обработки шкур, обработки камня для строительства религиозных объектов и пр. Голстейн отмечает, что наемный труд щедро оплачивался домохозяйствами Пала (*Goldstein, 1994, стр. 102*).

Однако к концу прошлого столетия вмешательство китайского правительства в процесс организации животноводства вновь возросло. Среди государственных управленцев и китайских исследователей было широко распространено мнение о том, что отсутствие регулирования землепользования ведет к усилению деградации пастбищ. При этом отсутствие официального законодательства трактовалось как полное отсутствие институтов регулирования в целом; роль механизмов, выработанных местными сообществами, во внимание не принималась. В 1994 г. 1/3 используемых пастбищ была признана в той или иной степени подверженной деградации (*Ho, 2000, стр. 241*). Предполагалось, что основной причиной деградации является превышение пастбищной нагрузки. Ситуация объяснялась моделью трагедии общественной собственности, предложенной Гарреттом Хардином (*Banks, 2001, стр. 718; Bauer, 2005, стр. 60*). Правительство рассматривало индивидуализацию пользования с помощью долгосрочной аренды как приемлемый выход, способный снять неопределенность земельных отношений¹.

В 1985 г. был принят пастбищный закон Китайской Народной Республики, который предусматривал собственность государства или коммун² в отношении пастбищ и разрешал их долгосрочную аренду индивиду-

¹ Приватизация земельных ресурсов в КНР едва ли укладывается в рамки современной государственной риторики о существенных отличиях «социалистической рыночной экономики» от капиталистической системы.

² Собственность пастбищ четко не определена в законодательстве, но обычно трактуется как государственная/общественная (например, (*Banks et al., 2003*)).

альными домохозяйствами или коллективами (Ho, 2000, *стр.* 241)¹. Несмотря на то что законодательством предусматривалась ежегодная арендная плата, во многих провинциях она никогда не собиралась (Banks et al., 2003, *стр.* 132–133). Приватизация скота и аренда земельных ресурсов также дополнялись определением приемлемой пастбищной нагрузки государством, внедрением системы стимулов и санкций за нарушения предписанных норм выпаса (Ho, 2000, *стр.* 242).

Индивидуализация пастбищ первоначально затронула регион Внутренней Монголии. Несмотря на то что индивидуализация пастбищных ресурсов в этом регионе привела к усилению деградации почв и растительного покрова (Williams, 1996; Sneath, 1998; Xie, Li, 2008; Hanstad, Duncan, 2001), в 1996 г. была принята стратегия, определяющая основы развития животноводства на естественных пастбищах запада страны (т.е. территорий, включающих Тибетское нагорье), тоже предусматривающая индивидуальную аренду выпасов. Четыре основных пункта должны были заложить основу устойчивого животноводства в этом регионе:

- пастбища передавались в долгосрочную аренду отдельным домохозяйствам или группам домохозяйств;
- предусматривалось, что на индивидуальных зимних пастбищах животноводческие домохозяйства должны будут построить дома и помещения для животных;
- кроме того, планировалось огораживание индивидуальных угодий;
- в созданных таким образом населенных пунктах предусматривалось открытие школ и медицинских пунктов (Gruschke, 2008; Zhaoli et al., 2005, *стр.* 41).

Согласно официальной статистике, в большинстве животноводческих провинций Китая индивидуализация пастбищ практически завершена (Ho, 2000; Banks, 2001). К 2003 г. 68% пастбищных угодий официально признавалось индивидуально арендованными, остальные – предоставленными в аренду группам или селам (Yao, 2003). В последнем случае, т.е. при выделении пастбищ селам, сельские администрации, в свою очередь, должны были распределять пастбища в индивидуальное пользование.

Тем не менее полевые исследования в различных регионах Китая наглядно демонстрируют, что заключение договоров аренды с государством

¹ Закон не оговаривает возможный срок аренды (Ho, 2000, *стр.* 241). По утверждению Питера Хо, на практике в 2000 г. максимальный срок ограничивался 30 годами (Ho, 2001, *стр.* 241). Некоторые исследователи отмечают 50-летний срок аренды (Pirie, 2006, *стр.* 86; Banks et al., 2003, *стр.* 132; Yeh, 2003, *стр.* 500). Жан Ой (Oi, 1999) указывает 30-летний срок как минимальный, а 50-летний как относящийся к землям с низкой продуктивностью, таким как горные склоны (Oi, 1999, *стр.* 619).

не является аналогом фактической индивидуализации пользования пастбищами. Примерно половина официально арендуемых угодий в провинции Сычуань, по оценкам Я. Жаоли и ее соавторов, используются коллективно (*Zhaoli et al., 2005, стр. 45*). По свидетельству другой группы исследователей (*Banks et al., 2003*), в некоторых других провинциях Китая, например, в Синцзян-Уйгурском автономном районе, индивидуальное использование пастбищ является исключением. Коллективное пользование позволяет снизить издержки на содержание скота, мониторинг и лучше приспособиться к условиям, определяемым местным ландшафтом. Несмотря на индивидуальную аренду *де-юре*, многие сообщества *де-факто* совместно используют угодья, поддерживают или вырабатывают правила коллективного пользования и неофициальные институты решения споров местного уровня.

Многие исследователи сходятся во мнении, что причиной затянувшейся фактической индивидуализации пользования земельными ресурсами в животноводческих регионах Китая, в том числе в Тибете, является несоответствие требований к землепользованию, диктуемых природно-климатическими условиями, требованиям, диктуемым индивидуальным использованием отдельными участками пастбищ (*Banks, 2001; Zhaoli et al., 2005; Banks et al., 2003*). Для сравнения заметим, что фактическая индивидуализация пользования земельными участками была осуществлена, как часто выражаются исследователи, «на следующий день» после принятия соответствующих решений правительства (*Banks, 2001, стр. 718*).

Процедура выделения пастбищ индивидуальным хозяйствам отличалась от провинции к провинции и от сообщества к сообществу. На одних территориях распределение проводилось местными администрациями, на других в процессе принимали участие представители районных офисов национального бюро по вопросам животноводства. Схема определения размеров выделяемых пастбищных угодий также разнится не только в различных провинциях, но и в зависимости от районов и местных администраций. В префектуре Аба провинции Сычуань, исследованной Я. Жаоли и ее соавторами (*Zhaoli et al., 2005*), за основу вычислений площади, выделяемой каждому домохозяйству, принималось количество членов домохозяйства в год подписания контракта и/или количество скота в 1982 г., т.е. на момент, когда осуществлялась приватизация скота. В соседней провинции Ганьсу в отдельных районах действовала уравнивательная система, предусматривавшая передачу равных наделов всем домохозяйствам (*Zhaoli et al., 2005*).

Во многих исследованных сообществах зафиксированы свидетельства манипуляций ресурсами в пользу управленцев (*Zhaoli et al., 2005*). В некоторых из них представители местных администраций первым делом выбирали наделы для собственных хозяйств, а затем распределяли оставшиеся земли. Даже там, где земли распределялись методом жеребьевки, нередки случаи получения больших участков домохозяйствами, имеющими связи с представителями администраций (*Zhaoli et al., 2005, стр. 37*).

Несмотря на то что фактическая индивидуализация пастбищ имеет довольно ограниченные масштабы, она уже оказала существенное влияние на землепользование, социально-экономическое положение домохозяйств и состояние используемых экосистем (*Zhaoli et al., 2005, стр. 31*). В границах Тибетского автономного района оценка угодий перед началом индивидуализации не проводилась, и все угодья были признаны как имеющие равную продуктивность, что в принципе невозможно в горной экосистеме, характеризующейся мозаичностью ресурсов. Оценка угодий, проведенная в провинциях, не входящих в состав автономного района, хотя и послужила основанием для градации угодий на основе продуктивности, проводилась в последний раз в начале 80-х годов прошлого века. Ее задачей было определение приемлемой пастбищной нагрузки (*Zhaoli et al., 2005*). Такой задачи, как равномерное распределение угодий среди населения в зависимости от их продуктивности, не стояло. Чрезвычайное разнообразие топографии, продуктивность пастбищ, наличие водных источников на тех или иных участках привели к тому, что пастбищные ресурсы были крайне неравномерно распределены между домохозяйствами (*Yeh, 2003; Zhaoli et al., 2005*). Для того чтобы расширить территории зимних пастбищ, когда скот наиболее уязвим к погодным условиям, под зимний выпас выделялись в том числе угодья, исторически используемые в другие сезоны. Отдельные домохозяйства получали один участок для круглогодичного содержания. Все эти факторы усугубляли негативный эффект реформы на положение местных домохозяйств и экосистемы.

Кроме того, исследователи отмечают ухудшение доступности социальных услуг, рост конфликтности (*Yeh, 2003; Zhaoli et al., 2005; Bauer, 2005*). На отдельных территориях увеличились затраты труда, необходимые для ухода за скотом, в основном за счет видов деятельности, приходящихся на женщин и детей (*Zhaoli et al., 2005*).

В префектуре Аба (*Aba*) провинции Сычуань к 2000 г. было передано в аренду 94% пригодных для пользования пастбищных угодий (*Zhaoli et*

al., 2005, *стр.* 38). Из 31 млн му¹, выделенных индивидуальным домохозяйствам, 29,9 млн приходилось на зимние и весенние пастбища. Летние пастбища в основном были распределены по групповым контрактам – селам или объединениям домохозяйств. Около 390 домохозяйств, составивших 1/20 их общего количества, получили 1 пастбищный участок для круглогодичного выпаса скота. До начала процесса индивидуализации угодий в восточных провинциях Тибетского нагорья зимние и весенние пастбища составляли не более 30% используемых угодий. При распределении земель в отдельных администрациях под зимние пастбища было выделено до 70% угодий. При этом в расчет не были приняты особенности ландшафта. Например, экосистема уезда Дзёге (*Zoige*) в основном представлена болотами. В зависимости от степени заболоченности различные участки могут быть использованы только для летнего или только для зимнего выпаса скота. Так, наиболее увлажненные участки могут быть использованы только в зимнее время, когда вода замерзает (*Zhaoli et al.*, 2005, *стр.* 39–40). Несоответствие условий экосистемы выделенных пастбищ и сезонности выпаса скота поставило домохозяйства в условия, когда они вынуждены дополнительно арендовать угодья у других хозяйств.

Некоторым домохозяйствам были выделены в качестве зимних или постоянных пастбищ высокогорные участки, условия которых в зимнее время настолько суровы, что выпас скота оказался невозможен (*Zhaoli et al.*, 2005, *стр.* 39–40). Отдельные участки, выделенные под зимние пастбища, расположены на высоте около 4000 м. Домохозяйства, подписавшие контракты на использование этих земель, также вынуждены ежегодно дополнительно арендовать зимние пастбища у индивидуальных пользователей, получивших угодья на более низких высотах. Как правило, субарендаторы – это беднейшие домохозяйства в сообществах, которые не имели возможности оказать влияние на процесс распределения земель. Индивидуализация пастбищных угодий привела к дальнейшему ухудшению состояния таких хозяйств. Я. Жаоли и ее соавторы отмечают, что в соседней с Сычуанем провинции Ганьсу земли, расположенные выше 3800 м над уровнем моря, были признаны неподходящими для ведения хозяйства и не были включены в список участков, подлежащих индивидуализации (*Zhaoli et al.*, 2005, *стр.* 40). Увеличение зимних пастбищ также оказывает негативный эффект на поголовье диких животных, ранее зависящих в наиболее неблагоприятные климатические сезоны от занятых сегодня под пастбища территорий (*Zhaoli*, 2005, *стр.* 113).

¹ 1 му составляет примерно 1/15 га.

Поскольку источники воды, пригодной для водопоя скота и потребления населения, распределены неравномерно в рамках горного ландшафта, в результате индивидуализации далеко не каждый выделенный участок имеет собственные водные источники. По некоторым оценкам, от 60 до 70% домохозяйств в уезде Дзёге сталкиваются с проблемой недостатка питьевой воды. Количество таких домохозяйств утроилось по сравнению с периодом до начала процесса индивидуализации пастбищ (*Zhaoli et al., 2005, стр. 40*).

Индивидуализация и огораживание также ограничили доступ животных к водным источникам. Доступ стада к воде ограничивается не только правами домохозяйств, арендовавших участки, на которых эти источники расположены, но и правами каждого домохозяйства, расположенного между участком владельца скота и участком с источником воды. В такой ситуации многие животноводы предпочитают копать колодцы на выделенных им территориях. Однако ввиду особенностей геологического строения этот процесс чрезвычайно трудоемкий и требует существенных вложений. Если колодец удастся выкопать, в среднем домохозяйства затрачивают 2 часа в день для того, чтобы обеспечить себя и свое стадо необходимым минимумом воды. В отдельных хозяйствах животные получают достаточное количество воды только в период обильных дождей, когда дождевая вода собирается на поверхности почвы (*Zhaoli et al., 2005, стр. 40–41*). В то же время активное использование грунтовых вод привело к снижению их уровня, за которым последовали высыхание болот или изменение процессов, происходящих в их экосистемах, изменение состава флоры и фауны (*Zhaoli et al., 2005, стр. 105*).

Несоблюдение исторически сложившейся сезонности пастбищ в процессе индивидуализации также сказалось на доступности водных источников и, как результат, на социально-экономическом положении домохозяйств. Авторы цитируемой статьи приводят пример небольшой долины, ранее используемой для летнего выпаса, но определенной в качестве зимнего пастбища в процессе индивидуализации. Единственным источником воды в зимнее время года здесь является ручей, протекающий на наименьшей высоте. В зимнее время, когда животные ослаблены суровыми условиями и теряют до 40% веса, ежедневный прогон стада на значительные расстояния для водопоя с большой вероятностью привел бы к падежу. Поэтому владельцы скота, использующие эти пастбища, вынуждены ежедневно затрачивать 3–4 часа для того, чтобы принести воду из источника для водопоя животных. Остро ощущающийся недостаток воды в этом случае, как и во многих других, негативно сказывается на сохранности стада (*Zhaoli et al., 2005, стр. 41*). Негативное влияние на

сохранность стада также оказывает снижение возможностей адекватно реагировать на непредсказуемые изменения погодных условий. Традиционный механизм снижения таких рисков, принятый в Тибете, – отгон скота во время шторма на наименее подверженные погодным условиям склоны – после индивидуализации угодий становится недоступен большинству населения (*Yeh, 2003, сmp. 507*).

При планировании стратегии развития животноводства на Тибетском нагорье предполагалось, что внедрение оседлого образа жизни позволит улучшить доступ к социальным услугам и усовершенствовать таким образом условия жизни животноводов (*Richard, 2000*). Но, так как площадь зимних пастбищ была существенно увеличена, домовладения рассредоточились на значительные расстояния. Соответственно снизилась доступность социальных услуг, поскольку службы, предоставляющие такие услуги, сконцентрированы в селах¹. Также рассредоточение хозяйств привело к повышению криминальной активности, в частности воровства скота. Совместный выпас скота группами домохозяйств в период до раздела пастбищ обеспечивал более высокий уровень безопасности за счет совместного мониторинга стада. Коллективное проживание на сезонных пастбищах гарантировало защиту для наиболее уязвимых хозяйств, таких, как семьи матерей-одиночек и пожилых людей. При индивидуализации выпаса затраты каждого домохозяйства на мониторинг скота существенно увеличились, тем не менее кражи животных являются теперь обычным явлением. Небольшие семьи, особенно не включающие взрослых мужчин, стали наиболее частыми объектами внимания криминальных элементов (*Zhaoli et al., 2005, сmp. 43*).

Сезонные перекочевки в условиях индивидуализации угодий часто сопряжены с конфликтами между владельцами перегоняемого скота и арендаторами земель. В отдельных местностях пути миграции были перегорожены. Где-то ширина коридоров для прогона скота составляет не более 5–6 метров, что ограничивает возможности для выпаса скота вдоль путей миграции и доступ к воде (*Zhaoli et al., 2005, сmp. 42–43*). В регионах наиболее активного внедрения индивидуального пользования пастбищами провинций Сычуань и Ганьсу происходит не только интенсификация конфликтов, но и их распространение на новый, несвойственный этим территориям уровень. После индивидуализации пользования конфликты в отношении пастбищных границ распространились на уровень

¹ Сложность логистики и высокую затратность предоставления социальных услуг населению, рассредоточенному на индивидуальных пастбищах, также отмечались в США (*Lockett и др., 2008, сmp. 119*).

между домохозяйствами и отдельными членами домохозяйств (Yeh, 2003, стр. 502). В регионах, где, несмотря на политику государства, фактически земельные ресурсы используются коллективно, напротив, отмечается отсутствие серьезных конфликтов. Такая ситуация, например, характерна для казахских сообществ Синьцзян-Уйгурского автономного района, исследованных Тони Бэнкс и его соавторами (Banks et al., 2003). Таким образом, часто ожидаемый результат индивидуализации и юридического закрепления прав на земельные ресурсы в виде снижения уровня конфликтов в данном случае не был реализован¹.

В качестве позитивного результата индивидуализации пастбищ Я. Жаоли и ее соавторы называют тот факт, что новым пользователям удалось положить конец бесконтрольному сбору растений для медицинских целей, часто предполагающих использование корней растений. Например, в административном районе Хонгюань с населением 37 тыс. человек в 1998 г. (до проведенного здесь раздела угодий) было зарегистрировано 60 тыс. человек, прибывших в район с целью добычи луковиц фритиллярии – растения семейства лилейных. После раздела земель практика сбора растений посторонними на индивидуальных наделах прекратилась (Zhaoli et al., 2005, стр. 47).

В целом же деградацию пастбищных экосистем остановить не удалось. Сегодня нет единого мнения ни о причинах развития этого процесса, ни о его масштабах. Официальные данные, публикуемые правительством КНР, варьируются – деградированными называются от 1/3 (SEPA, 1999) до 90% (State Council, 2002) естественных пастбищ в стране. Но многие исследователи, как западные, так и китайские, опровергают эти данные, подтверждая деградацию лишь на отдельных территориях (Williams, 1996; Miller, 2002, 1999, 2005; Ho, 2000 и др.). Национальная статистика о деградации пастбищ основана на обследованиях, проводимых сотрудниками районных офисов бюро по животноводству. Единственным критерием этого обследования является снижение продуктивности растений. Пастбище, на котором продуктивность снижена только на 20%, рассматривается как подверженное легкой степени деградации. При этом не только не устанавливалось исходное состояние, но и не была разработана методика для его определения. Таким образом, если количество зеленой массы сравнивается с состоянием до выпаса скота, то каждое пастбище, обследуемое в период пастбы или сразу после нее, должно

¹ Несмотря на то что более высокий уровень конфликтности в провинциях Сычуань и Ганьсу, где проживает значительное число этнических тибетцев, частично может объясняться обычаями кровной мести, а также разнообразием этнической идентичности населения (Yeh, 2003), споры по поводу границ земельных угодий являются основой конфликтов.

рассматриваться как деградированное (*Harris, 2010, сmp. 3*). Кроме того, оценка фактического состояния пастбищ – едва ли реализуемая задача в условиях, когда малочисленные сотрудники районных офисов бюро по животноводству должны обследовать огромные территории. Все это позволяет утверждать, что официальная статистика основана на субъективной оценке ситуации (*Harris, 2010, сmp. 3*).

Ричард Харрис (*Harris, 2010*), эколог с 20-летним стажем исследования пастбищных экосистем севера Тибетского нагорья, на основе исчерпывающего анализа 164 публикаций на английском и китайском языках о деградации пастбищных угодий Тибетского нагорья пришел к выводу, что ее степень, протяженность и причины не установлены. Как упоминалось выше, по мнению китайского правительства, деградация развивается под воздействием превышения пастбищных нагрузок местными животноводами. В то же время многие исследователи считают, что на тех территориях, где процессы деградации выражены наиболее отчетливо, они были спровоцированы попытками коммунистического правительства Китая освоить отдельные пастбища под пашенное земледелие (*Yeh, 2003, 504–507; Deng, 2005; Zeng et al., 2003; Wang et al., 2008, 2008a*)¹. Кроме того, среди возможных причин называются глобальные изменения климата (*Miehe, 1988*); увеличение населения, в частности, за счет миграционных процессов (*Miller, 2005*); увеличение популяции хищников² в результате массового уничтожения хищников (*Smith, Foggin, 2000; Zhang et al., 2003*).

Но не все из указанных факторов научно обоснованы. Например, среди климатических факторов часто называются снижение уровня осадков, потепление климата, процесс таяния вечной мерзлоты. Подробный анализ наблюдений метеостанций и исследования стволов деревьев по годовым кольцам не подтверждают гипотезы о снижении среднегодового уровня осадков за последние 400–600 лет (*Domrös, Schäfer, 2003; Gemmer et al., 2003; Chen et al., 2006; Hulme et al., 1994 u др.*). Несмотря на то что исследования подтверждают небольшое повышение среднегодовых температур, очевидно, что до настоящего времени это происходило за счет повышения зимних показателей (*Domrös, Schäfer, 2003; Liu, Chen, 2000; Du et al., 2004; Shen, Varis, 2001; Frauenfeld et al., 2005*). Поскольку веге-

¹ Освоение земель под производство зерновых привело и к эрозии почв на непосредственно освоенных участках, и к увеличению пастбищной нагрузки и последующей деградации на расположенных по соседству пастбищах. К увеличению нагрузки на пастбища также вела территориально-административная политика правительства, перекраивавшего границы провинций, префектур и административных районов (*Yeh, 2003*).

² Здесь – млекопитающие отряда зайцеобразных.

тативный период в рассматриваемом регионе не включает зимний сезон, прямая связь между повышением температур и деградацией пастбищ маловероятна (Harris, 2010).

Один из более вероятных факторов, влияющих на состояние пастбищ, в частности, провоцирующий высыхание болот и изменение состава растительного покрова, – снижение глубины залегания и распространения вечной мерзлоты. Но прямая корреляция между этими факторами подтверждается только на локальном уровне (Li et al., 2005). Кроме того, пока не удалось установить причинно-следственную связь между таянием вечной мерзлоты и деградацией пастбищных экосистем. Остается неясным, какой из факторов является причиной, а какой следствием. Влияние зайцеобразных и грызунов также плохо изучено. Вполне вероятно, что увеличение их популяции может оказаться следствием, а не причиной деградации (Harris, 2010, *сmp. 6*).

Увеличение численности населения, которое представляется в целом логичной причиной увеличения нагрузки на пастбища и последующей деградации, также не всегда подтверждается. Так, Жан и соавторы (Zhang et al., 2007), используя для исследований в северной части Тибетского автономного района дистанционное зондирование, не нашли прямой корреляции между двумя переменными. Они выяснили, что только в 2 из 6 исследованных административных районов зеленая биомасса растений негативно коррелировала с количеством населения, в 2 других статистической зависимости выявлено не было, еще в 2 районах корреляция была положительной. Таким образом, зависимость, по меньшей мере, не очевидна.

Однако однозначно одно – проблема деградации пастбищных угодий за период индивидуализации пользования не только не была решена, но и стала более актуальной (Wu, Richard, 1999; Ho, 2000). Например, через 2 года после огораживания индивидуальных участков в административном районе Хоньюань провинции Сычуань экологи отмечали снижение продуктивности трав и видового разнообразия на территориях, окружающих индивидуальные наделы (Wu, Richard, 1999, *сmp. 7*). Снижение мобильности скота в результате индивидуализации также оказало негативное влияние на состояние пастбищ и привело к деградации традиционных механизмов, регулирующих использование пастбищ (Richard, 2002). Вложений со стороны индивидуальных пользователей в повышение плодородия земель или других улучшений угодий отмечено не было (Zhaoli et al., 2005, *сmp. 47*).

Провал попытки решить проблему деградации пастбищ посредством индивидуализации пользования заставляет китайское правительство ис-

кать новые подходы. Так, в 2002 г. были внесены изменения в Закон о контрактах на сельскохозяйственные земли. Несмотря на то что направление на индивидуализацию землепользования сохраняется, в закон включены пункты, позволяющие домохозяйствам объединять свои земельные доли (Richard et al., 2006, *сmp.* 89–90). Кроме того, в том же 2002 г. была принята программа восстановления пастбищных угодий, которая, в частности, предполагает их зонирование по степени деградации и закрытие отдельных зон для выпаса скота на несколько (5, 10 или более) лет или в определенные сезоны. Эта мера вызывает дискуссии среди экологов. Например, данные исследований почв Тибетского нагорья говорят о том, что выпас яков способствует повышению содержания гумуса в почвах (Gao et al., 2007), т.е. улучшению плодородия почв. Кроме того, поскольку экосистема используется для выпаса скота в течение длительного исторического периода, преобладающие в ней виды растений адаптированы к подобным условиям. Изменение режима использования может привести к засорению пастбищ другими видами.

В рамках программы предусматривается переселение животноводов из районов, рассматриваемых как подверженные высокой пастбищной нагрузке, в поселки (Gruschke, 2008, *сmp.* 6; Harris, 2010, *сmp.* 2). В обмен на выход из животноводческого сектора правительство предоставляет домохозяйствам пособие сроком на 10 лет и бесплатное жилье на новом месте жительства (Li, 2004; Yeh, 2005). Государственные вложения в эту программу в 2005 г. составили 226 млрд долл. США (SEPA, 2006 цитируется по (Harris, 2010, *сmp.* 2)). Однако никаких данных о предоставлении возможностей обучения, получения технической или финансовой помощи по организации альтернативных животноводству методов хозяйствования нет (Harris, 2010, *сmp.* 2). Вероятность обеспечения устойчивости жизнедеятельности переселяемых домохозяйств в таких условиях представляется крайне низкой.

Более успешный опыт внедрения системы индивидуальных контрактов был отмечен на отдельных территориях уезда Мачу (Maqu) провинции Ганьсу, природные условия которого отличаются более влажным климатом и высоким травостоем (Richard et al., 2006, *сmp.* 87). Местные домохозяйства в определенной степени интенсифицировали традиционные методы животноводства. Они содержат небольшие стада, подкармливаемые в зимнее время сеном. Но процесс индивидуализации на площадках, где не было отмечено серьезных негативных последствий, отличается масштабными государственными субсидиями на огораживание индивидуальных участков, что объясняется непосредственной близостью

к административным центрам. Можно предположить, что без таких субсидий результаты приватизации были бы близки тем, что описаны выше.

Как правило, там, где изгороди устанавливаются на собственные средства домохозяйств, инвестиции в огораживание может себе позволить только небольшая часть наиболее зажиточного населения, которая впоследствии продолжает использовать общие пастбища, а также не огороженные пастбища более бедных соседей, сохраняя собственные индивидуальные наделы для наиболее неблагоприятных сезонов (например, см. (*Williams, 1996; Intigrinova, 2010*)). В результате такой схемы выпаса скота увеличивается нагрузка на пастбища вне огороженных участков, и, как следствие, возможна их деградация. Кроме того, снижаются возможности хозяйств менее зажиточной части населения противостоять экологическим рискам.

Для того чтобы продемонстрировать масштаб затрат, требующихся на огораживание индивидуальных пастбищ в Тибете, приведем пример демонстрационного участка в провинции Сычуань, где каждому домохозяйству было выделено по 160 га земли для круглогодичного выпаса скота. Для индивидуального огораживания каждого участка было потрачено 3155 долл. США (*Richard et al., 2006, стр. 86*). Если принять во внимание доходы животноводческого населения Тибета, становится очевидным, что инвестиции подобной суммы в огораживание не может себе позволить большинство населения. Например, средний годовой доход на душу населения на административной территории Поронг уезда Ньялам (Nyelam) в Тибетском автономном районе в 2003 г. составлял 228 долл. США (*Bauer, 2005, стр. 54*). В тех регионах, где огораживание имеет место, оно осуществляется в основном на средства государственного бюджета. За период с 2003 по 2006 г. правительство КНР потратило 1 млрд долл. США на субсидирование огораживания пастбищных угодий (*SEPA, 2007*). Средства также выделяются на строительство домов на зимних пастбищах и загонов для скота.

Традиционные методы выпаса скота не предусматривают огораживания, а соответственно и подобных вложений. Даже объединение индивидуальных наделов нескольких соседних хозяйств позволяет существенно снизить затраты. В отдельных сообществах того же уезда Мачу провинции Ганьсу домохозяйствам было разрешено де-факто объединить свои пастбища при де-юре индивидуальной аренде. В этом случае затраты на огораживание сократились до 1220 долл. США на одно домохозяйство (*Richard et al., 2006, стр. 88*). Несмотря на то что администрация района отказалась выделять какие-либо государственные субсидии тем домовладениям, которые не перешли на один из двух рассмотренных методов

использования земель (индивидуальный или в группе по 10 хозяйств), и в этом административном районе многие сообщества предпочли традиционный способ отгонного животноводства (*Richard, Tan, 2004*).

* * *

Реорганизацию сельского хозяйства китайских провинций, специализирующихся в основном на производстве сельскохозяйственной продукции, принято в целом считать успешным опытом. Долгосрочная аренда сельскохозяйственных наделов позволила повысить индивидуальную ответственность и заинтересованность каждого домохозяйства в повышении урожайности земельных наделов. Расширение схемы индивидуализации хозяйствования на животноводческие сообщества посредством приватизации скота также дало определенные положительные результаты. Однако, исходя из вышеизложенных данных, результаты индивидуализации пастбищ, скорее, можно оценить как неудовлетворительные. Столь серьезные отличия результатов реорганизации двух секторов сельского хозяйства в рамках внедрения единой системы индивидуальных контрактов дают повод усомниться в эффективности импортирования успешной земельной политики из аграрных регионов и стран в преимущественно животноводческие регионы. Конечно, необходимо признать, что долгосрочная аренда, в отличие от собственности, не предполагает развития земельного рынка, который, возможно, позволил бы скорректировать отдельные несоответствия распределения ресурсов. Но, с учетом того что асимметрия распределения привела к снижению возможностей беднейшего населения, имеющего чрезвычайно низкий уровень платежеспособности, такое влияние рынка маловероятно.

4.2. Приватизация земель и управление экологическими рисками в регионе Восточного Саяна

В этом разделе мы рассмотрим пример двух преимущественно скотоводческих сообществ Восточного Саяна, в которых в течение последних почти 10 лет сосуществуют частная собственность на землю и отгонное животноводство¹. Результаты приватизации земельных ресурсов в каждом из описываемых сообществ существенно отличаются друг от друга. Влияние распределения ресурсов индивидуальным домохозяйствам в одном

¹ Данные, использованные для написания этого раздела, являются результатом полевого исследования, проведенного при финансовой поддержке Фонда семьи Паркеров и программы Дорофи Ходчкин, Великобритания, в период с 2005 по 2007 г. автором настоящей работы. На русском языке материалы, вошедшие в этот раздел, представлены впервые. Более подробное описание результатов исследования см. в (*Intigrinova, 2009, 2010*).

из сообществ, назовем его Высотное¹, снижается за счет наличия удобно расположенных пастбищ, используемых на современном этапе коллективно. Эти пастбища, официально входящие в лесной фонд, обеспечивают фактический доступ к ресурсам для домохозяйств, не получивших права собственности/индивидуального пользования в рамках приватизации колхозов. В другом сообществе – Тучнево – права собственности на наиболее плодородные, расположенные в непосредственной близости от села и непропорционально большие участки угодий были закреплены за представителями управленческой элиты некогда существовавшего здесь колхоза. Приватизация этих угодий позволила новым землевладельцам выработать альтернативные принятым в этом регионе механизмы снижения экологических рисков и в то же время значительно снизила возможности управления рисками для безземельного населения. Для того чтобы продемонстрировать влияние приватизации на социально-экономическое положение населения и местные экосистемы, в настоящем разделе будут подробно описаны пространственная организация сообществ, природно-климатические условия, методы управления экологическими рисками, нормативно-правовой контекст приватизации и процесс ее реализации на местном уровне.

4.2.1. Пространственная организация исследуемых сообществ

Особенностью исследуемых сообществ является их рассредоточенность на несколько десятков километров вдоль нешироких речных долин, что обусловлено тем фактом, что значительная часть населения продолжает заниматься отгонным животноводством, служившим основой производства местных колхозов в советский период. Абсолютное большинство домохозяйств в каждом сообществе (96% в Высотном и 91% в Тучнево) владеет как минимум несколькими головами скота (*табл. 4*). Как правило, стада включают несколько видов животных, таких как крупный рогатый скот, яки², лошади, овцы, реже козы. Скот перегоняется на пастбища различных сезонов – как правило, летние и зимние, в отдельных случаях также весенние и/или осенние (*табл. 5, см. раздел 4.2.5*).

Зимние и летние пастбища расположены на расстоянии от нескольких до почти ста километров от сел – центральных усадеб двух бывших коллективных хозяйств. Часть местного населения постоянно проживает

¹ Для обозначения сообществ использованы псевдонимы.

² Обычно яки классифицируются как крупный рогатый скот (КРС), однако в данном исследовании поголовье яков и КРС рассматривается как две разные категории сельскохозяйственных животных, что связано с различиями в условиях их содержания.

в этих населенных пунктах, основанных в ходе реализации программы перехода к оседлому образу жизни в конце 20-х – 30-х годов XX века; для некоторых домохозяйств села служат местом сезонного пребывания. В каждом из населенных пунктов сосредоточены все учреждения, предоставляющие бюджетные и коммерческие услуги членам сообществ независимо от удаленности мест их фактического проживания. В частности, в каждом селе располагаются администрация поселения, школа-интернат, библиотека, амбулатория, отделение почты и магазины.

Таблица 4

Количество скота, находящегося в собственности жителей сообществ, 2006–2007 гг.¹

Количество голов скота	Высотное		Тучнево	
	количество домохозяйств	%	количество домохозяйств	%
1–9	41	34,75	7	14,30
10–29	53	44,92	29	59,20
30–49	6	5,08	4	8,20
50–99	13	11,02	7	14,30
100–149	3	2,54	1	2,00
150–249	1	0,85	1	2,00
250 и более	1	0,85	0	0
Всего опрошено	118	100	49*	100

* Всего количество домохозяйств в сообществе Высотное равно 136 (из них 6 не имеют стада); в сообществе Тучнево – 93 (из них 8 не имеют стада).

¹ Информация, содержащаяся в табл. 4, основана на упрощенных вычислениях количества условных голов скота. Во внимание принимаются животные в возрасте 6 месяцев и старше. Коэффициент 1,0 используется для крупного рогатого скота и яков, коэффициент 0,2 – для овец. Лошади, к сожалению, не были учтены при вычислениях, поскольку данные, предоставленные респондентами о количестве лошадей, были неполными, а в некоторых случаях отличались от реальных. Это объясняется особыми условиями содержания лошадей. Поскольку лошади считаются наиболее резистентными к рискам природного и антропогенного характера, они часто выпасаются на отдаленных пастбищах без присмотра скотоводов. Соответственно предоставляемые данные сложно проверить. Кроме того, как и во многих других скотоводческих культурах, подсчет и указание количества животных в стаде считается плохой приметой. Поскольку лошади выпасаются без присмотра, владельцы предпочитают не говорить об их количестве, таким образом, избегая дополнительного, с их точки зрения, риска для своего табуна. Тем не менее на основе включенного наблюдения и неформализованных интервью мы можем утверждать, что, за исключением нескольких хозяйств, специализирующихся на коневодстве, владельцы самых незначительных стад крупнорогатого скота и овец не имеют лошадей вообще или имеют только ездовых лошадей. В хозяйствах многих владельцев крупных стад КРС, яков и овец также содержится значительное количество лошадей. С учетом поголовья лошадей наиболее значительного стада, принадлежащего хозяйству из Высотного, насчитывает более 400 условных голов.

4.2.2. Правовой контекст приватизации коллективных хозяйств

Коллективные хозяйства, в которые некогда входили исследуемые сообщества, можно рассматривать как исключения из широко распространенной практики приватизации сельхозпроизводителей, сложившейся в 1990-х годах в России. Несмотря на значимость официально приватизированных в течение 10 лет после распада Советского Союза площадей, количество земель, фактически выделенных в качестве паев населению, было незначительно. Наталья Шагайда со ссылкой на данные агентства «Роснедвижимость» приводит следующие цифры: в 2001 г. 107,8 млн га сельскохозяйственных угодий, находящиеся де-юре в общей собственности, использовались правопреемниками колхозов и совхозов, что составило 55% общей площади таких угодий. Кроме того, 62,4 млн га угодий официально имели статус государственных земель, составляя 32% общей площади (Шагайда, 2010, стр. 131–132). Таким образом, не более 13% сельскохозяйственных угодий могло быть использовано частными сельхозпроизводителями. Доклад Всемирного банка о земельной политике (Deininger, 2003) также демонстрирует незначительность таких площадей. В докладе, в частности, отмечается, что к 2003 г. в России только 6–7% земель сельскохозяйственного назначения использовалось сельскохозяйственными предприятиями, которые фактически находились в частной собственности, и еще 6% использовалось населением в качестве приусадебных участков (Deininger, 2003, стр. 140). В то же время необходимо отметить, что оба рассматриваемых в этом разделе сообщества входили в состав хозяйств, ликвидированных в ранний период реформы (еще в 1995–1996 гг.) путем распределения земли и другого имущества среди членов хозяйств.

Как известно, земельные отношения в Советском Союзе характеризовались законодательным запретом частной собственности на землю, а государство являлось собственником всех земельных ресурсов (Skynes, 2003, стр. 892). В советской Конституции, принятой в 1977 г., было записано, что «земля, недра, водные ресурсы и леса являются исключительной собственностью государства». Государственная собственность определялась как общественная собственность всех советских людей (Конституция СССР, гл. 2, п. 11).

После распада Советского Союза приватизация земли была определена как главная задача земельной политики и основной пункт реформы сельского хозяйства в России (Алматов, 2005; Humphrey, 2002). Согласно оценке международных донорских организаций, частная собственность

на землю являлась абсолютно необходимым условием эффективного сельскохозяйственного производства в стране (*Perrotta, 1995, стр. 62*). Ожидалось, что частная собственность будет служить основой становления рынка земли, а также эффективного и устойчивого землепользования (Закон РСФСР «О земельной реформе» от 23 ноября 1990 г., ст. 1).

Внедрение частной собственности на землю было инициировано в октябре 1990 г. вступлением в силу Закона «О земельной реформе». Но эффект данного закона был минимальным до конца 1991 г., когда вышли Указ Президента РФ от 27 декабря 1991 г. № 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР» и последовавшее за ним Постановление Правительства РФ от 29 декабря 1991 г. № 86 «О порядке реорганизации колхозов и совхозов». Эти документы стали отправной точкой реорганизации совхозов и колхозов. Данные нормативные акты предписывали колхозам и совхозам провести общие собрания членов в течение года с целью голосования по вопросу реорганизации хозяйства (Указ Президента РФ от 27 декабря 1991 г. № 323, п. 3). Подавляющее большинство колхозов и совхозов по всей стране должны были быть реорганизованы, передав землю и иное имущество бывшим членам и наемным работникам¹.

Земля и другое имущество, используемое сельскохозяйственными производителями, должны были быть поделены на паи. Каждый член коллективного хозяйства, включая пенсионеров, проживающих на территории таких хозяйств, получал право на земельный и имущественный пай (Постановление Правительства РФ от 29 декабря 1991 г. № 86, п. 9). Такой пай мог быть физически выделен для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства, внесен в уставный фонд сельскохозяйственных производителей различных форм собственности, продан и др. (Указ Президента РФ от 27 декабря 1991 г. № 323; Указ Президента РФ от 27 октября 1993 г. № 1767 «О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России»). Однако земельные паи не могли превышать норму, установленную администрациями соответствующих районов. Если земельный фонд коллективного хозяйства включал избыточные

¹ Под действие Постановления Правительства Российской Федерации от 29 декабря 1991 г. № 86 не попадали племенные и конные заводы, селекционно-гибридные центры, семенные инспекции и лаборатории, сортоиспытательные станции и участки, предприятия и хозяйства по производству ценных и анадромных видов рыб, специализированные овощеводческие совхозы с мелиоративными системами, сельскохозяйственные предприятия и объекты научного направления, опытно-показательные хозяйства (подробнее см. Перечень сельскохозяйственных предприятий, не попадающих под действие Постановления Правительства Российской Федерации от 29 декабря 1991 г. № 86 «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» от 23 января 1992 г.).

земли, остающиеся после определения размера земельного пая в соответствии с нормой для данного района, такие земли подлежали передаче в земельный фонд, создаваемый районной администрацией для последующего перераспределения, либо продаже на торгах. Земли районных фондов также могли быть проданы или сданы в аренду (Указ Президента РФ от 27 декабря 1991 г. № 323, пп. 4 и 5).

Работникам объектов социальной сферы, расположенных на территории хозяйства, также могли быть предоставлены паи, но решение об их включении в список бенефициаров принималось общим собранием членов колхоза или трудового коллектива совхоза (Постановление Правительства РФ от 29 декабря 1991 г. № 86, п. 9). Только в 1995 г. распоряжением Правительства № 96 список лиц, имеющих право на получение земельных долей и имущественных паев, был расширен. В него вошли уволенные из хозяйств после 1992 г.; проходившие службу в Вооруженных Силах; женщины, находившиеся в декретных отпусках; работники социальной сферы; пенсионеры, проживавшие на территории коллективных хозяйств; наследники членов коллективных хозяйств и др. (подробнее см. Постановление Правительства Российской Федерации от 1 февраля 1995 г. № 96 «О порядке осуществления прав собственников земельных долей и имущественных паев»).

4.2.3. Процесс приватизации в исследуемых сообществах

В соответствии с Указом Президента РФ от 27 декабря 1991 г. № 323, в 1992 г. в исследуемых нами сообществах прошли общие собрания членов. По решению собраний местные сельскохозяйственные производители были разделены на более мелкие хозяйства, сохранив при этом статус колхозов. Но фактическая приватизация вновь образованных колхозов не заставила себя ждать.

В Тучнево общий недостаток пастбищных угодий и наличие плодородных и удобно расположенных участков способствовали созданию первых крестьянских (фермерских) хозяйств еще в 1992 г. «Все вокруг кинулись за землей...» – обычная фраза, с которой начиналось описание процесса приватизации информантами из этого сообщества.

В Высотном первые крестьянские (фермерские) хозяйства отделились от колхоза осенью 1993 г. Здесь они создавались большими домохозяйствами скотников и пастухов. В местном колхозе имущественные паи (исключая землю) определялись в зависимости от заработной платы члена коллективного хозяйства за предыдущие 5 лет и общей продолжительности трудового стажа в хозяйстве. Земельным паем, включавшим

1 га сенокосов, были наделены все члены коллективного хозяйства, в том числе и его пенсионеры.

Паи, выделенные таким образом крупным домохозяйствам, были наиболее значимыми. Животноводы среднего возраста, проработавшие значительный период времени в колхозе, получали самые крупные имущественные паи. Их дети старше 18 лет, работавшие в коллективном хозяйстве, имели право, как минимум, на земельные паи. Собранные в единый пул доли всех членов таких домохозяйств позволяли им формировать стада, состоящие из нескольких десятков животных, приватизировать дома и строения, расположенные на различных сезонных пастбищах, а главное – закрепить права на несколько гектаров сенокосных лугов, которые обеспечивали скот кормами в зимнее время. Мы особо подчеркиваем закрепление прав на естественные сенокосные угодья ввиду их значительного дефицита в исследуемом районе. Вновь созданные крестьянские (фермерские) хозяйства также получали пастбищные земли. Первично права на эти угодья не были четко определены. Этому способствовали чрезвычайное разнообразие и отсутствие четких определений различных прав собственности и пользования. Наличие множественных видов прав, при этом не всегда четко определенных, представляло весьма значительную сложность для управленцев районного уровня при определении прав конкретного гражданина¹. Современное понимание статуса пастбищных угодий на местном и районном уровнях можно кратко представить следующим образом: пастбища первично были предоставлены в аренду крестьянским (фермерским) хозяйствам, а впоследствии эти хозяйства получили право приватизации арендуемых угодий в частную собственность.

Следуя примеру больших домохозяйств, первыми отделившихся от колхозов, все больше и больше членов колхоза подавали заявления с просьбой о выделении им паев. Первоначально, покидая коллективное хозяйство, они создавали крестьянские (фермерские) хозяйства, позже – личные подсобные хозяйства (ЛПХ). В отличие от крестьянских (фермерских) хозяйств, ЛПХ не получали пастбищных земель. Уже в 1996 г. оставшиеся 34 члена коллективного хозяйства, действовавшего в Высотном, провели собрание и проголосовали за окончательный роспуск хозяйства. Годом ранее подобное событие произошло в Тучнево. Но процесс выделения земли и имущественных паев здесь был чрезвычайно непрозрачным. Документов, зафиксировавших нормы имущества и земли,

¹ Свидетельства о регистрации прав на земельные участки, выданные в 1990-е годы, часто указывают несколько видов прав, порой взаимоисключающих друг друга, например частная собственность и аренда.

определенных на один пай в этом сообществе, и процесс его фактического распределения, практически не сохранилось. Однако опросы местного населения и современное распределение земельных ресурсов в сообществе указывают на то, что распределение коллективного имущества и земли было чрезвычайно неравным, проведенным в пользу управленцев и специалистов коллективного хозяйства.

Несмотря на существенные отличия процесса приватизации в двух хозяйствах, распределение имущества стало одним из ключевых факторов, определивших социальную стратификацию и в том, и в другом сообществе. В основе подобной стратификации лежит доступ к земле и другим активам – таким как скот; сооружения, необходимые для скотоводства; сельскохозяйственная техника. И в том, и в другом сообществе лица, не являвшиеся членами коллективных хозяйств на момент реорганизации, не получили паев. В эту категорию вошли те, кто покинул колхоз незадолго до приватизации. Строительство линии электропередачи и дороги, сделавшей район исследования доступным для автомобильного транспорта, обеспечивало в начале 1990-х годов для местных жителей возможности для трудоустройства на период строительных работ. Бывшие работники коллективных хозяйств, покинувшие колхозы в связи с появлением новых возможностей на местном рынке труда даже за несколько дней до реорганизации, были исключены из состава бенефициаров при распределении имущества, как и сотрудники местных школ, медицинских учреждений, почты и т.п. Несмотря на предусмотренное выше указанными нормативными актами право, в Тучнево не получили земли и бывшие члены коллективного хозяйства, вышедшие на пенсию до его реорганизации (т.е. до 1992 г.). Уволенные по сокращению кадров из уже реорганизованных коллективных хозяйств также были лишены этого права. Бывшие работники вспомогательных по отношению к коллективному хозяйству учреждений, вышедшие на пенсию, в Тучнево также не получили ни имущественных, ни земельных паев, в Высотном им было выделено по 1 га сенокосных угодий. Безземелье (или малоземелье) стало актуальной проблемой для этой категории сельских жителей, отягощенное тем, что администрацией района в свое время не был создан фонд перераспределения земель. Причем фонд не был создан, несмотря на то что площадь земельных наделов отдельных крестьянских хозяйств составила более 200 га.

Качество и географическое расположение крупных индивидуальных участков относительно сел оказались наиболее значимыми факторами, определившими результаты приватизации земельных ресурсов. В Тучнево, где крестьянские (фермерские) хозяйства получили земли всех категорий и где находятся наиболее значительные наделы в районе, самый

большой индивидуальный участок официально включает 235 га пастбищ и сенокосов, 217 и 28 га каждого типа соответственно. Но фактически травостой позволяет сенокосение на большей площади этих угодий. Индивидуальные наделы, ассоциирующиеся с управленческой элитой бывшего коллективного хозяйства, находятся в непосредственной близости от населенного пункта. В результате этого село «зажато» между большими индивидуальными земельными наделами, поэтому для нужд коллективного выпаса остаются лишь незначительные лесные массивы, окружающие населенный пункт. Около половины опрошенных из этого сообщества, не имея прав на индивидуальные пастбищные ресурсы, полагаются на этот участок коллективного пользования для выпаса своего скота в течение всего года.

Следующая цитата из интервью с жительницей Тучнево, домохозяйство которой использует коллективные пастбища и владеет 1 га сенокосных угодий, хорошо иллюстрирует неравенство в распределении земельных ресурсов в этом сообществе:

«Мы косим в [местности К]. Если выехать из села в 8 утра, то к часу ночи доберешься до места¹. Мы косим гектар. Больше нам ничего не дали. Привозим [сено] оттуда на тракторе зимой, когда река замерзнет. Мы едем туда и остаемся там, пока все не скосим. В прошлом году наши коровы с телятами паслись сами [в окрестностях села], а мы уехали косить². Я в колхозе десять лет работала и ничего не получила. А Б. всю землю в округе забрала. Если люди бросят что-то – не скосят, например, овраги, мы там косим».

В Высотном, где большинство крестьянских хозяйств не связаны с управленческой элитой, согласно местному решению площадь арендуемых, а впоследствии приватизированных ими земель ограничивалась 70 га пастбищных угодий. Эти участки находятся на значительном удалении от населенного пункта, разделенные с ним землями лесного фонда, принадлежащими государству, но неофициально используемыми местными жителями для коллективного выпаса скота. Травостой на пастбищных участках, используемых членами этого сообщества, не позволяет сенокосение, а сенокосные участки были распределены относительно равномерно.

Манипуляции ресурсами со стороны местных элит часто отмечаются в качестве основного фактора, приведшего к неравенству при распреде-

¹ То есть путь в один конец занимает около 17 часов.

² Таким образом, домохозяйство не имело возможности использовать молоко в сезон сенокоса. Лето в этом регионе – период изобилия молока и молочных продуктов, когда хозяйки стараются сделать запасы на долгую зиму в виде масла.

лении земли. Джессика Аллина-Пизано (*Allina-Pisano, 2008*) указывает, что директора совхозов и другие управленцы в российском Черноземье препятствовали созданию крестьянских (фермерских) хозяйств людьми не своего круга, при этом находя возможности для выделения значительных земельных наделов для себя или для ближайшего окружения. Сюзан Крейт (*Crate, 2003*) рассматривает создание крестьянских хозяйств в Якутии как механизм получения земли и другого имущества людьми, наделенными властью. Данные С. Крейт демонстрируют, что имущество государственных хозяйств распределялось сначала тем, кто был аффилирован с руководящими кадрами, для создания фермерских хозяйств, а уже потом оставшиеся ресурсы делились среди других домохозяйств (*Crate, 2003, стр. 872*).

Наше исследование также содержит доказательства манипуляций местных элит, осуществляемых при распределении ресурсов. Но, кроме того, пример Высотного показывает важную роль государственного регулирования в формировании социального расслоения. В то время как процесс приватизации в этом сообществе укладывается в рамки принятого регулятивного механизма, и здесь в результате приватизации сложилась значительная асимметрия в распределении ресурсов, в том числе земельных. Исключение местных жителей, не участвовавших непосредственно в сельскохозяйственном производстве, а также наделение дополнительными земельными наделами крестьянских хозяйств являются двумя важными переменными, определяющими неравенство в этом обществе. Обе переменные определялись государственной политикой. Кроме того, важным элементом государственного регулирования, позволившим местным административным элитам в период реформ усилить свое и без того значительное влияние и, таким образом, повысить шансы на бесконтрольность действий, было зафиксированное в Постановлении Правительства РФ от 29 декабря 1991 г. № 86 «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» (п. 3) определение руководителей колхозов и совхозов ответственными за процесс приватизации. Манипуляции ресурсами для собственной выгоды управленцев коллективного хозяйства в Тучнево только усилили социально-экономическое неравенство сельских домохозяйств.

4.2.4. Природно-климатические условия

Район исследования расположен в зоне резко континентального климата со значительными амплитудами температурных колебаний. Зима может сопровождаться снижением температуры до -50°C в ночное время суток. Средняя температура января составляет минус $22-28^{\circ}\text{C}$ (*Атлас За-*

байкаля, 1967). Снежный покров обычно сохраняется в течение 7 месяцев в году – с ноября по май. Но снегопад возможен в любое время года. Весной преобладает ветреная, холодная и преимущественно сухая погода. Летом дневные температуры достигают 30°C, однако по ночам возможно понижение до отрицательных значений. Ночные заморозки чаще случаются в высокогорье, где лето в целом короче.

Погодные условия в районе исследований характеризуются мозаичностью и зависят от высоты над уровнем моря, освещенности склонов, преобладающих ветров и пр. Уровень осадков варьируется в диапазоне от 300 мм в долинах до 1200 мм высоко в горах (*Атлас Забайкалья, 1967*), при межгодовых колебаниях ниже уровня 0,33 (*Humphrey, Sneath, 1999, стр. 272*) – принятого порога между равновесными и неравновесными экосистемами. Однако местные информанты подчеркивают значительное влияние колебаний уровня осадков на зеленую массу растений в используемых ими экосистемах. Кроме того, на продуктивность скотоводческого хозяйства влияют перепады температуры, направление и скорость ветра, глубина снежного покрова. Осадки могут играть как позитивную, так и негативную роль в зависимости от времени года. Например, ранним летом осадки необходимы для роста растительности. Однако интенсивные дожди в августе и сентябре, во время заготовки сена, приводят к потере качества и/или к сокращению объемов заготовленных кормов. Снежный покров зимой способствует увлажнению почв в весенние месяцы и, как следствие, увеличению зеленой массы растений, но в то же время обильные снегопады препятствуют выпасу скота в зимний период. Низкие температуры и сильный ветер зимой и весной также негативно влияют на состояние и сохранность скота. Эффект сочетания отдельных негативных переменных – например, засуха ранним летом, дождливый сезон сенокоса и длительная, холодная и ветреная зима – может привести к существенному падежу скота. Подобные негативные эффекты накапливаются к весне, которая рассматривается как наиболее уязвимый к экологическим рискам период.

4.2.5. Стратегии управления экологическими рисками

Высокий риск потери скота в суровых климатических условиях стимулирует скотоводов к заготовке сена для крупного рогатого скота и овец, хуже других видов адаптированных к описанным климатическим условиям. Другой стратегией снижения риска падежа скота являются сезонные перекочевки. Основной механизм стратегии снижения экологических рисков, основанной на использовании пастбищ разных сезонов, реали-

зуется через рассредоточение скота в летний период на больших площадях, что позволяет улучшить условия выпаса и, как следствие, состояние животных и их продуктивность. В поисках баланса между лучшими условиями для скота и такими переменными, как наличие трудовых ресурсов; возможности трудоустройства для членов домохозяйств; условия жизни в селе и на отдаленных пастбищах; дополнительные возможности, например, для охоты или обмена продукции с геологами/сотрудниками недроразрабатывающих компаний; доступность образования для детей, медицинских и других услуг, местные жители применяют разнообразные стратегии содержания и ухода за стадами. Все или часть членов домохозяйства могут сезонно перекечевывать вместе со своим стадом между сезонными пастбищами; скот, принадлежащий домохозяйству, может быть отдан в стадо, принадлежащее другим членам сообщества, чаще родственникам или друзьям; часть стада (особенно лошади) может быть отогнана на относительно безопасные пастбища и пастись там без постоянного присмотра¹ со стороны человека (см. *табл. 5 в конце раздела*). Некоторая часть местного населения не прибегает к технологии отгонного животноводства. В этом случае речь идет либо о владельцах небольшого количества овец и/или крупного рогатого скота, либо о населении, не имеющем доступа к сезонным пастбищам. Последняя категория населения в результате неравномерного распределения земельных ресурсов в 1990-х годах была лишена доступа к сезонным пастбищам и выпасает свой скот круглогодично в непосредственной близости от сел. Эта категория в большей мере характерна для Тучнево, где манипуляции управленческих элит привели к наиболее значимой асимметрии доступа.

Как отмечалось выше, в Высотном ближайшая от села долина, входящая в федеральный лесной фонд, не разделена на индивидуальные участки, а пастбищные угодья фермерских хозяйств удалены от села на десятки, а в отдельных случаях – на более сотни километров. Это создает условия для сезонных перекечовок скота, который принадлежит сельчанам, владеющим относительно небольшими стадами. Население, проживающее в селе и на ближайших к селу сенокосных участках в зимнее время, использует долину, входящую в лесной фонд, в качестве коллективного летнего пастбища. Не имея индивидуальных пастбищ, местные

¹ Как упоминалось выше, лошади рассматриваются местными жителями как наименее уязвимые в отношении природных и антропогенных рисков по сравнению с другими видами сельскохозяйственных животных, соответственно они чаще других видов выпасаются на отдаленных пастбищах без постоянно контроля человека. Как правило, при использовании подобной схемы выпаса владельцы табунов периодически осуществляют мониторинг состояния лошадей.

домохозяйства возводят небольшие строения на летних выпасах коллективного пользования или используют в качестве жилых помещений сохранившиеся со времен коллективного хозяйства строения, которые были брошены либо предоставлены им в счет имущественных паев. Условия проживания на пастбищах в большинстве случаев неприятные, жилые помещения часто состоят из одной комнаты, не имеют электричества, связи и других современных удобств.

На летних коллективных пастбищах владельцы небольших стад предпочитают держаться поближе к селу. Но небольшое количество скота в каждом стаде позволяет поддерживать сравнительно невысокую пастбищную нагрузку. Индивидуальная собственность на жилые помещения, признаваемая всеми членами сообщества, но официально не зарегистрированная¹, закрепляет неофициальное право владельца такого дома пользоваться пастбищем совместно с соседями. Необходимость сезонных перекочевок в соседнюю с селом долину местные жители объясняют недостатком пастбищных угодий в непосредственной близости от населенного пункта, что не позволяет скоту набрать вес для успешной зимовки.

Владельцы более крупных стад, имеющие в пользовании индивидуальные пастбищные угодья, также используют коллективное пастбище в летнее время в том случае, если их индивидуальный участок расположен в экологической зоне, более приемлемой для зимнего выпаса скота. Однако необходимость наживки скота летом, обеспечивающая сохранность стада в зимний период, стимулирует владельцев крупных стад пользоваться наименее популярными, а значит, самыми удаленными, участками коллективного пастбища. Таким образом, крупные стада также обеспечиваются условиями для наживки в летний период. Если по какой-либо причине домохозяйство, обладающее крупным стадом, перекочевывает на участок с относительно высокой пастбищной нагрузкой, яки и лошади (содержащиеся для производства мяса и, как правило, доминирующие в местных стадах) отгоняются на более отдаленные угодья отдельными членами домохозяйства. Такая схема выпаса скота, например, применяется домохозяйствами, получившими во время приватизации колхоза жилые помещения на летнем пастбище на относительно небольшом расстоянии от села. В этом случае на пастбище, где расположено строение, выпасают только молочный скот, телят, овец и коз.

В Высотном 1,7% домохозяйств отгоняют часть своего стада в село в летнее время с зимних пастбищ, находящихся за его пределами (табл. 5).

¹ Что, в принципе, невозможно в рамках законодательства, регламентирующего пользование землями лесного фонда.

Такие домохозяйства пригоняют в село лишь небольшое количество скота. Количество КРС и овец в каждом индивидуальном стаде в этом сообществе ограничено доступностью сенокосных земель, более равномерно распределенных в 1990-е годы. Кроме того, дефицит сенокосов не только ограничивает количество скота в стаде, которое возможно прокормить зимой, но и стимулирует заинтересованность скотоводов в максимальном нагуле веса животными летом, поскольку шансы на выживание хорошо упитанных животных в условиях недостатка кормов в зимнее время значительно выше. Даже те немногочисленные домохозяйства, что перекечывают на лето в село, передают свой немолочный скот на попечение родственников или знакомых, имеющих доступ к сезонным пастбищам¹. Как и во многих скотоводческих сообществах, социальные связи здесь позволяют повысить мобильность скота. Домохозяйства, испытывающие нехватку рабочих рук, ресурсов или не владеющие правами на землю, получают доступ к сезонным пастбищам, передавая свой скот на постоянный или сезонный выпас другим хозяйствам. 23,7% домохозяйств в Высотном отдают свой скот родственникам или знакомым, практикующим отгонное животноводство. Владельцы как крупных, так и мелких стад принимают на себя обязательства по уходу за чужим скотом.

В Тучнево владельцы значительного количества скота предпочитают использовать в качестве летних сезонных выпасов территории коллективных выпасов, расположенных непосредственно у села, т.е. пастбища с наибольшей концентрацией скота. Такой моделью здесь пользуется 12,3% домохозяйств (см. *табл. 5*), преимущественно владеющих собственными пастбищными угодьями. Собственники крупных стад, выпасающие свой скот осенью, зимой и весной на индивидуальных наделах, перебираются в село, чтобы сохранить сенокосы и индивидуальные пастбищные участки для холодного времени года. Также отгон скота в село позволяет оптимизировать различные стратегии мобилизации трудовых ресурсов для дойки молочного стада и переработки молока, поскольку лето является основным временем заготовки молочных продуктов. Наем бедных односельчан, помощь родственников, а также труд членов домохозяйства, постоянно проживающих в селе и трудоустроенных в различные бюджетные учреждения, – все это способствует преодолению сезонного дефицита рабочих рук. Однако такая модель перекечовок увеличивает пастбищную нагрузку на участки коллективного пользования, располо-

¹ Следует отметить, что яки и лошади могут содержаться на подножных кормах круглогодично, что стимулирует владельцев крупных стад в Высотном разводить эти виды. В Тучнево, напротив, поскольку землевладения крупных хозяйств – плодородные участки, пригодные для сенокосения, их основу составляют крупный рогатый скот и овцы.

женные вблизи села, во время короткого вегетативного сезона. Местные информанты так комментируют состояние пастбищ коллективного пользования в Тучнево:

«Здесь все как подстрижено уже в августе! Ничего не остается. Зимой можно надеяться только на сено...», «Осенью здесь гладко, как стол! Скота здесь много. Ничего не остается».

Социальные связи как механизм, обеспечивающий доступ к сезонным пастбищам, в этом сообществе используют значительно реже. На них полагаются только 4,1% опрошенных домохозяйств. При этом только близкие родственники, а именно дети, родители или родные братья и сестры, полагаются на помощь друг друга. Снижение доверия между членами общества – как результат несправедливой приватизации коллективного хозяйства – в этом сообществе может рассматриваться в качестве одного из факторов, оказавших влияние на то, что местные скотоводы реже прибегают к использованию социальных связей для обеспечения доступа к пастбищным ресурсам. Доверие к тем, кто приобрел во время приватизации значительные земельные наделы (за очень редким исключением), а соответственно на современном этапе имеет возможность принять на своей земле скот других членов сообщества, подорвано. Кроме того, самые значительные земельные участки в летнее время здесь закрыты для выпаса не только скота односельчан, но и животных, принадлежащих самим владельцам, которые предпочитают полагаться на сельские выгоны.

В отличие от Высотного, в Тучнево владельцы крупных стад отмечают, что их скот не набирает достаточного веса за летний период вследствие высокой пастбищной нагрузки на участках коллективного пользования вблизи села. Такие владельцы скота тем не менее полагаются на хорошее качество кормов на принадлежащих им угодьях в более холодные сезоны. Один из респондентов, использующий коллективные пастбища летом и отгоняющий скот на индивидуальные угодья в холодное время, так объяснил свою стратегию выпаса стада:

«[У села] слишком много скота, пасты негде. Скот не нагуливается как следует. Но осень длинная, они еще наберут вес, когда мы отгоним их на зимник».

В этом сообществе владельцы больших стад снижают риск потери скота зимой, сохраняя выпасы на своих индивидуальных угодьях и заготавливая большое количество сена. Подобная стратегия управления рисками стала возможной в связи с приватизацией крупных земельных участков и техники для заготовки сена одними и теми же хозяйствами. Поэтому эта часть населения не заботится о снижении пастбищной нагрузки на пастбищах коллективного пользования. В свою очередь, более бедное население,

не имея индивидуальных пастбищ и владея лишь незначительными сенокосными угодьями, подвержено максимальному риску потери скота в зимнее время, так как высокие пастбищные нагрузки в местах коллективного выпаса летом ведут к недостатку подножного корма во время зимовки. Невозможность выпаса скота в зимнее время увеличивает потребности в сене и других кормах. Для того чтобы снизить риск бескормицы, безземельные (или малоземельные) жители села вынуждены покупать сено, наниматься во время сенокоса к односельчанам, имеющим значительные сенокосные угодья, получая в качестве оплаты часть скошенного сена, либо приобретать комбикорма в местных магазинах.

Важно отметить, что пастбищные угодья, наиболее удаленные от села и использовавшиеся в советское время коллективным хозяйством Тучнево для сезонного выпаса лошадей и немолочного скота, сейчас не используются. Перекочевки в такие места требуют расходов, превышающих возможности мелких хозяйств. Размер же самих мелких стад ограничен нехваткой пастбищ и сенокосных угодий, доступных в настоящее время большинству населения этого сообщества, поскольку ближайшие пастбища заняты под индивидуальные выпасы, принадлежащие владельцам наиболее крупных стад. Необходимость перекочевок на дальние пастбища для последних отпала в связи с появлением новой возможности управлять экологическими рисками с помощью собственных угодий, превышающих потребности стада. Прямая корреляция расстояния сезонных перекочевок с размером отгоняемого стада отмечалась в регионе Центральной Азии еще исследователями первой половины XX века. Так, А.Д. Симуков отмечал подобное соотношение как характеристику животноводства Монголии (*Симуков, 1934*). Традиционная дифференциация длительности сезонных перекочевок объясняется различным соотношением выгоды и затрат для мелких и крупных собственников. Экономическая эффективность более длительных перекочевок крупных стад обеспечивается за счет экономии на масштабе. При затратах, незначительно превышающих затраты мелких собственников, выгоды владельцев крупных стад от использования отгонных пастбищ, такие как увеличение продуктивности стада, более значительны, поскольку они прямо коррелируют с размером стада. Подобная корреляция не была учтена при приватизации земельных ресурсов в рассматриваемом сообществе. Выделение значительных земельных наделов, расположенных вблизи населенного пункта, в пользование или собственность отдельных домохозяйств, привело к углублению социальной стратификации и превышению пастбищной нагрузки на коллективные выпасы.

Таблица 5

Модели выпаса скота, 2006 г.

Модель выпаса		Крупный рогатый скот, %		Овцы, %		Яки, %		Лошади, %	
		Высотный n=118	Тучнево n=49	Высотный n=118	Тучнево n=49	Высотный n=118	Тучнево n=49	Высотный n=118	Тучнево n=49
Использование круглогодичного пастбища	Выпас на коллективных пастбищах у села в течение всего года	30,5	55,1	1,7	4,1	0	2	0,8	10,2
	Выпас в одном месте в течение всего года, на пастбищах, удаленных от села	1,7	4,1	1,7	6,1	0	0	0	0
Отгонное	Сезонные перекочевки домохозяйства	39,8	22,4	21,2	20,4	25,4	4,1	21,2	12,2
	Сезонные перекочевки скота, выпасающегося в летнее время без присмотра	1,7	0	0	0	1,7	0	8,5	12,2
	Сезонные перекочевки скота в составе стада другого собственника	17,8	0	28,8	42,9	2,5	2	1,7	0
	Скот постоянно выпасается и перегоняется в составе стада другого собственника	4,2	0	8,5	0	5,9	0	11	6,1
	Свободный выпас без присмотра	0	0	0	0	0	0	5,9	0
	Сезонные перекочевки домохозяйства и скота на летнее время в село с зимних пастбищ (или сенокосных участков)	1,7*	8,2+ +4,1*	0	0	0	0	0	2
	Перекочевки только осенью на сенокосные участки	1,7	6,1	0	0	0	0	0	0
	Нет вида животных этого	0,9	0	38,1	26,5	64,4	91,8	27,1+ +23,7**	38,8+ +18,4**

* Только молочные коровы перегонялись в село, немолочный скот передавался в другие стада.

** Домохозяйства, имеющие только рабочих/ездовых лошадей.

4.2.6. Результаты изменения стратегий управления экологическими рисками

Весна 2004 г. стала показателем возможностей местных домохозяйств противостоять природным условиям. Ее вспоминают как опустошительную. Скот ослаб во время суровой и снежной зимы, за которой последовала холодная весна. Низкие температуры в весенние месяцы препятствовали таянию накопившегося за зиму снежного покрова. У многих домохозяйств к этому времени закончились запасы кормов. Лето 2003 г. было слишком засушливым, что не позволило заготовить достаточно сена для столь долгой зимы. Кумулятивный эффект подобных негативных природных условий ощущался особенно остро в Тучнево, где большая часть домохозяйств, не имеющих собственных пастбищ, потеряла часть стада. Одна из наших собеседниц поделилась своими наблюдениями:

«В селе каждый потерял половину стада. Мы тоже потеряли. Мой сын после этого в город уехал. Он сказал, что скотом больше не хочет заниматься».

Жители села в падеже скота винят владельцев крупных стад и земельных наделов, которые используют сельские пастбища в летнее время. «Их не волнует, что здесь на зиму корма не останется для нашего скота», – отметила молодая женщина, потерявшая 8 из 15 голов скота в 2004 г. Другая сельчанка, потерявшая значительное количество скота, сказала:

«У Б-вых дом в местности А и дом в местности Б, но почему-то они в село кочуют на лето. Если бы у меня такие владения были, я бы все время за рекой оставалась! Здесь пастбище совсем маленькое. Скот отсюда отгонять надо, а они почему-то сюда гоняют. Деревенской корове корма и так не хватает! Никто ее не пустит на свою землю. Стрелять будут [если корова пройдет на чей-то участок]».

У семейной пары, слова которой цитируются ниже, четверо детей, включая детей умершей сестры. В их стаде 7 голов скота: 3 коровы, 2 теленка и 2 бычка второго года. Муж, приехавший в эти места в 1980-е годы, безработный, а его супруга в отпуске по уходу за ребенком. Основ-

ным источником дохода семьи являются пособия на детей. Эту семью можно считать примером наиболее бедного домохозяйства¹:

«Нам дали полгектара пашни и столько же сенокосов на всю семью. Там нечего ловить [косить]. Моя сестра умерла, и мы ее [один] гектар косим. Кое-как хватает. Каждый год покупаем [сено]. ... И пастбищ, и сенокосов мало. Хотелось бы большие скота держать, но земли нет. В 2004-м наших семь голов [скота] пало. Сена мало было».

Высокие пастбищные нагрузки в окрестностях сел постепенно вынуждают ЛПХ использовать свои сенокосы в качестве выпасов после заготовки на них сена. 6,1% опрошенных домохозяйств в Тучнево и 1,7% в Высотном прибегали к такой схеме сезонных перекочевков в период исследований (табл. 5). Зелень, появляющаяся на сенокосных участках после заготовки сена, богата легкоусваиваемым протеином (Тохметов, Гармаев, 1998, стр. 102), что ведет к быстрому набору веса скотом, который выпасается на таких участках. Использование сенокосных участков в качестве выпасов в зимнее время позволяет скотоводам увеличивать стадо и/или улучшать условия для его содержания, а также экономить на транспортировке сена. Развитие такой модели фактически сдерживает-

¹ Вероятно, в условиях малоземелья только постоянная работа по найму может обеспечить приемлемый уровень жизни семьям, оказавшимся в подобной ситуации. Но возможности трудоустройства по найму, обычно доступные в сельских поселениях района исследования, ограничиваются рабочими местами в бюджетных учреждениях, требующими профессионального образования, в школах, библиотеках, медицинских учреждениях и местных администрациях, а также низкооплачиваемой работой технического персонала в этих же заведениях. Спрос на рабочие места, не требующие специальной подготовки, очень высокий, и получить такую работу возможно только благодаря личным связям. Получение высшего профессионального образования членами беднейших домохозяйств представляется маловероятным в силу низкой платежеспособности при значительном удалении образовательных центров. В Тучнево наиболее нуждающиеся жители села нанимаются к более преуспевающим односельчанам на работу по уходу за скотом, но труд таких работников обычно оплачивается относительно скромно продуктами животноводства для собственного потребления. Нужно признать, что у населения района также существуют, хотя и ограниченные, возможности трудоустройства на шахты недропользовательских компаний. Работа на таких предприятиях осуществляется вахтовым методом и часто приводит к минимизации или полной ликвидации стада домохозяйства, меняя привычный скотоводческий уклад жизни домохозяйства. Более того, трудоустройство в такие компании для многих жителей сводится к выбору между насущными материальными нуждами семьи и ожидаемым наказанием со стороны высших духовных сил за осквернение земли. Местные религиозные верования запрещают вторгаться во владения духов земли, недропользование осуждается и табуируется. Несмотря на это, ограниченные возможности получения работы и недостаток земли, не позволяющий увеличивать количество скота, вынуждают отдельных местных жителей прибегать к такого рода трудоустройству. В Высотном в период нашего исследования, т.е. в 2006–2007 гг., в недропользовательских компаниях работало около 1% населения, в Тучнево – около 7%, но многие из последних трудоустроившись временно на период строительства офисных и жилых помещений одной из компаний.

ся дефицитом ресурсов у владельцев небольших стад для строительства зимних помещений для себя и своего скота. Законодательство также не позволяет ЛПХ возводить постоянные постройки на «полевых участках», «предназначенных исключительно для производства сельскохозяйственной продукции» (Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве», ст. 4, п. 3).

Тем не менее количество домохозяйств, использующих покосы для зимовки скота, имеет тенденцию к увеличению по мере аккумуляции ресурсов, необходимых для сооружения жилых помещений и укрытий для скота. Несколько наших респондентов и в том, и в другом сообществе поделились планами строительства домов на своих сенокосах с целью улучшения условий для содержания скота или увеличения размера стада. Однако в Тучнево ввиду отсутствия доступных летних пастбищ, за исключением выпасов коллективного пользования в окрестностях села, развитие такой модели приведет, судя по всему, к дальнейшему увеличению пастбищной нагрузки на коллективные угодья. Один из респондентов, планирующих использование сенокоса в качестве зимнего пастбища, заметил:

«Я работаю. Без работы как? Хорошо, что она есть. Но как только выйду на пенсию, переберусь на сенокос. Начал там строить дом. На лето сюда [в село] буду кочевать. Раз у нас пастбища нет, что сделать?».

Еще одним существенным отличием Тучнево является значительно более высокое число конфликтов по поводу границ земельных участков и потравы угодий скотом. В целом исследуемый регион отличается относительно низкой частотой земельных конфликтов. Дело в том, что среди местного населения широко распространено верование в то, что ссора из-за земли непременно приведет к смерти кого-либо из представителей противоборствующих сторон¹, соответственно большинство населения старается избегать конфликтов по поводу земельных вопросов. Но крайне неравномерное распределение ресурсов в Тучнево, воспринимаемое его жителями как несправедливое, ведет к усилению социальной напряженности и к повышению уровня конфликтности в этом сообществе.

* * *

¹ В рамках нашего исследования на предмет этого верования было опрошено 267 респондентов (исключая тех, кто мигрировал в этот регион в возрасте старше 16 лет). 98,5% респондентов всех возрастов и обеих гендерных групп знали о наличии запрета ссориться из-за земли и о последствиях, к которым такая ссора может привести.

Итак, основываясь на результатах нашего исследования в регионе Восточного Саяна, можно сделать вывод о том, что неравномерное распределение земли способно внести коррективы в стратегии управления экологическими рисками, как это случилось в Тучнево. Пример этого сообщества согласуется с доводами, обобщенными Роем Бенке (*Behnke, 2003, сmp. 104–105*) и основывающимися на проведенных в разных странах мира исследованиях приватизации в скотоводческих сообществах. Дефицит земли стимулировал здесь конкуренцию за земельные наделы и способствовал чрезвычайно неравномерному распределению этого ресурса. В результате часть населения Тучнево лишилась пастбищных угодий и, как следствие, потеряла возможность заниматься отгонным животноводством. Приватизация земельных ресурсов в этом сообществе в связи с ограниченностью земельных ресурсов усилила стратификацию населения и привела к превышению допустимой пастбищной нагрузки на коллективно используемых участках и к изменению стратегий снижения рисков. Приватизация земли позволила использовать индивидуальные участки пастбищ в качестве инструмента снижения риска для тех, кто имеет индивидуальные права на значительные земельные наделы; скотоводы, не имеющие достаточно земли, оказались подвержены непропорционально высокому риску потери скота вследствие неблагоприятных условий окружающей среды. Существенная роль в этом процессе дифференциации возможностей реагировать на экологические риски также принадлежит крайне неравномерному распределению сенокосных угодий и сельскохозяйственной техники.

В Высотном, где индивидуальные пастбищные наделы расположены в удаленных местах и в целом занимают не столь значительную часть выгонов, а естественные сенокосные угодья распределены сравнительно равномерно, проведенная приватизация не оказала такого глубокого влияния. Здесь ограниченные возможности заготовки сена на местных покосах стимулируют владельцев как крупных, так и мелких стад заботиться о нагуле скотом необходимого для успешной зимовки веса в летнее время, что является исторически сложившейся моделью управления рисками, широко распространенной среди центральноазиатских скотоводов (описание такой модели см. в (*Batbuyan, 1996, сmp. 202; Cincotta et al., 1992, сmp. 9; Humphrey, Sneath, 1999, сmp. 228*)).

В то же время местные домохозяйства в этом сообществе имеют относительную свободу выбора касательно проведения сезонных перекочевок в зависимости от их оценки пастбищной нагрузки на местных выпасах. Они предпочитают избегать мест высокой, по их мнению, концентрации скота. Следуя подобной тактике, владельцы крупных стад перекочевы-

вают на менее востребованные участки. Неофициальное использование коллективных выпасов, расположенных в сравнительно небольшом удалении от села, обеспечивает такие возможности для владельцев небольших стад. Сложившаяся в Высотном модель землепользования стала во многом возможна благодаря неофициальному доступу местного населения к удобно расположенным пастбищам, входящим в лесной фонд. Однако де-юре такая земля может быть также использована в качестве индивидуальных пастбищ при условии оформления аренды (*Лесной кодекс РФ, 2006*). Дальнейшая фрагментация земельных наделов, если оформление индивидуальных прав пользования лесным фондом будет практически реализовано в Высотном, скорее всего, приведет к ухудшению социально-экономического положения многих домохозяйств, использующих в настоящее время этот ресурс в качестве сезонных пастбищ, и повторится ситуация, сложившаяся в Тучнево.

4.3. Результаты приватизации в условиях избытка земельных ресурсов

Увеличение нагрузки на общие пастбища, экологическая деградация, конфликты и ограниченная способность скотоводов противостоять засухе и другим суровым природным условиям как результаты фрагментации скотоводческого ландшафта отмечаются и в других странах (*Galvin et al., 2008*). Но столь существенные последствия приватизации пастбищ в меньшей степени характерны для территорий с очень низкой плотностью населения, небольшим поголовьем скота и обилием земель, пригодных для его выпаса. Такой пример приводят Сара Робинсон и Марк Уиттон (*Robinson, Whitton, 2010*) в статье о землепользовании и земельных отношениях в Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан. В верховьях Шахдаринского ущелья, экосистему которого можно охарактеризовать как холодную пустыню со среднегодовым уровнем осадков в 137 мм, по свидетельству этих авторов, часть пастбищных угодий была приватизирована двумя категориями населения: бывшими управленческими элитами и бывшими чабанами местного колхоза.

С. Робинсон и М. Уиттон утверждают, что приватизация здесь не имеет каких-либо серьезных последствий и не вызывает возмражения населения, не участвовавшего в процессе приватизации сельскохозяйственных земель, поскольку доступ и к уже приватизированным пастбищам, и к пастбищам, находящимся в пользовании коллективных хозяйств, для населения, по сути, не ограничивается. Местные домохозяйства владеют небольшими стадами. Только 4% населения в области имеют в своем ста-

де более 20 овец. Количество овец и крупного рогатого скота ограничивается особенностями экосистемы, в которой сенокосение возможно на крайне ограниченных поливных площадях. Таким образом, содержание большого стада в зимнее время не представляется возможным.

Поскольку из всех видов сельскохозяйственных животных овцы наиболее уязвимы к рискам как природного, так и антропогенного характера, выпас овец требует наибольших затрат времени. При условии небольшого стада такие затраты неэффективны. В связи с небольшим размером стад в хозяйствах местного населения наиболее приемлемой моделью использования отгонных пастбищ в летний период здесь является передача овец наемным пастухам. Такие пастухи арендуют летние пастбища у владельцев и выпасают на них отары, объединяющие овец множества домохозяйств из разных сел и даже соседних районов. Сами владельцы пастбищ, как правило, также передают своих овец наемным чабанам. Авторы отмечают наличие значительного количества более отдаленных государственных земель, пригодных для выпаса, но на настоящий момент никем не используемых.

* * *

Несмотря на то что основные цели аграрных преобразований, описанных в этой главе, заключались в повышении эффективности и рациональности использования земельных ресурсов, индивидуализация пастбищ в условиях недостатка земельных ресурсов привела к изменению модели землепользования и превышению пастбищных нагрузок на коллективных выпасах. Фрагментация земельных ресурсов в скотоводческих сообществах горных экосистем, характеризующихся мозаичностью условий, привела к асимметрии доступа к ресурсам. Все три примера индивидуализации прав пользования или собственности на пастбищные угодья продемонстрировали манипуляции местных управленческих элит процессами распределения ресурсов для собственной выгоды, в результате которых возрастает асимметрия доступа к ресурсам. Как результат, приватизация повлияла на углубление социальной стратификации в сельских сообществах, повышение социальной напряженности и конфликтности. Неготовность социальных служб к условиям индивидуальному использованию пастбищ обусловила снижение доступа к социальным услугам. Адаптация же социальных служб потребовала бы дополнительных затрат.

Заключение

Мы начали свой обзор со статьи Гарретта Хардина «Трагедия общественного», в которой утверждалось, что частная и государственная собственность – это единственно возможные институты, способные обеспечить устойчивое природопользование. Однозначность предсказаний Г. Хардина о неминуемом истощении природных ресурсов, используемых коллективно, на протяжении многих десятилетий стимулирует научную дискуссию и общественный интерес к проблемам прав собственности и их влияния на эффективность и рациональность использования ресурсов. В результате этой полемики исследователи, работающие в различных областях знаний, доказали наличие значительных пробелов в логике этого автора.

Дальнейшая разработка «проблемы общественной собственности», с одной стороны, выявила многочисленные переменные, влияющие на поведение индивидуума, а с другой – показала неоднородность решений различных акторов по отношению к экономической рациональности как фактору, определяющему сценарий поведения. Институциональная экономика предложила рассматривать влияние норм на поведение индивидуума. Эмпирические исследования доказали, что использование коллективной собственности и ресурсов открытого доступа – принципиально разные институциональные ситуации. Первая характеризуется наличием институтов, регулирующих пользование, вторая, напротив, – их полным отсутствием.

Концептуальное разграничение ресурсов, находящихся в открытом пользовании и в коллективной собственности, имело особое значение. Разделив эти понятия, социальная мысль пришла к осознанию того, что пастбища, к которым апеллировал Г. Хардин, чрезвычайно редко нахо-

дятся в открытом доступе. Таковые появляются в результате социальных стрессов, в том числе войн, революций, реформ или в случаях вмешательства внешних сил, например технической помощи. В частности, национализация и приватизация земли в некоторых случаях приводили к разложению институтов, регулирующих использование пастбищ, и, как следствие, к нерегулируемому использованию (*Ostrom, 1990; Peters, 1987*). В Африке известны случаи, когда пастбища, освоенные для использования, например, за счет государственных вложений в строительство водяных скважин, эксплуатировались без каких-либо правил. Подобное положение вещей объясняется тем фактом, что все животноводы считали себя имеющими равные права на пользование территориями, которая стала доступной в результате технических нововведений, поскольку никто из пользователей не вкладывал труд или капитал в систему обеспечения водой (*Niamir-Fuller, Turner, 1999, сmp. 26*).

Накопление эмпирических данных и развитие теоретических концепций позволили усомниться в однозначности связи между институтом земельных отношений и эффективным и рациональным землепользованием, постулируемой Г. Хардином; обратить внимание на важную роль институтов, регулирующих пользование коллективными ресурсами, на факторы культуры, характеристики самого ресурса, механизмы принятия решений на всех уровнях, на сущность отношений между пользователями, между пользователями и внешними регуляторами, а также на фактор распределения власти и влияния. Многочисленные исследования наглядно демонстрируют, что коллективная форма собственности, наряду с частной и государственной, заслуживает рассмотрения как институт, способный создать условия для эффективного и рационального использования природных ресурсов, в том числе земельных. Более того, исследования, специализирующиеся на использовании пастбищных угодий, доказали большую экономическую эффективность и экологическую обоснованность коллективной собственности на эти ресурсы в определенных природных условиях. Все эти результаты не умаляют значения частной собственности как общественного института, и автор настоящей работы, безусловно, не ставила перед собой подобной задачи. Наша задача – привлечь внимание к необходимости взвешенно подходить к вопросу о формах собственности при проведении земельных преобразований.

Поскольку сегодня остается неизменным постулат о том, что нерегулируемое пользование создает условия для истощения ресурсов, особенно в условиях высокой плотности населения, необходимость институционализации прав на земельные ресурсы как условие эффективного и рационального природопользования не вызывает сомнения. Однако обе-

спечение прав неэквивалентно частной собственности. Права собственности могут обеспечиваться в рамках как частной, так и коллективной институциональной концепции. В то же время, признавая необходимость институционализации коллективных или частных прав, необходимо подчеркнуть, что ни те, ни другие сами по себе не являются гарантом устойчивого землепользования. Права собственности – не единственный и не главный фактор, определяющий экономическую эффективность и/или рациональность использования ресурсов. Совокупность факторов, включающая вид землепользования, институциональные регуляторы, экологические и экономические условия, культурные традиции и политические установки, формирует стимулы для их эффективного и рационального использования. «Любая попытка объяснить провал тех или иных институтов, призванных обеспечивать эффективное и рациональное использование природных ресурсов, одним фактором или списком несвязанных факторов – упрощение», – пишет Джеймс Ачесон. «Если мы хотим расширить наше понимание институциональных успехов и провалов, нам необходимо рассматривать такие институты как органичную часть сложной социально-экологической системы, взаимосвязь и взаимовлияние различных факторов которой обеспечивают работу этих институтов. Многие из этих факторов неявные и/или не связаны на первый взгляд с вопросами регулирования землепользования» (*Acheson, 2006, стр. 129*).

Очевидно, что универсального решения проблемы эффективного и рационального землепользования не существует. Частные, государственные, коллективные институты могут оказаться и эффективными, и неэффективными. Основными условиями обеспечения результативности институтов частной собственности являются работающий рынок и безукоризненное обеспечение прав собственности. К сожалению, эти два параметра едва ли могут рассматриваться на современном этапе развития нашей страны как реальность. Но и в условиях работающего рынка и гарантии прав бедность, конкуренция, высокие ставки дисконтирования могут стимулировать использование ресурса, ведущее к его истощению (*Gaffney, 1965; Acheson, 2006*). Кроме того, социальный статус, личные ценности и обстоятельства и многое другое определяют решения частного собственника (*Gasson, 1973; Cancian, 1980*).

Те же факторы в современных условиях могут иметь влияние и на эффективность коллективного землепользования. Кроме того, для организации коллективного действия важны соотношение затрат на участие в управлении коллективными ресурсами и выгод от него, возможные потери при отказе от участия, возможность каждого из собственников коллективных ресурсов оказывать влияние на принимаемые решения и/или

их выполнение. Соотношение затрат и выгод в том числе зависит от количества членов коллективного собственника, поскольку затраты снижаются в относительно небольших сообществах за счет социальных связей и доверия. Понимание пользователями, как функционирует природная система и каковы возможные последствия их действий друг для друга и для состояния используемого ресурса, как и уверенность в неизменности норм, обеспечивающих устойчивость ресурса и прав пользователей, наличие местных лидеров и организационного опыта, повышает успех совместного управления (*Ostrom et al., 1999*). Активное информационное поле, в котором постоянно обсуждаются как формальные, так и неформальные механизмы обеспечения выполнения норм землепользования, способствует формированию общих ценностей, их фиксации в памяти и передаче новым поколениям, а значит, устойчивости коллективного природопользования в долгосрочной перспективе.

Элинор Остром в своей работе «Управление общественными ресурсами: эволюция институтов коллективного действия» писала о теориях, подобных «трагедии общественного»: «Эти модели такие интригующие и влиятельные потому, что они улавливают важные аспекты множества разных проблем, проявляющихся в различных условиях во всех частях света. Но эти модели становятся такими опасными, когда их используют метафорически в качестве основания для государственной политики, потому что ограничения, рассматриваемые как неизменные для целей анализа, принимаются на веру и рассматриваются как неизменные в реальности...» (*Ostrom, 1990, сmp. 6–7*). К сожалению, теория Гарретта Хардина, как и постулаты, сформулированные Элинор Остром, по-прежнему используются при принятии решений земельной политики как данность, применимая ко всем странам и континентам независимо от местных институциональных, культурных или природно-климатических особенностей. Но экспертные рекомендации сегодня единодушно признают необходимость выстраивать земельную политику и законодательство в соответствии с локальными нуждами, концепциями и практиками. Обобщение опыта земельных преобразований в различных странах мира наглядно продемонстрировало, что реформирование по принципу «один размер для всех» ведет к непредсказуемым последствиям, часто обратным ожидаемым: к социальному расслоению, обнищанию части населения, повышению уязвимости к экологическим рискам, социальной напряженности, культурным изменениям, деградации экосистем и местных институтов, регулирующих землепользование (*Cotula, Toulmin, Quan, 2006*).

Исследователь пастбищных экосистем Тибетского нагорья Питер Хо в одной из своих статей признается, что однажды Ли Деронг, возглав-

ляющий сектор управления пастбищами департамента животноводства и ветеринарии Китая, спросил у него: «У вас есть какие-нибудь материалы о законодательстве, регулирующем использование естественных пастбищ в западных странах? Не важно, в какой стране, нам срочно нужны материалы, нужны новые идеи по поводу управления пастбищными ресурсами» (*Ho, 2000, стр. 240*). С одной стороны, такая просьба вполне логична. Опыт других стран, безусловно, необходимо изучать. Исследования земельных отношений и их влияния на различные аспекты социально-экономического развития необходимы, поскольку они позволяют проанализировать успехи и провалы земельной политики в прошлом и скорректировать подходы, снижая влияние субъективного мнения и, таким образом, повышая эффективность земельной политики. С другой стороны, каждый, кто хотел бы использовать опыт других стран, должен четко представлять условия, в которых те или иные решения сложились, а также те, в которых заимствованные идеи будут воплощаться. Невозможно понять, каковы будут результаты землепользования и каково влияние земельной политики на землепользование, не поняв мотивацию пользователя или владельца земельного надела. Для того чтобы понять мотивы пользователей, необходимо учитывать контекст, в котором пользователь живет и принимает свои решения. Целостность подхода к анализу контекста, определяющего поведение индивидуума, – важная методологическая доминанта. Для понимания системы стимулов и реакции на них индивидуума необходимо учитывать экономические, социальные, культурные, политические, природные условия, в которых принимается то или иное решение. Чем более локален фокус исследований, тем больше шансов на выработку рекомендаций, способных отразить реальные нужды и условия.

Только исследования, осуществляемые на местном уровне специалистами в различных областях знаний, позволят понять, какая форма собственности наиболее приемлема в тех или иных условиях. Только тщательная оценка микро- и макроэкономических ограничений, природных условий, состава пользователей и распределения власти и влияния на местном уровне, функционирования имеющихся институтов, регулирующих природопользование и взаимоотношения пользователей, может дать ответ на вопрос: какие институциональные преобразования способны принести желаемый результат?

Формирование эффективной земельной политики не представляется возможным без тщательного рассмотрения природных условий, включая климат, ландшафтные и гидрологические характеристики, характеристики почв, в свою очередь, определяющие сезонность и продуктив-

ность экосистемы, экологические риски, доступность водных ресурсов. Как демонстрируют данные, приведенные в двух последних главах нашего исследования, экологические условия в целом определяют приемлемость или неприемлемость фрагментации ландшафта на индивидуальные участки. Частная собственность и другие формы индивидуализации землепользования оказывают однозначно негативное влияние на экосистему и эффективность животноводческого производства в засушливом климате, характеризующемся непредсказуемыми и продолжительными изменениями условий. Речь прежде всего идет о так называемых «неравновесных экосистемах» с колебаниями межгодового уровня осадков выше порога 0,33, в которых основным фактором, определяющим динамику экосистемы, является засуха. Новая парадигма землепользования, построенная на тщательных исследованиях неравновесных экосистем, убедительно доказала, что мобильность скота – необходимый компонент скотоводческого хозяйства в условиях значительного колебания межгодового уровня осадков. Несмотря на то что воздействие других абиотических факторов на условия пастбищного содержания скота, кроме уровня осадков, остается слабо изученным, тот факт, что стратегии, направленные на снижение влияния, например, снежного шторма или обледенения растительного покрова, также требуют организации мобильного хозяйства, очевиден.

Коллективная собственность обеспечивает возможности для гибкого реагирования на изменения природных условий посредством отгона скота из наиболее неблагоприятных экологических ниш в более благоприятные. Чем выше вариативность природных условий, тем выше необходимость гибкого реагирования на них, а значит, тем более важно предусмотреть механизмы земельных отношений, обеспечивающие возможность снижения экологических рисков. Для обеспечения мобильности сельскохозяйственных животных в таких условиях необходима пространственная и социальная гибкость моделей землепользования, включающая гибкость институтов, регулирующих землепользование. Политика, направленная на раздел земельных ресурсов на индивидуальные участки, в условиях вариативности природно-климатических условий, как показывает опыт, вступает в противоречие с этими требованиями, характерными для скотоводческих сообществ (*Fernandez-Gimenez, 2002, стр. 50*).

Но и в равновесных экосистемах продуктивность пастбищ является одним из основных факторов, определяющих экологическую обоснованность той или иной формы собственности. Если используемый ресурс занимает большую территорию при низкой стоимости произведенной продукции на единицу площади и имеет низкий потенциал для повышения

плодородия при высоких затратах труда на его поддержание, а местное сообщество состоит из мелких и средних производителей, экономическая обоснованность коллективного пользования более вероятна. Перечисленные характеристики пастбищной экосистемы делают приватизацию угодий нерентабельной или низкорентабельной. Затраты на огораживание и исключение иного пользования, кроме пользования правообладателя, в этом случае возрастают за счет необходимого увеличения пастбищных площадей. Коллективная собственность сообщества может быть наиболее приемлемым вариантом, позволяющим повысить норму прибыли за счет снижения расходов на обеспечение эксклюзивного пользования. Кроме того, коллективная собственность на пастбища создает более благоприятные условия для местной кооперации, такие как совместный выпас скота. Но, в отличие от неравновесных экосистем, четкое определение границ коллективных ресурсов может быть более приемлемо. Оно позволяет исключить сторонних пользователей выпасов и защитить права членов сообщества против игроков, желающих использовать земли, занятые под пастбища, в иных целях.

Более продуктивная экосистема с низким уровнем колебаний годовых и межгодовых условий, характеризующихся равномерностью распределения ресурсов в пространстве, может предоставить лучшие возможности с точки зрения экономической эффективности для частного использования пастбищ. Но равномерное распределение ресурсов среди домохозяйств в случае, если предпринимается фрагментация ландшафта, – обязательное условие. Равнозначность угодий должна предусматривать не только равные площади, необходимо учитывать продуктивность пастбищ, видовой состав трав, сезонность видового состава. Не менее важны наличие водных источников; градус горных склонов, позволяющий или не позволяющий выпас тех или иных видов животных; удаленность от административных, образовательных и экономических центров, растениеводческих и сенокосных наделов; транспортная/пешая доступность. Наделение всех домохозяйств наделами, равными по всем этим параметрам, – задача чрезвычайно сложная в любых условиях. Однако наиболее остро эта проблема стоит в мозаичных условиях горного ландшафта, складывающихся за счет высотной поясности, крутизны склонов, их освещенности и пр. В условиях вертикальной стратификации и мозаичности ресурсов, а также высоких транспортных расходов повышается конкуренция за наиболее плодородные и удобно расположенные угодья. Кроме того, распределение ресурсов осложняется необходимостью вертикальной интеграции хозяйства, обеспечивающей его эффективность, поскольку в основе вертикальной интеграции лежит сочетание использо-

вания расположенных в различных экозонах растениеводческих наделов, пастбищ различных сезонов и сенокосов.

Неравномерный доступ к ресурсам, в свою очередь, может рассматриваться как основа повышения социальной напряженности и конфликтов. При этом необходимо учитывать, что чем более разнообразен состав населения по религиозному, этническому, родовому и другим признакам в условиях горизонтального неравенства, т.е. асимметричного социально-экономического или политического положения различных групп, тем выше вероятность конфликтов. В то же время необходимо принимать во внимание, что основная причина конфликтов – не культурные или этнические различия, а само горизонтальное неравенство, в том числе основанное на асимметричном доступе к ресурсам. Соответственно снижение социального неравенства должно быть одной из основных целей земельной политики.

В относительно хорошо увлажненной экосистеме приватизация пастбищ, возможно, имеет шансы быть осуществленной без значительного ущерба хозяйствам мелких производителей и пастбищной экосистеме, если в качестве индивидуальных наделов для более крупных хозяйств выделяются угодья, расположенные на значительном расстоянии от мест концентрации населения и скота. Если же отдаленные угодья выделяются мелким собственникам скота, использование таких частных или коллективных пастбищ с большой вероятностью окажется экономически неоправданным для владельцев небольших стад. Это может привести к концентрации скота в селах и деградации сельских пастбищных угодий, а также к повышению уязвимости производства к экологическим рискам. В целом же частные пастбища более приемлемы на территориях с очень низкой плотностью населения.

Частная собственность на земельные ресурсы наиболее оправдана в случае ресурсов, используемых для сенокосения. Но распределение этих ресурсов, как правило, наиболее дефицитных в условиях России, также должно обеспечить равные возможности для жителей села. Размер сенокосных угодий в тех экосистемах, где зимний выпас скота ограничен или невозможен, является главным фактором, определяющим размер стада каждого домохозяйства. Таким образом, неравномерное распределение сенокосных угодий станет безусловным детерминантом социального расслоения сельских сообществ.

Предварительная оценка институциональных условий реализации земельных преобразований столь же необходима, как и исследования природно-климатических факторов. Необходимость подобной оценки обеспечивается тем фактом, что институциональные условия, суще-

ствующие в том или ином сообществе на момент начала преобразований, оказывают непосредственное влияние на ход реформ и соответственно должны учитываться на этапе их подготовки. Противоречия между институтами привносимыми и уже существующими с большой вероятностью приведут к тому, что к первым отношение будет формальным. В результате эти институты не смогут занять место «работающих норм». Внедрение новых институтов в то же время может привести к деградации уже имеющегося регулятивного механизма землепользования и к фактическому институциональному вакууму, т.е. нерегулируемому пользованию. Следовательно, реализация земельной реформы не должна ограничиваться только перераспределением земельных ресурсов и законодательным закреплением предлагаемых земельных отношений. Юридическая гарантия прав и их фактическая реализация – понятия не идентичные. Для фактической реализации реформ более важны практические институциональные возможности, которые обеспечиваются не только, а зачастую и не столько, юридическими гарантиями, сколько распределением власти и влияния, формализованным и неформализованным, складывающимся в результате брачных и родственных отношений, религиозной и этнической идентичности. Обоснование прав, процесс принятия решений и разрешения конфликтов неотделимы от влияния этих факторов, находящихся в постоянном изменении.

Провал многих институциональных преобразований также связан с попытками внедрить эти преобразования на слишком высоком уровне (*Ostrom, 1990*). Это утверждение не предполагает игнорирования важности юридического закрепления прав. Безусловно, законодательные рамки необходимы для того, чтобы задавать общее направление, но конкретные решения должны приниматься на местах, способствуя формированию и поддержке местных институтов управления. Поскольку институты, привнесенные извне, не имеют характеристик, присущих институтам, построенным снизу, таких как взаимное доверие членов сообществ и необходимость поддерживать свою репутацию внутри сообщества, отсутствие подобных характеристик создает условия для бюрократизации и стимулирует рентоориентированное поведение (*Agrawal, Ostrom, 2001*).

Кроме того, слабость коллективных институтов может быть результатом высоких издержек населения на участие в управлении, в том числе на приобретение информации. В свою очередь, низкий уровень информированности населения также создает условия для манипуляций ресурсами со стороны местных элит и бюрократизации институтов. Таким образом, снижение транзакционных издержек на доступ к информации является одним из важнейших факторов противостояния коррупции и забюрокра-

тизированнойности процесса. Соответственно распространение среди членов местных сообществ доступной информации о возникающих в связи с преобразованиями правах и обязанностях должно рассматриваться как обязательный аспект реформы. Важно подчеркнуть, что доступность информации обеспечивается за счет не только ее широкого распространения, но и простоты изложения нормативных и законодательных актов и сопровождающих их документов.

Еще один очень важный вопрос, который необходимо учитывать при планировании земельных преобразований, – это доступность социальных услуг. Обеспечение доступа к услугам и поддержание их качества на уже существующем уровне в условиях фрагментации скотоводческого ландшафта неминуемо потребуют повышения затрат на их оказание.

Список использованной литературы

Алпатов А. Земельная реформа в России. М.: АКДИ; Экономика и жизнь, 2005.

Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983.

Атлас Забайкалья М.–Л.: Роскартография, 1967.

Грунин К.Я. Подкожные овода (Hypodermatidea). Фауна СССР. Насекомые двукрылые М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 19. Вып. 4. С. 29–35.

Интигиринова Т. Земельные реформы новейшего времени: типология, достижения, проблемы // И. Стародубровская, Н. Зубаревич и др. Северный Кавказ: Модернизационный вызов. М.: Дело, 2011. С. 128–158.

Интигиринова Т. Анализ моделей управления пастбищными угодьями: теоретические основы и международный опыт // И. Стародубровская, Н. Зубаревич и др. Северный Кавказ: Модернизационный вызов. М.: Дело, 2011а. С. 159–195.

Интигиринова Т. Формирование земельного рынка: государственная регистрация земель сельскохозяйственного назначения и фактор информированности населения // XI международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества / Под ред. Е.Г. Ясина. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011б. Кн. 3. С. 57–66.

Калмыков К.С. Ночная пастьба как способ защиты животных от массового нападения кровососущих насекомых и оводов // Ветеринария. 1937. № 5. С. 13–15.

Капелюшников Р.И. Экономическая теория прав собственности. М.: ИМЭМО, 1990.

Капелюшников Р.И. Множественность институциональных миров: Нобелевская премия по экономике-2009 // Экономический журнал ВШЭ. 2010. № 1. С. 12–68.

Морган Л. Древнее общество. Л.: Изд-во Института народов Севера, 1935 [1877].

Мустафаев А.С. Кожный овод крупного рогатого скота в Азербайджанской ССР // Мустафаев А.С. Социалистическое сельское хозяйство Азербайджана. Баку, 1954. С. 48.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997 [1990].

Олейник А.Н. Институциональная экономика: Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2011 [2000].

Павловский Н.Н. Практические результаты уничтожения личинок кожного овода в Семеновщине Новгородского округа и некоторые данные об *Nuropodermæ* // Вредители животноводства. М.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 325–228.

Симуков А.Д. Монгольские кочевки // Современная Монголия. 1934. № 4(7). С. 40–46.

Тохметов Т.М., Гармаев Д.Ц. Некоторые аспекты кормления домашних животных // Попов А.П. Возрождение традиционного животноводства, его связь с материальным бытом, культурой, традициями и обычаями населения Байкальского региона. Материалы научно-практической конференции. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1998. С. 101–103.

Шагайда Н. Оборот сельскохозяйственных земель в России: трансформация институтов и практика. Научные труды № 142Р. М.: Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара, 2010.

Юнусбаев У. Оптимизация нагрузки на естественные степные ландшафты. М.: Центр охраны дикой природы, 2009.

Acheson, J. 2006, 'Institutional failure in resource management,' *Annual Review of Anthropology*, Vol. 35, pp. 117–134.

Agrawal A., Ostrom, E. 2001, 'Collective action, property rights and decentralisation in resource use in India and Nepal', *Politics and Society*, Vol. 29, pp. 485–514.

Alhakami, A., Slovic, P. 1994, 'A psychologic study of the inverse relationship between perceived risk and perceived benefit', *Risk Analysis*, Vol. 14, pp. 1085–1096.

Alimaev, I.I. 2003, 'Transhumant ecosystems,' in C. Kerven (ed.), *Prospects for pastoralism in Kazakhstan, Turkmenistan from state farm to private flock*, Routledge-Curzon, London, pp. 31–73.

Alimaev I.I., Behnke, R.H. 2008, 'Ideology, land tenure and livestock mobility in Kazakhstan,' in K.A. Galvin et al. (eds.), *Fragmentation in semi-arid and arid landscapes: consequences for human and natural systems*, Dordrecht, Springer, pp. 151–178.

Allina-Pisano, J. 2008, *The post-Soviet Potemkin village: politics and property rights in the Black Earth*, Cambridge University Press, Cambridge.

Andelson, R. 1991, 'Commons without tragedy: the congruence of Garrett Hardin and Henry Goerge', in R. Andelson (ed.), *Commons without tragedy: protecting environment from overpopulation. A new approach*, Savage, London.

Annual Report 2008/2009 2009, Crofters Commission UK, www.crofters-commission.org.uk

Axelrod, R., Hamilton, W. 1981, The evolution of cooperation, *Science*, Vol. 211, no. 4489, pp. 1390–1396.

Atwood, D.A. 1990, 'Land registration in Africa: the impact on agricultural production,' *World Development*, Vol. 18, no. 5, pp. 659–671.

Baland, J.-M., Platteau, J.-Ph. 1996, *Halting degradation of natural resources: is there a role for rural communities?* Oxford, Oxford University Press.

Banks, T. 2001, 'Property rights and the environment in pastoral China: evidence from the field', *Development and Change*, Vol. 32, pp. 717–740.

Banks, T., Richard, C., Ping, L., Zhaoli, Y. 2003, Community-based grassland management in Western China: rationale, pilot project experience, and policy implications, *Mountain Research and Development*, Vol. 23, no. 2, pp. 132–140.

Barnes, A. 2006, *Owning Russia: the struggle over factories, farms and power*, Cornell University Press, Ithaca and London.

Barnett, R. (ed.) 1994, *Resistance and Reform in Tibet*, Hurst Co., London.

Baskerville, G. 1995, The forestry problem: adaptive lurches of renewal, in L. Gunderson, C. Holiings, S. Lights (eds), *Barriers and bridges to the renewal of ecosystems and institutions*, Columbia University Press, New York, pp. 37–102.

Basurto, X., Ostom, E. 2009, 'The core challenges of moving beyond Garrett Hardin,' *Journal of Natural Resources Policy Research*, Vol. 1, no.3, pp. 255–259.

Batbuyan, B. 1996, 'Proposal for the adoption of ecologically appropriate regions for herding in Inner Asia' in C. Humphrey, D. Sneath (eds.), *Culture and environment in Inner Asia: the pastoral economy and the environment*, Vol. 1, The White House Press, Cambridge, pp. 198–208.

Bates, R. 1988, *Contra Contractarianism: Some reflections on the new institutionalism*, *Politics and Society*, Vol. 16, pp. 387–401.

Bates, R. 1995, *Social dilemmas and rational individuals: an assessment of the new institutionalism*, in J. Harris, J. Hunter, C. Lewis (Eds), *The new institutional economics and the third world development*, Routledge, London, pp. 27–48.

Bauer, K. 2005, *Development and the enclosure: movement in pastoral Tibet since the 1980s*, *Nomadic People*, Vol. 9. no.1, 2. стр. 53–81.

Bauer, K. 2006, *Common property and power: insights from a special analysis of historical and contemporary pasture boundaries among pastoralists in Central Tibet*, *Journal of Political Ecology*, Vol. 13, pp. 24–47.

Bedunah, D.J., Schmidt, S.M. 2004, 'Pastoralism and protected area management in Mongolia's Gobi Gurvasaikhan Park,' *Development and Change*, Vol. 35, no. 1, pp. 167–191.

Behnke, R. 1983, 'Production rationales: the commercialization of subsistence pastoralism', *Nomadic Peoples*, Vol. 14, pp. 3–33.

Behnke, R. 1994, *Natural resource management in pastoral Africa*, *Development Policy Review*, Vol.12, p. 5–27.

Behnke, R., I. Scoones, C. Kerven (eds) 1993, *Range Ecology at Disequilibrium: New Models of Natural Variability and Pastoral Adaptation in African Savannas*, ODI/IIED, London.

Behnke, R., I. Scoones 1993, 'Rethinking range ecology: implications for rangeland management in Africa,' in Behnke, R., I. Scoones, C. Kerven (eds) 1993, *Range Ecology at Disequilibrium: New Models of Natural Variability and Pastoral Adaptation in African Savannas*, ODI/IIED, London.

Behnke, R. 2003, 'Reconfiguring property rights and land use,' in C. Kerven (ed.), *Prospects for pastoralism in Kazakstan, Turkmenistan from state farm to private flocks*, Routledge-Curzon, London, pp. 75–107.

Behnke, R.H. 2008, 'The drivers of fragmentation in arid and semi-arid landscapes,' in K.A. Galvin et al. (eds.), *Fragmentation in semi-arid and arid landscapes: consequences for human and natural systems*, Springer, Dordrecht, pp. 305–340.

Benjamin D. Can unabsorbed land quality explain the inverse productivity relationship? *Journal of Development Economics*, 1995. Vol. 46. C. 51–84.

Berkes, F. 2009, 'Revising the commons paradigm,' *Journal of Natural Resources Policy Research*, Vol. 1, no. 3, pp. 261–263.

Berkes, F. 2008, *Sacred Ecology*, Routledge, New York.

Berry, S. 1993, *No condition is permanent. The social dynamic of agrarian change in Sub-Saharan Africa*, University of Wisconsin Press, Madison.

Berry A., Cline W. 1979, *Agrarian structure and productivity in developing countries*. Johns Hopkins University Press, Baltimore.

Binmore, K. 2006, Reciprocity and the social contract, *Politics, Philosophy, Economics*, Vol. 3, no. 1, pp. 5–35.

Bjorkman, M. 1987, Time and risk in the cognitive space, in L. Sjoberg (ed), *Risk and Society*, Allen and Unwin, London, pp. 13–36.

Blair, H. 1996, 'Democracy, equity, and common property resource management in the Indian subcontinent', *Development and Change*, Vol. 27, pp. 475–499.

Brandes, S. 1975, *Migration, kinship, and community: tradition and transition in a Spanish village*, Academic, New York.

Brown, L.H. 1971, The biology of pastoral man as a factor in conservation, *Biological Conservation*, Vol. 3, no. 2, pp. 93–100.

Brown, K. 2007, 'Reconciling moral and legal collective entitlement: implications for community-based land reform', *Land Use Policy*, Vol. 24, no. 4, pp. 633–643.

Bryant, C., Jary, D. 1991, Introduction: coming to terms with Anthony Giddens, in C. Bryant, D. Jary (eds), *Giddens theory of structuration: a critical appreciation*, Routledge, London, pp. 1–31.

Bryden, J., Geisler, Ch. 2007, 'Community-based land reform: lessons from Scotland,' *Land Use Policy*, Vol. 24, no. 1, pp. 24–34.

Collantes, F. 2009, The demise of European mountain pastoralism: Spain 1500–2000, *Nomadic Peoples*, Vol. 13, no. 2, pp. 124–145.

Camerer, C., Fehr, E. 2006, When does "economic man" dominate social behaviour? *Science*, Vol.311, pp. 47–52.

Cancian, F. 1980, Risk and uncertainty in agricultural decision making, in P.F. Barlett (ed.) *Agricultural decision making: anthropological contribution to rural development*, Academic Press, Orlando, FL.

Caplan P. (ed.) 2000, *Risk Revisited*, London, Sterling, Pluto Press, Virginia.

Cashdan, E. (ed.) 1990, *Risk and uncertainty in tribal and peasant economies*, Westview Press, Boulder.

Chayanov, A.V. 1986, Peasant farm organization. in Thorner, Daniel; Kerblay, Basile, Smith R.E.F. (eds.), *A.V. Chayanov, On The Theory of Peasant Economy*, The University of Wisconsin Press, Madison, pp. 29–270.

Chen, S., Liu, Y., Thomas, A. 2006, Climatic change on the Tibetan Plateau: Potential evapotranspiration trends, 1961–2000, *Climatic Change*, Vol. 76, pp. 291–319.

Choi, J.-K., Bowles, S. 2007, The Coevolution of Parochial Altruism and War, *Science*, Vol. 318, pp. 636–640.

Cincotta, R.P., Yanqing, Z., Xingmin, Z. 1992, 'Transhumant alpine pastoralism in north-eastern Quighai Province: an evaluation of livestock population response during China's agrarian economic reform,' *Nomadic People*, Vol. 30, pp. 3–25.

Ciriacy-Wantrup, S., Bishop, R. 1975, "Common Property" as a concept in Natural Resource Policy, *Natural Resources Journal*, Vol. 15, pp. 713–27.

Cohn, S. 2000, Risk, ambiguity and the loss of control: how people with a chronic illness experience complex biomedical causal models. in: P. Caplan (ed.) *Risk Revisited*, Pluto Press, London, Sterling, Virginia, pp. 204–225.

Committee on inquiry oncrofting, Final Report 2008, Edinburgh.

Commons, J. 1957, *Legal foundation of capitalism*, Madison, University of Wisconsin Press.

Cornia G. 1985, Farm size, land yields and the agricultural production function: an analysis for fifteen developing countries, *World Development*, Vol.13. pp. 513–34.

Cotula, L., Toulmin, C., Quan, J. 2006, *Better land access for the rural poor. Lessons from experience and challenges ahead*, IIED, FAO.

Cousins, B. 2000, Tenure and common property resources in Africa in C. Toulmin, J. Quan (eds) *Evolving land rights, policy and tenure in Africa*, DFID/IIED/NRI, London, pp. 151–179.

Crate, S.A. 2003, 'The great divide: contested issues of post-Soviet Viliui Sakha land use,' *Europe-Asia Studies*, vol. 55, no. 6, pp. 869–888.

Cramb, A. 1996, *Who owns Scotland now? The use and abuse of private land*, Mainstream publishing, Edinburgh, London.

Crawford, S., Ostrom, E. 1995, A grammar of institutions, *American Political Science Review*, Vol. 89, no. 3, pp. 582–600.

Dawkins, R. [1976] 1989, *The Selfish Gene* (2nd ed.), Oxford University Press, Oxford.

Deininger, K. 2003, *Land policies for growth and poverty reduction*, The World Bank and Oxford University Press, Oxford and New York.

Deng, A. 2005, *Research on ecological economics of pastoral grasslands on the Qinghai-Tibet Plateau*, People's Publishing House, Beijing, pp. 292 (источник на китайском языке).

de Leeuw, P., Tothill, J. 1993, The concept of rangeland carrying capacity in Sub-Saharan Africa – myth or reality, in R. Behnke, I. Scoones, C. Kerven (eds), *Range ecology in disequilibrium*. ODI, London.

Dobie, J. F. 1980 [1941], *The Longhorns*, Austin, University of Texas Press.

Dolinski, D., Gromski, W., Zawisza, E. 1987, Unrealistic pessimism, *Journal of Social Psychology*, Vol. 127, no. 5, pp. 511–516.

Dominguez, R., de la Puente, L. 1995, 'Condicionantes e itinerarios del cambio tecnico en la ganaderia cantabra, 1750–1930', *Noticiario de Historia Agraria*, Vol. 9, pp. 69–86.

Domrös, M., Schäfer, D. 2003, Recent climate change in China – statistical analyses of temperature and rainfall records, in *Terra Nostra*, Vol. 6, Klima-variabilität, Schriften der Alfred-Wegener-Stiftung, pp. 371–74.

Dershem, L. D. 2002, 'How much does informal support matter? The effect of personal networks on subjective evaluation of life,' in D.J. O'Brien, S.K. Wegren (eds.), *Rural reform in post-Soviet Russia*, The John Hopkins University Press, Baltimore, London, pp. 385–402.

Due, M.Y., Kawashima, S., Yonemura, S., Zhang, X.Z., Chen, S.B. 2004, Mutual influence between human activities and climate change in the Tibetan Plateau during recent years, *Global and Planetary Change*, Vol. 41, pp. 241–249.

Dwyer, C., Hodge, I. 1996, *The countryside in trust*, John Wiley, Chichester.

Ellis, J.E., Galvin, K., McCabe, J.T., Swift, D.M. 1987, Pastoralism and drought in Turkana District, Kenia, A report to NORAD, Nairobi.

Ellis, J., Swift D. 1988, 'Stability of African pastoral ecosystems: Alternate paradigms and implication for development,' *Journal of Range Management*, Vol. 41, no. 6, pp. 450–459.

Ellis, J., Coughenour, M., Swift, D. 1993, 'Climate variability, ecosystem stability, and the implications for range and livestock development,' in R. Behnke, I. Scoones, C. Kerven (eds) *Range Ecology at Disequilibrium*, ODI/IED, London, pp. 31–41.

Feder, G., Nishio, A. 1999, 'The benefits of land registration and titling: economic and social perspectives,' *Land use policy*, Vol. 15, no.1, pp. 25–43.

Feeny, D., Berkes, F., McCay, B., Acheson, J. 1990, 'The Tragedy of the Commons: Twenty-two years later', *Human Ecology*, Vol. 18, no. 1, pp. 1–19.

Fernandez-Gimenez, M.E. 2002, 'Spatial and social boundaries and the paradox of pastoral land tenure: a case study from postsocialist Mongolia,' *Human Ecology*, vol. 30, no. 1, pp. 49–78.

Fischel, W. 1985, *The economics of zoning law*, John Hopkins University Press, Baltimore.

Frank R. 2004, *What price the moral high ground?: Ethical dilemmas in competitive environment*, Princeton University Press, Princeton & Oxford.

Frauenfeld, O.W., Zhang, T.J., Serreze, M.C. 2005, Climate change and variability using European Centre for Medium-Range Weather Forecast re-

analysis (ERA-40) temperatures on Tibetan Plateau, *Journal of Geographic Research*, Vol. 110, DO2101.

Gaffney, M. 1965, Soil Depletion and Land Rent, *Natural Resource Journal*, Vol. 4, no.3, pp. 537–57.

Galaty, J., Johnson, D. (eds) 1990, *The world of pastoralism: Herding systems in comparative perspective*, The Guilford Press, New York, Belhaven Press, London.

Galvin, K., Reid, R., Behnke, R., Hobbs, Th. 2008, *Fragmentation in Semi-Arid and arid landscapes: Consequences for human and natural systems*, Springer, Dordrecht.

Gao, Y., Luo, P., Wu, N. Chen, H., Wang, G. 2007, Grazing intensity impacts on carbon sequestration in an alpine meadow on the eastern Tibetan Plateau, *Research Journal of Agriculture and Biological Sciences*, Vol. 3, no. 6, pp. 642–647.

Garcia Sanz, A. 1998, ‘Los privilegios mestenos en el tiempo, 1273–1836: una revision de la obra de Julius Klein’, in A. Garcia Sanz, F. Ruiz (eds), Barcelona, Critica.

Gasson, R. 1973, Goals And Values Of Farmers, *Journal of Agricultural Economics*, Vol. 24, no.3.

Gemmer, M., Becker, S., Jiang, T. 2003, Detection and visualization of climate trends in China, www.uni_giessen.de/zeu/papers/disrap%2315.pdf (accessed 2003).

Gibbs C., Bromley D. 1989, ‘Institutional arrangements for management of rural resources; common-property regimes’, in F. Berkes (ed.) *Common property resources; ecology and community-based sustainable development*, Belhaven Press, London.

Giddens, A. 1984, *The constitution of society: outline of the theory of structuration*, Polity Press, Oxford.

Goldschmidt, W. 1981, ‘The failure of pastoral economic development programs in Africa’, in J. Galaty, D. Aronson, P. Salzman (eds), *The Future of Pastoral Peoples*, International Development Research centre, Ottawa.

Goldstein, M. 1994, Change, conflict and continuity among a community of nomadic pastoralists, in R. Barnett (ed.) *Resistance and Reform in Tibet*, Hurst, Co., London, pp.76–111.

Gordon, S. 1954, The economic theory of a common property resource: the fishery, *Journal of Political Economy*, Vol. 62, no. 2, pp. 124–142.

Gore, C. 1993, Entitlement relations and unruly social practices: a comment on the work of Amartya Sen, *Journal of Development studies*, Vol. 29, no. 3, стр. 429–460.

Gray, M. 1981, There regions and their issues: Scotland, in G.E. Mingay (ed.), *The Victorian Countryside*, Routledge&Paul Kegan, London, pp.81–93.

Gruschke, A. 2008, Nomads without pastures? Globalisation, regionalization, and livelihood security of nomads and former nomads in Northern Khams, *Journal of the International Association of Tibetan Studies*, Vol. 4, pp. 1–40.

Haaland, G. 1980, ‘Social organization and ecological pressure in Southern Darfur’, in G. Haaland, *Problems of Savannah Development: The Sudan Case*, University of Bergen, Bergen, pp. 55–105.

Hargartner, J. 2002, Dependant on snow and flour: Organisation of herding life and socio-economic strategies of Kyrgyz mobile pastoralists in Murghab, Eastern Pamir, Tajikistan, Master Thesis, University of Berne, Berne.

Hann, Ch. 1996, ‘Land tenure and citizenship in Tazlar’ in R. Abrahams (ed.), *After socialism: land reform and social changes in Eastern Europe*, Berghahn books, Oxford, pp. 23–49.

Hann, Ch. 2006, ‘Introduction: faith, power and civility after Socialism,’ in Ch. Hann and the ‘Civil Religion’ Group (eds.), *The postsocialist religious question: faith and power in Central Asia and East-Central Europe*, Lit, Münster, London. pp. 1–26.

Hanstad, T., Duncan, J. 2001, Land reform in Mongolia: observations and recommendations, Rural Development Institute, Seattle.

Hardin, G. 1968, ‘Tragedy of the commons,’ *Science*, vol. 162, no. 3859, pp. 1243–1248.

Hardin, G. 1998, ‘Extensions of “The tragedy of the commons”’, *Science*, Vol. 280.

Harris, R. 2010, Rangeland degradation on the Quinghai-Tibetan plateau: A review of the evidence of its magnitude and causes, *Journal of Arid Environment*, Vol. 74, pp. 1–12.

Hauert, Ch., Traulsen, A., Brandt, H., Nowak, M., Sigmund, K. 2007, ‘Via Freedom to Coercion: The Emergence of Costly Punishment’, *Science*, Vol. 316, pp. 1905–07.

Hedlund, S. 2001, ‘Property without rights: dimensions of Russian privatisation,’ *Europe-Asia Studies*, Vol. 53, no. 2, pp. 213–237.

Heltberg R. Rural market imperfections and the farm size-productivity relationship: evidence from Pakistan// *World Development*. 1998. Vol. 26. C. 1807–26.

Helweg-Larsen, M. 1999, (The lack of) optimistic biases in response to the 1994 Northridge earthquake: The role of personal experience, *Basic and Applied Social Psychology*, Vol. 21, no.2, pp. 119–129.

Hivon, M. 1995, ‘Local resistance to privatisation in rural Russia,’ *Cambridge Anthropology*, Vol. 18, no. 2, pp. 13–22.

Ho, P. 2000, 'The clash over state and collective property: the making of the rangeland law', *The China Quarterly*, Vol. 161, pp. 240–263.

Hobley, M. 1992, Policy, rights and local forest management: the case of Himachal Pradesh, India, Rural Development Forest Network Paper, no. 13b, ODI, London.

Homewood, K., Kiwasila, H., Brockington, D. 1997, Conservation with Development? The Case of Mkomazi, Tanzania. UCL, London.

Homewood, K., Coast, E., Thompson, M. 2004, 'In-migrants and exclusion in east African rangelands: access, tenure and conflict,' *Africa*, Vol. 74, no. 4, pp. 567–610.

Hulme, M., Zhao, Z., Jiang, T. 1994, Recent and future climate change in East Asia, *International Journal of Climatology*, Vol. 14, pp. 637–658.

Hume, D. 1978 [1788], A treatise of human nature, edited by L. Selby Biggs, revised by P. Nidduch, Clarendon Press, Oxford.

Humphrey, C. 1998, Marx went away – but Karl stayed behind, The University of Michigan Press, Ann Arbor.

Humphrey, C. 2002, 'The domestic mode of production in post-Soviet Siberia,' in C. Humphrey (ed.), The unmaking of Soviet life: everyday economies after socialism, Cornell Universities Press, Ithaca, New York, pp. 165–174.

Humphrey, C., Sneath, D. 1999, The end of nomadism? Society, state and the environment in Inner Asia, Duke University Press, Durham.

I.L.C.A. International Livestock Centre for Africa 1980, Pastoral Development Projects, ILCA: Bulletin 8.

Intigrinova, T. 2005, Transhumance in transition: consequences of socio-economic reform. A case study of Khoito Gol, Buryatia, *Inner Asia*, Vol. 7, pp. 87–105.

Intigrinova, T. 2009, Land, people and post-socialist policies, PhD Thesis, UCL, London.

Intigrinova, T. 2010, Social inequality and risk mitigation in the era of private land: Siberian pastoralists and land use policy, *Pastoralism: Research, Policy and Practice*, Vol. 1, no. 2, pp. 178–197.

IUCN/WWF/UNEP 1991, Caring for the Earth: a strategy for sustainable living, IUCN, WWF, UNEP, Gland, Switzerland.

Jambaajamts, B. 1984, *Climate resources in agriculture*, Ulaanbatar.

Kasperson, R.E., Renn, O., Slovic, P. Brown, H.S. 1988, The social implication of risk: a conceptual framework, *Risk Analysis*, Vol. 8, pp. 177–187.

Kasten, E. (ed.) 2002, People and the land pathways to reform in post-Soviet Siberia, Dietrich Reimer Verlag, Berlin.

Kelly, H.H. 1973, The process of causal attribution, *American Psychologist*, Vol. 28, pp. 107–28.

Kerven, C. 2003, ‘“We have seen two worlds”: impact of privatisation on people, land and livestock,’ in C. Kerven (ed.), *Prospects for pastoralism in Kazakhstan, Turkmenistan from farm to private flocks*, Routledge-Curzon, London, pp. 1–26.

Kerven, C., Channon, J., Behnke, R. 1996, *Planning and policies on extensive livestock development in Central Asia*, Overseas Development Institute, London.

Klein, J. 1920, *The Mesta: A Study in Spanish Economic History 1273–1836*. Harvard University Press, Cambridge.

Kutcher G.P., Scandizzo P. L. 1981, *The Agricultural Economy of North-east Brazil: The Johns Hopkins University Press*, Baltimore and London.

Lackett, J., Galvin, K. From fragmentation to reaggregation of rangelands in the northern Great Plains, USA, in K. Galvin, R. Reid, R. Behnke, N. Hobbs (eds) *Fragmentation in semi-arid and arid landscapes: consequences for human and natural systems*, Springer. 2008. pp. 113–134.

Lamprey, H.F. 1983, *Pastoralism yesterday and today: overgrazing problem in F. Bourliere (ed.) Tropical Savannas: Ecosystems of the world*, Vol. 13, Elsevier, Amsterdam, pp. 643–666.

Leach, M., Mearns, R., Scoones, I. 1997, *Environmental entitlements: a framework for understanding the institutional dynamics of environmental change*, IDS Discussion Paper, 359, Institute of Development Studies, Sussex.

Leach, M. Mearns, R., Scoones, I. 1999, *Environmental entitlements: Dynamics and institutions in community-based natural resource management*, *World Development*, Vol. 27, no.2, pp. 225–247.

Lebert, T., Rohde, R. 2007, ‘Land reform and the new elite: exclusion of the poor from communal land in Namaqualand, South Africa’, *Journal of Arid Environment*, Vol. 70, pp. 818–833.

Lerman, Z. 2002, ‘The impact of land reform on the rural population,’ in D.J. O’Brien, S.K. Wegren (eds.), *Rural reform in post-Soviet Russia*, The John Hopkins University Press, Baltimore, London, pp. 42–67.

Li, X. 2004, *Maqu County’s retire grazing, return to grass construction programme moves forward smoothly*, Gansu Daily, June 4 (in Chinese).

Li, Y.N., Guan, D.R., Zhao, L., Gu, S., Zhao, X.Q. 2005, *Seasonal frozen soil and its effect on vegetation production in Haibei alpine meadow*, *Journal of Glaciology and Geography*, Vol. 27, pp. 311–319 (in Chinese).

Little, P. 1994, ‘The link between local participation and improved conservation: a review of issues and experiences’, in D. Western, Wright (eds) *Natural connections: perspectives in community based conservation*, Island Press, Washington.

Liu, X.D., Chen, B.D. 2000, Climatic warming in the Tibetan Plateau during recent decades, *International Journal of Climatology*, Vol. 20, pp. 1729–1742.

Lloyd, M., Shucksmith D. 1985, 'Economic development and policies in the Highlands and Islands of Scotland', *Land Use Policy*, pp. 114–124.

Lunch, C. 2003, 'Shepherds and the state: effects of decollectivisation on livestock management,' in C. Kerven (ed.), *Prospects for pastoralism in Kazakhstan, Turkmenistan from state farm to private flock*, Routledge-Curson, London, pp. 171–193.

McGregor, B. 1993, Land tenure in Scotland, the 1st John McEwen Memorial Lecture, Moness Country Club, Aberfeldy.

MAFF 1993, The digest of agricultural census statistics. United Kingdom, HMSO, London.

Manderscheid, A. 2000, 'Revival of nomadic lifestyle: A survival strategy for Dzam Thang's pastoralists', in T. Huber (ed.) *Amdo Tibetans in Transitions: Society and culture in the post-Mao Era*, PIATS 2000: Tibetan Studies: Proceedings of the Ninth Seminar of the IATS, Vol. 5, pp.271–89.

McDermott 1988, The results of research into limited partnership tenancies in Scotland. Paper presentation 'The future for agricultural tenancy in Scotland', Edinburgh School of Agriculture.

Mearns, R. 1993, 'Pastoral institutions, land tenure and land policy reform in post-socialist Mongolia,' Policy alternatives for livestock development in Mongolia. A research and training project, Research report no. 3, IDS, Sussex.

Mearns, R. 1995, Institutions and natural resource management: access to and control over woodfuel in East Africa, in T. Binns (ed.) *People and environment in Africa*, John Wiley, Sons, Chichester, pp. 103–114.

Mearns, R. 2004, 'Sustainable livelihoods on Mongolia's pastoral commons: insights from a participatory poverty assessment,' *Development and Change*, Vol. 35, no. 1, pp. 107–139.

Mehta, L. Leach, M., Newell, P., Scoones, I., Sivaramakrishnan, K., Way, S.-A. 1999, Exploring understanding of institutions and uncertainty: new directions in natural resource management, IDS Discussion Paper 372, IDS, Brighton.

Miehe, G. 1988, Geological reconnaissance in the alpine belt in southern Tibet, *GeoJournal*, Vol. 17, no. 4, pp. 635–648.

Miehe, G., Meihe, S., Kaiser, K., Reudenbach, Ch., Behrendes, L., Duo, L., Schlutz, F. 2009, 'How old is pastoralism in Tibet? An ecological approach to the making of a Tibetan landscape, *Paleogeography, Paleoclimatology, Paleoecology*, Vol. 276, pp. 130–147.

Miller, D. 1998, Fields of grass: pastoralists of the pastoral landscape and nomads of the Tibetan Plateau and Himalayas, ICIMOD, Kathmandu.

Miller, D. 1999, Nomads of the Tibetan Plateau rangelands in Western China – Part Three: Pastoral development and future challenges, *Rangelands*, Vol. 21, no. 2, pp. 17–20.

Miller, D. 2002, The importance of China Nomads', *Rangelands*, Vol. 24, no. 1, pp. 22–24.

Miller, L.L., Heady, P. 2003, 'Cooperation, power, and community economy and ideology in the Russian countryside,' in C. Hann, the 'Property Relations' Group (eds.), *The postsocialist agrarian question: property relations and the rural condition*, Lit Verlag, Munster, pp. 257–291.

Miller, D. 2005, The Tibetan Steppe, in S. Reynolds (ed.), *Grasslands of the world*, Rome, FAO, стр. 305–342.

Montero, R., Mathieu, J., Singh, Ch. 2009, Mountain Pastoralism 1500–2000: an introduction, *Nomadic Peoples*, Vol. 13, no.2, pp. 1–16.

Moore, S. 1975, *Law as process: an anthropological approach*, Routledge, London.

Moreno, J. 2001, 'El impacto del liberalismo sobre la ganaderia de montana, La Sierra de Cameros (La Rioja) entre los siglos XVIII y XIX, *Ager*, Vol. 1, pp. 113–58.

Netting, R. 1972, 'Of men and meadows: strategies of Alpine land use', *Anthropological Quarterly*, Vol.45, pp. 132–144.

Netting, R. 1981, *Balancing on an Alp: ecological change and continuity in a Swiss mountain*, Cambridge University Press, Cambridge.

Niamir-Fuller, M. 1994, 'Natural resource management at local-level', in *Pastoral natural resource management and policy*, Proceedings of the subregional workshop, 1993, UNSO, Arusha, New York.

Niamir-Fuller, M. 1999, *Managing mobility in African rangelands: The legitimization of transhumance*, London: FAO, IT Publications.

Niamir-Fuller, M., Turner, M. 1999, A review of recent literature on pastoralism and transhumance in Africa, in M. Niamir-Fuller (ed.) *Managing mobility in African rangelands: The legitimization of transhumance*, London: FAO, IT Publications, pp. 18–46.

Niamir-Fuller, M. 1999a, Toward a synthesis of guidelines for legitimizing transhumance, in M. Niamir-Fuller (ed.) *Managing mobility in African rangelands: The legitimization of transhumance*, London: FAO, IT Publications.

Nowak, M. 2006, Five Rules for the Evolution of Cooperation, *Science*, Vol. 314, pp. 1560–63.

Oi, J. 1999, Two decades of rural reform in China: An overview and assessment, *The China Quarterly*, Vol. 159, pp. 616–628.

- Olson, M. 1965, *The logic of collective action*, Harvard University Press, Harvard.
- Olson, M. 1992, Foreword, in T. Sandler *Collective action: theory and application*, University of Michigan Press, Ann Arbor, pp. vii-xix.
- Osgood, E.S. 1929 [1970], *The day of cattleman*, Chicago, University of Chicago Press.
- Ostrom, E. 1986, An agenda for the study of institutions, *Public Choice*, Vol. 48, pp. 3–25.
- Ostrom, E. 1987, 'Institutional arrangements for resolving the commons dilemma: some contending approaches,' in B. McCay, J. Acheson (eds), *The question of the Commons: the culture and ecology of communal resources*, The University of Arizona Press, Tucson.
- Ostrom, E. 1990, *Governing the commons: the evolution of institutions for collective action*, Cambridge University Press, Cambridge.
- Ostrom, E. 1996, Crossing the great divide: corruption, synergy and development, *World Development*, Vol. 24, pp. 1073–1087.
- Ostrom, E., Burger, J., Field, C., Norgaard, R., Policansky, D. 1999, 'Revisiting the commons: Local lessons, global challenges,' *Science*, Vol. 284, pp. 278–282.
- Ostrom, E., Gardner, R. and Walker, J. 1994, *Rules, games and common pool resources*, University of Michigan Press, Ann Arbor.
- Oxby, C. 1981, *Group ranchers in Africa*, FAO: Rome, (W/P3098).
- Pallot, J., Nefedova, T. 2007, *Russia's unknown agriculture*, Oxford University Press, Oxford.
- Parry, S. M.; Miles, S.; Tridente, A.; Palmer, S. R. and South and East Wales Infectious Disease Group (2004), Differences in perception of risk between people who have and have not experienced salmonella food poisoning, *Risk Analysis*, Vol. 24, no. 1, pp. 289–299.
- Perrotta, L. 1995, 'Aid agencies, bureaucrats, and farmers: divergent perceptions of rural development in Russia,' *Cambridge Anthropology*, Vol. 18, no. 2, pp. 59–71.
- Perrotta, L. 1998, 'Divergent responses to land reform and agricultural restructuring in the Russian Federation,' in S. Bridger, F. Pine (eds.), *Surviving postsocialism: local strategies and regional responses in Eastern Europe and the Former Soviet Union*, Routledge, London, NY, pp. 148–169.
- Perrotta, L. 2002, 'Rural identities in transition: partial persons and partial peasants in post-Soviet Russia,' in P. Leonard, D. Kaneff (eds.), *Post-socialist peasant?: rural and urban constructions of identity in Eastern Europe, East Asia and the former Soviet Union*, Palgrave, New York.

Peters, P. 1987, Embedded systems and rooted models: the grazing lands of Botswana and the commons debate, in B. McCay, J. Acheson (eds), *The question of the commons. The culture and ecology of communal resources*, University of Arizona Press, Tucson, pp. 171–194.

Peters, P. 1994, *Dividing the commons: Politics, policy and culture in Botswana*, The University Press of Virginia, Virginia.

Peters, P.E. 1998, 'The erosion of commons and the emergence of property: problems for social analysis,' in R.C. Hunt, A. Gilman (eds.), *Property in Economic Context*, University Press of America, Lanham, pp. 351–378.

Peters, P.E. 2004, 'Inequality and social conflict over land in Africa,' *Journal of Agrarian Change*, vol. 4, no. 3, pp. 269–314.

Pirie, F. 2006, Legal complexity on the Tibetan Plateau, *Journal of legal pluralism*, Vol. 53–54, pp. 77–100.

Platteau, J-Ph. 2000, 'Does Africa need land reform?' in C. Toulmin, J. Quan (eds.) *Evolving land rights, policy and tenure in Africa*, DFID/IIED/NRI, London, pp. 51–73.

Pretty, J., 1999, *The living land: agriculture, food, and community regeneration in Rural Europe*, London, Earthscan Publications.

Richard, D.A. 2000, Rangeland policies in Eastern Tibetan Plateau: impact of China's Grassland Law on pastoralism and landscape', *Issues in Mountain Development*, Vol. 4, pp.1–6.

Richard, C. 2002, The potential for rangeland management in yak rearing areas of the Tibetan plateau, in H. Jianlin, C. Richard, O. Hanotte, J. Rege (eds), *Yak production in Central Asian Highlands*, Nairobi, International Livestock Research Institute, pp. 11–20.

Richard, C., Tan, J. 2004, Resource tenure models for rangeland improvements, in C. Richard, K. Hoffman (eds), *The changing face of pastoralism in the Hindu-Kush Himalaya Tibetan Plateau Highland: Forging a sustainable path for the future*, Proceedings of a strategy workshop conducted in Lhasa, TAR, PRC, May 2002, Kathmandu, International Centre for Integrated Mountain Development, Vol. 2, pp. 37–46.

Richard, C., Zhaoli, Ya., Guozhen, D. 2006, The paradox of the individual household responsibility system in the grasslands of the Tibetan Plateau, China, *USDA Forest Service Proceedings RMRS-P-39*.

Robinson, S., Whitton, M. 2010, Pasture in Gorno-Badakhshan, Tadjhikistan: common resource or private property, *Pastoralism: Research, Policy, Practice*, Vol. 2. pp. 198–217.

Runge, C.F. 1981, 'Common property externalities: Isolation, assurance and resource depletion in a traditional grazing context,' *American Journal of Agricultural Economics*, Vol. 63, no. 4, pp.595–606.

Runge, C.F. 2009, 'Guarding the guardians: enforcement in the commons,' *Journal of Natural Resources Policy Research*, Vol. 1, no.3, pp. 275–281.

Rydin, Y., Pennington, M. 2000, 'Public participation and local environmental planning: the collective action problem and the potential of social capital', *Local Environment*, Vol. 5, no. 2, pp. 153–169.

Salasai, S. 1998, 'The concept of land ownership: Islamic perspective', *Bulletin Geoinformasi*, Vol. 2, no.2, pp. 285–304.

Sandford, S. 1982, Pastoral strategies and diversification: opportunism and conservatism in dry lands, in B. Spooner, H.S. Mann (eds) *Desertification and development: dry land ecology in social perspective*, Academic Press, London & New York.

Sarin, M. 1995, Regenerating India's forests: reconciling gender equity with joint forest management, *IDS Bulletin*, Vol. 26, no. 1, pp. 83–91.

Schelling, T. C. 1984, *Choice and consequence: perspectives of an errant economist*, Harvard University Press, Cambridge, Mass.

Schotter, A. 1981, *The economic theory of social institutions*, Cambridge University Press, Cambridge.

Schotter, A. 1994, *Microeconomics. A modern approach*, New York, Harper Collins.

Scoones, I. 1995, New directions in pastoral development in Africa, in I. Scoones (ed.) *Living with uncertainty: New directions in pastoral development in Africa*, Intermediate Technology Publications, London, pp. 1–37.

Scoones, I. 1998, 'Sustainable rural livelihoods: a framework for analysis,' *IDS Working Paper*, no. 72, Institute for Development Studies, Brighton.

Scoones, I. 1999, Ecological dynamics and grazing-resource tenure: a case study from Zimbabwe, in Niamir-Fuller, M. (ed.) *Managing mobility in African rangelands: The legitimization of transhumance*, London: FAO, IT Publications, pp. 217–235.

Scott A. 1955, The fishery: objectives of sole ownership, *Journal of Political Economy*, Vol. 63, no. 2, pp. 116–134.

SEPA (State Environmental Agency Nature Reserve Bureau) 1999, *Report of China's Ecological Problems*, China Environmental Science Press, Beijing (in Chinese).

SEPA (State Environmental Agency Nature Reserve Bureau) 2007, *Report on environment 2006: Grasslands*, SEPA, June 18 (in Chinese).

Shanin, T. 1987 [1971], 'A peasant household: Russian peasant household at the turn of the century,' in T. Shanin (ed.), *Peasants and peasant societies: selected readings*, Penguin Education, Harmondsworth, Baltimore, pp. 30–36.

Shen, D. J., Varis, O. 2001, Climate change in China, *Ambio*, Vol. 30, pp. 381–383.

Sen, A. 1981, *Poverty and Famines: An Essay on Entitlement and Deprivation*. Oxford: Clarendon Press.

Simon, H. 1978, Rationality as process and as product of thought, *The American Economic Review*, Vol. 68, no. 2, pp. 1–16.

Simon, H. 1957, *Models of man: social and rational; mathematical essays on rational human behavior in society setting*, Wiley, New York.

Simon, H. 1991, *Models of my life*, New York, Basic Books.

Sjoberg, L. 2000, Factors in risk perception, *Risk Analysis*, Vol. 20, no.1, pp. 1–10.

Skyner, L. Property as rhetoric: land ownership and private law in pre-Soviet and post-Soviet Russia, *Europe-Asia Studies*, Vol. 55, no. 6, pp. 889–905.

Slovic, P. 1992, Perception of risk: reflections on the psychometric paradigm, in Krinsky, S., Golding, D. (eds), *Social Theories of Risk*, Praeger, Connecticut.

Slovic, P., Finucane, M., Peters, E., McGregor, D. 2004, Risk as an analysis and risk as feeling: some thoughts about effects, reason, risk and rationality, *Risk Analysis*, Vol. 24, no. 2, pp. 311–322.

Smith, A., Foggini, M. 2000, The plateau pika is a keystone species for biodiversity on the Tibetan Plateau, in Z. Li, J. Springer (eds), *Tibet's biodiversity: conservation and management*, Beijing, China Forestry Publishing House, pp. 131–140.

Smith, D. 1994, *Geography and social justice*, Blackwell, Oxford.

Smith, R.E. 2004, 'Land tenure, fixed investment, and farm productivity: evidence from Zambia's Southern province,' *World Development*, Vol. 32, no. 10, pp. 1641–1661.

Sneath, D. 1998, 'State policy and pasture degradation in Inner Asia,' *Science*, Vol. 281, no. 5380, pp. 1147–1148.

State Council 2002, Some suggestions regarding strengthening grassland protection and construction, State Council Circular 19 (in Chinese).

Stewart, F. 2002, 'Root causes of violent conflict in developing countries,' *British Medical Journal*, Vol. 324, pp. 342–345.

Stockdale, A., Lang, A., Jackson, R. 1996, 'Changing land tenure patterns in Scotland: a time for reform?', *Journal of Rural Studies*, Vol. 12, no. 4, pp. 439–449.

Swift, J. 1995, Dynamic ecological systems and the administration of pastoral development in I. Scoones (ed.), *Living with uncertainty: new directions in pastoral development in Africa*, Intermediate Technology Publications, London.

- Teitebaum, J. 1980, Nutritional impacts of livestock development schemes among pastoral peoples. Bureau for Program and Policy Coordination: Washington, USAID (PASA A6/PPC 096-1-80).
- Tullock, G. 1993, Rent Seeking, Edward Elgar, London
- Toulmin, C. 1985, 'Livestock losses and post-drought rehabilitation in sub-Saharan Africa,' LPU Working Paper, no. 9, International Livestock Center for Africa (ILCA), Addis Ababa.
- Toulmin, C. 2008, 'Securing land and property rights in sub-Saharan Africa: the role of local institutions,' Land Use Policy, Vol. 26, pp. 10–19.
- Trivers, R. 1971, The evolution of reciprocal altruism, *Quarterly Review of Biology*, Vol. 46, pp. 35–56.
- Tversky, A., Kahneman, D. 1982, Availability: A heuristic for judging frequency and probability. in D. Kahneman, P. Slovic, A. Tversky (eds.), *Judgment under uncertainty: heuristics and biases*, Cambridge: Cambridge University Press. pp. 163–178.
- Unal F.G. Small is beautiful: Evidence of inverse-size yield relationship in rural Turkey. Ph.D. thesis. Amherst: University of Massachusetts. 2007.
- USAID 1980, The workshop on pastoralism and African Livestock Projects. Bureau for Program and Policy Coordination: Washington USAID Program Evaluation Report № 4.
- Vandergeest, P. 1997, Rethinking property, *Common Property Resource Digest*, Vol. 41, pp. 4–6.
- van der Velde, F. W., Hooykaas, C., van der Pligt, J. 1992, Risk perception and behavior: Pessimism, realism, and optimism about AIDS-related health behaviour, *Psychology and Health*, Vol. 6, pp. 23–38.
- Van Sertima, I. (ed.) 2009, *Golden Age of the Moor*, Ninth Printing, USA.
- Varughese, G., Ostrom, E. 2001, 'The contested role of heterogeneity in collective action: some evidence from community forestry in Nepal', *World Development*, Vol. 29, no. 5, pp. 747–765.
- Viklund, M. J. 2003, Trust and risk perception in western Europe: A cross-national study, *Risk Analysis*, Vol. 23, no. 4, pp. 727–756.
- Walker, P. 2009, 'From 'Tragedy' to Commons: how Hardin's mistake might save the world,' *Journal of Natural Resources Policy Research*, Vol.1, no.3, pp. 283–286.
- Wang, H., Zhou, X.L., Wan, C., Fu, H., Ren, J. 2008, Eco-environmental degradation in the northeastern margin of the Qinghai-Tibetan Plateau and comprehensive ecological protection planning, *Environmental Geology*, Vol. 55, pp. 1135–1147.
- Wang, X.H., Zheng, Z., Shen, Y. 2008a, Land use change and its driving forces on the Tibetan Plateau during 1990–2000, *Catena*, Vol. 72, pp. 56–66.

Wärneryd, K. 1994, Transaction cost, institutions, and evolution, *Journal of Economic Behaviour and Organisation*, Vol. 25, pp. 219–239.

Weale, A. 1992, *The new politics of pollution*, Manchester University Press, Manchester.

Wegren, S.K. 1997, *Agriculture and the state in Soviet and post-Soviet Russia*, Pittsburgh University Press, Pittsburgh.

Wegren, S.K. 1998, 'The conduct and impact of land reform in Russia,' in S.K. Wegren (ed.), *Land reform in the Former Soviet Union and Eastern Europe*, Routledge, New York, London, pp. 3–34.

Wegren, S.K. 2000, 'Socioeconomic transformation in Russia: where is the rural elite?', *Europe-Asia Studies*, Vol. 52, no. 2, pp. 237–271.

Weinstein, N. D. 1987, Unrealistic optimism about susceptibility to health problems; Conclusions from a community-wide sample, *Journal of Behavioural Medicine*, Vol. 10, no. 5, pp. 481–499.

Weinstein, N. D., Lyon, J. E., Rothman, A. J., Cuite, C. L. 2000, Changes in perceived vulnerability following natural disaster, *Journal of Social and Clinical Psychology*, Vol. 19, no. 3, pp. 372–395.

Welch W.P. 1983, 'The political feasibility of full ownership property rights: the cases of proulusion and fisheries,' *Policy Sciences*, Vol. 16, pp. 165–180.

Western, D., Write, M., Strum, S. 1994, *Natural connections: perspectives in community-based conservation*, Island Press, Washington DC.

Wiens, J.A. 1977, On competition and variable environments, *American Scientist*, Vol. 65, pp. 590–597.

Wightman A. 1999, *Scotland: land and power. The agenda for land reform*, Edinburgh, Luath Press Limited.

Wightman A. 2001, 'The Abolition of Feudal Tenure etc. (Scotland) Act 2000', Caledonia Briefing no. 4, <http://www.andywrightman.com/briefings/>

Wightman, A., Callander, R., Boyd, G. 2004, *Common land in Scotland: a brief overview*, Commonweal of Scotland, Working paper no. 3 (Issue 1), Caledonia Centre for Social Development.

Wightman A. 2009, Five years on, what has land reform achieved? *The Herald*, 12 June 2009.

Williams, D.M. 1996, 'Grassland enclosures: Catalyst of land degradation in Inner Mongolia,' *Human Organisation*, vol. 55, no. 3, pp. 307–313.

Wu, N., Richard, C. 1999, The privatization process of rangeland and its impacts on pastoral dynamics in the Hindu-Kush Himalaya: The case of Western Sichuan, China, Paper presented at the International Rangeland Congress, Townsville Australia, July 19-23, 1999.

Xie, Y., Li, W. Why do herders insist on otor? Maintaining mobility in Inner Mongolia, *Nomadic People*, 2008, Vol.12. No.2. pp. 35–52.

Zeng, Y., Feng, Z., Cao, G. 2003, Land cover change and its environmental impact in the upper reaches of the Yellow River, Northeast Qighai-Tibet Plateau, *Mountain Research and Development*, Vol. 23, pp. 353–361.

Zhang, J., Yoa, F., Zheng, L., Yang, L.M. 2007, Evaluation of grassland dynamics in the northern-Tibet Plateau of China using remote sensing and climate data, *Sensors*, Vol. 7, pp. 3312–3328.

Zhang, T. 2007, Perspectives on environmental study of response to climatic and land cover/land use change over the Qinghai-Tibetan Plateau: an introduction, *Arctic, Antarctic and Alpine Research*, Vol. 39, pp. 631–634.

Zhang, Y.M., Zhang, Z.B., Liu, J.K. 2003, Burrowing rodents as ecosystem engineers: the ecology and management of plateau zokors *Myospalax fontanierii* in alpine meadow ecosystems on the Tibetan Plateau, *Mammal Review*, Vol. 33, pp. 284–294.

Zhaoli, Y. 2005, Rangeland privatisation and its impacts on the Zoige wetlands on the Eastern Tibetan Plateau, *Journal of Mountain Science*, Vol. 2, no. 2, pp. 105–115.

Zhaoli Y., Ning W., Yeshe D., Jia R. 2005. A review of rangeland privatisation and its implications in the Tibetan Plateau, China, *Nomadic People*, Vol.9, no.1, 2, pp. 31–51.

Ziker, J.P. 2003, “‘Horseradish is no sweeter than turnips.’ Entitlement and sustainability in the Taimyr Autonomous Region, Northern Russia,” in C. Hann, the ‘Property Relations’ Group (eds.), *The postsocialist agrarian question: property relations and the rural condition*, Lit Verlag, Munster, pp. 361–390.

Yao, R. 2003, ‘News release from the Ministry of Agriculture: More than two billion mu rangeland has been leased to individual households’, *News Xinhua*. 11 November 2003.

Yeh, E. 2003, Tibetan range wars: special politics and authority on the grasslands of Amdo, *Development and Change*, Vol. 34, no. 3, pp. 499–523.

Yeh, E. 2005, Green governmentality and pastoralism in Western China: ‘Converting pasture in grassland’, *Nomadic Peoples*, Vol. 9, pp. 9–30.

Список использованных законодательных актов

Закон РСФСР от 23 ноября 1990 г. «О земельной реформе».

Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ.

Перечень сельскохозяйственных предприятий, не подпадающих под действие постановления правительства РФ от 29 декабря 1991 г. № 86 о порядке реорганизации колхозов и совхозов (утв. Госкомимуществом РФ и Минсельхозом РФ 23.01.1992).

Постановление Правительства РФ от 29 декабря 1991 г. № 86 «О порядке реорганизации колхозов и совхозов».

Постановление Правительства Российской Федерации от 1 февраля 1995 г. № 96 «О порядке осуществления прав собственников земельных долей и имущественных паев».

Указ Президента РФ от 27 декабря 1991 г. № 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР».

Указ Президента РФ от 27 октября 1993 г. № 1767 «О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России».

Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве».

Институтом экономической политики имени Е.Т. Гайдара с 1996 года издается серия “Научные труды”. К настоящему времени в этой серии вышло в свет более 150 работ.

**Последние опубликованные работы
в серии “Научные труды”**

№157Р Е. Синельникова-Мурылева. *Инновации в сфере денежных платежей и спрос на деньги в России. 2011.*

№156Р А. Золотарева. *Состояние и перспективы развития системы социальной защиты в России. 2011.*

№ 155Р С. Дробышевский. *Факторы устойчивости российских банков в 2007–2009 годах. 2011.*

№ 154Р С. Мисихина. *Социальная поддержка уязвимых групп населения. 2011.*

№ 153Р С. Синельников-Мурылев, П. Кадочников, Г. Идрисов. *Налог на прибыль предприятий: анализ реформы 2001 г. и моделирование налогового потенциала регионов. 2011.*

№ 152Р Кнобель А., Соколов И., Худько Е.; под ред. С. Г. Синельникова-Мурылева. *Влияние государственных расходов на качество образования в России. 2011.*

№ 151Р Цухло С. *Конкуренция в российской промышленности в 2003–2009 гг. 2011.*

№ 150Р Идрисова В. *Теоретические вопросы применения нетарифных мер регулирования во внешней торговле. 2011.*

№ 149Р Синельников-Мурылев С., Шкробела Е. *Совершенствование налога на прибыль в Российской Федерации в среднесрочной перспективе. 2011.*

Для заметок

Для заметок

Интигринова Татьяна Павловна

**Права собственности на пастбищные угодья:
проблемы, дискуссии, опыт**

Редакторы: Н. Главацкая, К. Мезенцева, А. Молдавский
Корректор: Н. Андрианова
Компьютерный дизайн: В. Юдичев

Подписано в печать 19.12.2011
Тираж 300 экз.

125993, г. Москва, Газетный переулок, д. 3–5, стр. 1.

Тел. (495) 629–6736

Fax (495) 697–8816

www.iep.ru

E-mail: wwwiet@iet.ru

ISBN 978-5-93255-331-2

9 785932 553312